

Зато Курля лежитъ на большомъ торговомъ и караванномъ трактѣ, связывающемъ Пекинъ съ западными провинціями, и видитъ проѣздомъ много знатныхъ, богатыхъ китайцевъ. Для меня интересъ города сосредоточивался на томъ обстоятельстве, что онъ расположенъ на рѣкѣ Конче- или Курля-дарьѣ, вытекающей изъ самаго большаго озера внутренней Азіи, Баграшъ-куля, въ сравненіи съ которымъ Лобъ-норъ лишь затхлое болото.

11 марта я измѣрилъ притокъ воды въ Конче-дарьѣ; онъ равнялся 71.7 куб. метр. въ секунду. Меня удивило, что бревенчатый мостъ, перекинутый въ городѣ черезъ рѣку, почти касается поверхности воды. Теперь было какъ разъ начало весны, когда всѣ рѣки Восточнаго Туркестана обыкновенно сильно мелѣютъ, а нѣкоторыя даже и совсѣмъ пересыхаютъ.

Я полагалъ, что и Курля-даря подчинялась тѣмъ же условіямъ, т. е., что въ концѣ лѣта здѣсь наступало половодье. Но тогда рѣка должна была снести этотъ мостъ, какъ соломинку, и такимъ образомъ сообщеніе по этому важному торговому пути прервалось-бы. Это было немислимо.

Мнѣ, однако, объяснили, что уровень воды въ рѣкѣ *всегда* остается почти одинаковымъ, повышаясь или понижаясь противъ нормы всего пальца на два.

Если прибавить къ этому, что рѣка эта, въ противоположность другимъ рѣкамъ, несетъ прозрачную и чистую, какъ хрусталь, воду, чуднаго синяго цвѣта, то является предположеніе что она находится въ какихъ то особенныхъ отношеніяхъ къ Баграшъ-кулю. Если не считать временныхъ случайныхъ и ничтожныхъ атмосферныхъ осадковъ, попадающихъ иногда въ формѣ дождя въ это озеро, оно принимаетъ воду только изъ одного притока, зато огромныхъ размѣровъ: въ него вливается водная артерія долины Юлдусъ, рѣка, называемаяся по монгольски Хайды или Хайдыкъ-голь; магометане-же зовутъ ее Кара-шаръ-дарьязы.

Эта рѣка отличается тѣми-же свойствами, какъ и всѣ рѣки Восточнаго Туркестана: лѣтомъ несетъ огромныя массы воды мутной отъ ила, осенью и весной принимаетъ средніе размѣры, зимою-же наименьшіе и, какъ и озеро, сковывается толстымъ льдомъ.

Представлявшаяся мнѣ гидрографическая загадка сма-

нила меня предпринять экскурсію въ Кара-шаръ, расположенный на лѣвомъ берегу Хайдыкъ-гола. Меня не остановило даже то обстоятельство, что тамъ повелѣвалъ всесильный амбань, а у меня не было съ собой паспорта.

12 марта я выѣхалъ туда верхомъ въ сопровожденіи одного Куль-Магомета, а Исламъ-бай и Керимъ-джанъ остались въ Курлѣ присматривать за верблюдами и багажомъ.

Шестимильный путь этотъ мы совершили рысью въ шестичасовой срокъ.

Прибыли мы въ Кара-шаръ какъ разъ, когда рѣка вскрылась, и монголы или калмыки, какъ ихъ называютъ здѣшніе магометане, спустили уже на воду свои паромы для перевозки путниковъ и каравановъ. Такимъ образомъ и тутъ мнѣ представился прекрасный случай измѣрить притокъ воды. 14-го марта онъ равнялся 53,5 куб. м. въ секунду, т. е. въ это время въ каждую секунду изъ озера вытекало на 18 куб. м. больше воды, чѣмъ оно принимало. Знаки, отмѣчавшіе уровень воды прошлымъ лѣтомъ, помогли мнѣ составить приблизительный расчетъ и, прибавивъ къ этому свѣдѣнія, полученные отъ монголовъ перевозчиковъ, я вывелъ заключеніе, что въ годъ рѣка принимаетъ среднимъ числомъ на 2 миллиарда куб. м. больше воды, нежели вытекаетъ изъ нея. Такому отношенію не станешь удивляться, если подумаешь, что озеро Лобъ-норъ, принимающее по меньшей мѣрѣ такое-же количество воды, не отдаетъ ни одной капли инымъ путемъ, кромѣ какъ черезъ испареніе и просачиванье въ почву. Испареніе, однако, самый могущественный факторъ въ этомъ климатѣ, гдѣ относительная влажность воздуха такъ незначительна.

Удивительнѣе всего то, что озеро зимою отдаетъ больше воды, чѣмъ принимаетъ. Причиною, должно быть, то, что значительный бассейнъ между Тянь-шанемъ и Курукъ-тагомъ, простирающійся въ длину на 3 дня пути, а въ ширину на одинъ день, является регуляторомъ, играющимъ роль гуттаперчеваго шарика въ пульверизаторѣ.

Наконецъ, я упомяну, что вода, впадающая въ озеро, мутна, холодна и совершенно прѣснаго вкуса, вытекающая-же изъ него хрустально-прозрачна, нѣсколькими градусами теплѣе и слегка солоновата. Объясняется все это очень просто.

Большое озеро Иссыкъ-куль въ Семирѣченской области

тоже представляет загадку, заставившую поломать головы геологовъ, гидрографовъ и путешественниковъ. Всего въ нѣсколькихъ километрахъ разстоянія отъ западнаго края озера и по совершенно ровной поверхности течетъ порядочная рѣка Чу. Но она не впадаетъ, какъ можно было-бы ожидать, въ озеро, а продолжаетъ путь къ сѣверо-западу, предпочитая прорѣзать мощный хребетъ Ала-тау. Лишь при необычайно сильномъ притокѣ водъ случается, что русло переполняется, и незначительный излишекъ воды отыскиваетъ дорогу въ озеро.

Это явленіе находило различныя болѣе или менѣе сложныя объясненія, какъ геологическаго, такъ и гидрографическаго характера. И я нашелъ свое объясненіе, которое имѣетъ по крайней мѣрѣ то достоинство, что очень просто. Хайдыкъ-голь и Конче-дарья находятся въ такихъ-же отношеніяхъ къ Баграшъ-кулю, какъ рѣка Чу къ Иссыкъ-кулю.

Разстояніе между устьемъ-дельтой Хайдыкъ-гола, впадающаго въ озеро и истокомъ Конче-дарьи равняется только 25 килом. Часть озера между этими устьями мелководна, поросла сочнымъ тростникомъ, и Хайдыкъ-голь высылаетъ къ юго-западу въ озеро длинный дельтообразный рукавъ. Напротивъ, въ остальныхъ мѣстахъ озеро глубоко и лишено растительности.

По дорогѣ въ Кара-шарь, мы миновали, всего въ полуторыхъ часахъ пути отъ Хайдыкъ-гола, сухое русло, отдѣляющееся отъ этой рѣки и впадающее въ Конче-дарью. Когда я поближе познакомился со всѣми этими условіями, я узналъ, между прочимъ, что разъ въ пять, въ восемь лѣтъ, когда прибыль воды въ Хайдыкъ-голь достигаетъ необычайныхъ размѣровъ, часть воды переливается по этому нынѣ сухому руслу въ Конче-дарью, не проходя черезъ Баграшъ-куль. Поверхность здѣсь почти совершенно ровная и только чуть выше уровня озера.

Пусть это явленіе повторится разъ пятнадцать въ столѣтіе, въ слѣдующее столѣтіе оно можетъ уже повториться тридцать разъ, затѣмъ все чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ Хайдыкъ-голь будетъ выдвигать свою илистую дельту въ озеро и собственными отложеніями преграждать путь своему теченію; послѣднее, наконецъ, и бросится всей своей водной массой въ это

сухое нынѣ русло, являющееся лишь бороздой, наполовину занесенною пескомъ и пылью.

Рѣкѣ, бросившей свое русло, предстоитъ тогда протекать всего въ нѣсколькихъ километрахъ отъ озера, не обращая на него вниманія. И получатся тѣ-же самыя своеобразныя условія, какія мы наблюдаемъ теперь около Исыкъ-куля: большое, заключенное между высокими гребнями Тянь-шаня озеро, мимо западнаго края котораго протекаетъ мощная рѣка, да такъ близко, что кажется вотъ-вотъ коснется его, и тѣмъ не менѣе не отдаетъ ему ни капли изъ своихъ водъ. Озеру-же предстоитъ со временемъ обмелѣть и сдѣлаться солончѣе, какъ это уже и замѣтно на Исыкъ-кулѣ.

Кара-шарь, т. е. черный городъ, заслуживаетъ свое прозвище, отличаясь еще большимъ обиліемъ грязи, нежели другіе города внутренней Азіи. Расположенный на гладкой, неплодородной равнинѣ на лѣвомъ берегу рѣки, онъ лишенъ всякой живописности. Зато это большой городъ, въ нѣсколько разъ больше Курли. Въ стѣнахъ его ютится безчисленное количество жалкихъ сакль и дворовъ, базаровъ и кибитокъ монголовъ. Въ общемъ онъ служитъ складочнымъ депо для областной торговли. Жители по большей части монголы и китайцы; затѣмъ дунгане; магометанъ-же всего меньше.

Я счелъ долгомъ вѣжливости сдѣлать визитъ Кара-шарскому амбаню Хуэнь-дарину и преспокойно отправился къ нему въ ямень одинъ, захвативъ съ собою свой хотанскій паспортъ. Амбань, оказавшійся небольшимъ шестидесятилѣтнимъ сѣдобородымъ старичкомъ съ улыбающимся лицомъ, принялъ меня очень дружелюбно и вѣжливо и угостилъ чаемъ, печеньемъ и трубкой. Я съ помощью толмача объяснилъ, какъ попалъ сюда, и выразилъ сожалѣніе, что не захватилъ съ собою паспорта. На это амбань съ любезностью, сдѣлавшею-бы честь и французу, заявилъ: „Вы, вѣдь, нашъ другъ и гость; вамъ не нужно никакого паспорта; вы сами стоите всякаго паспорта“. Вѣроятно, Хуэнь-даринъ не находилъ меня особенно опаснымъ для мира страны.

Затѣмъ онъ приказалъ изготовить для меня паспортъ, дѣйствительный въ данной провинціи. Посидѣвъ у него съ полчаса, я распростился съ нимъ, вѣроятно, навсегда, но навсегда-же и унесъ съ собою добрую память о немъ. Я и те-

перь еще вижу его передъ собой, точно мы видѣлись лишь вчера.

Сообщу еще одинъ эпизодъ изъ пребыванія въ этой области. Довольный своей экскурсіей, прибылъ я 15 марта обратно въ Курлю и узналъ, что съ слугою моимъ Исламъ-баемъ случилось въ мое отсутствіе слѣдующее. Сидѣлъ онъ въ одной лавкѣ на базарѣ и разговаривалъ съ андижанскимъ купцомъ, какъ вдругъ на улицѣ показались верхомъ пять солдатъ китайцевъ, и старшій держалъ древко съ эмблемой власти и могущества императора. По китайскимъ законамъ при видѣ этого значка всѣ должны отдавать ему честь, словно шляпѣ Гесслера: сидящіе вставать, а всадники слѣзать съ коней и тѣмъ свидѣтельствовать свои вѣрноподданническія чувства.

Но Исламъ-бай, въ качествѣ русскаго подданнаго, не счелъ нужнымъ подчиниться этому правилу и остался сидѣть. Солдаты остановились, соскочили съ лошадей, схватили его, стащили съ него „чапанъ“ и въ то время, какъ четверо держали его, пятый отстегалъ до крови.

Частью для того, чтобы доставить удовлетвореніе моему вѣрному слугѣ, частью для того, чтобы поддержать престижъ европейца, я тотчасъ-же написалъ начальнику солдатъ Ли-далою такое письмо.

„Во время моего отсутствія ваши солдаты избили моего слугу, русскаго подданнаго. Если вы мнѣ предъявите соглашеніе между Россіей и Китаемъ, предоставляющее китайскимъ солдатамъ такое право, я оставляю это дѣло, если-же нѣтъ, я требую, чтобы вы подвергли насильниковъ аресту и публичному наказанію на площади. Если-же вы этого не сдѣлаете, я телеграфирую изъ Кара-шара объ этомъ случаѣ русскому консулу въ Урумчи, а также и Фу-таю (генераль губернатору восточнаго Туркестана, проживающему въ Урумчи)“.

Эффектъ отъ письма получился мгновенный и поразительный. Ли-далой явился самъ и смиренно, со слезами въ голосѣ, сталъ увѣрять, что исполнить всѣ мои требованія. Затѣмъ онъ исчезъ, но скоро вернулся съ сообщеніемъ, что не могъ найти виновныхъ и что никто даже не слыхалъ объ этомъ происшествіи. Тогда Исламъ показалъ свою спину и заявилъ, что полосовавшій его кнудомъ солдатъ имѣлъ глубокій шрамъ на лѣвой щекѣ.

По моему требованію вся „лянца“ была прислана на дворъ караванъ-сарая андижанцевъ, гдѣ мы остановились. „Вотъ онъ!“ закричалъ Исламъ, когда мимо насъ прошелъ солдатъ со шрамомъ, схватилъ его за шиворотъ и подтащилъ къ Ли-далою. Тутъ послѣдній проявилъ необычайное рвеніе и молніеносную распорядительность. Послѣдовавшей затѣмъ сцены жители Курли, я думаю, долго не забудутъ. Они биткомъ набили весь дворъ и заняли даже всѣ сосѣднія крыши.

Виновнаго растянули на землѣ, двое изъ его товарищей держали его за руки, двое за ноги, а пятый освободилъ нижнюю часть его тѣла отъ прикрытія, послѣ чего солдатъ получилъ воздаяніе той-же монетой, какою онъ наградилъ Ислама. Черезъ нѣсколько минутъ я объявилъ, что теперь довольно, и что мы удовлетворены.

Сцена эта, разумѣется, была далеко не изъ пріятныхъ. Я вообще люблю дѣйствовать добромъ, но нельзя-же было оставить безнаказаннымъ избиеніе моего ни въ чемъ неповиннаго слуги.

Въ тотъ-же день я отправился къ Ли-далою поблагодарить его за его распорядительность и былъ по дорогѣ предметомъ особаго вниманія и почтенія: всѣ прохожіе сторонились, давая мнѣ дорогу, и мальчишки больше не осмѣливались насмѣхаться надо мной. Сидя у Ли-далою, я все время думалъ объ одномъ обстоятельстве. Будь онъ похитрѣе, онъ-бы, въ отвѣтъ на мои требованія, потребовалъ отъ меня паспорта и удостовѣренія, что Исламъ-бай дѣйствительно русскій подданный; что бы я сталъ дѣлать? Пришлось-бы тогда мнѣ сократиться. Но, къ счастью, Ли-далою не подумалъ о паспортѣ.

Магометанская часть города управляется тремя беками. Одинъ изъ нихъ сѣдобородый старикъ служилъ въ Капшгарѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ во время правленія Вали-ханъ-Тюри, умертвившаго Адольфа Шлагинтвейта, и находился въ большой милости еще у Якубъ-бека. Аксакаль андижанскихъ купцовъ Куль-Магометъ велъ въ Курлѣ торговлю уже много лѣтъ и находился здѣсь во время смерти Якубъ-бека, явившагося въ 1877 г. въ Курлю съ 6,000 солдатъ и готовившагося къ сраженію съ китайцами.

Разсказъ аксакала объ убійствѣ Якубъ-бека значительно отличается отъ другихъ разсказовъ объ этомъ убійствѣ. За-

воеватель пилъ вечеромъ чай у своего наперстника, могущественнаго бека хотанскаго Нiazъ-Хакимъ-бека, того самаго, который по приказанію Якубъ-бека воздвигъ упоминавшіеся въ предыдущемъ караванъ-сарай: Кошъ-лянгаръ и Чулакъ-лянгаръ. Нiazъ-бекъ, соперничавшій со своимъ повелителемъ, влилъ ему въ чай яду, и ядъ быстро подѣйствовалъ.

Курля и 55 окрестныхъ селеній отправляютъ въ Акъ-су и Дураль шерсть, овечьи и лисьи шкуры, хлопокъ, шелкъ и рисъ, а также пшеницу, маисъ, ячмень, гранаты и множество другихъ плодовъ. Желтыя сладкія мѣстныя груши, тающія на языкѣ и называемыя „нэсбетъ“, славятся по всему Восточному Туркестану. Пшеницу сѣютъ обыкновенно въ мартѣ; вызрѣваетъ она въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Въ селеніяхъ-же съ плохимъ орошеніемъ ее сѣютъ осенью. Рисъ сѣютъ въ апрѣлѣ и вызрѣваетъ онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

По величинѣ городъ принадлежитъ къ одному разряду съ Мараль-баши, Янги-гиссаромъ, Гумой и Шахъ-яромъ; здѣшній базаръ не особенно богатъ продуктами, но самое расположеніе города на берегу хрустально прозрачной рѣки, бѣгущей подъ небольшими мостами, можно назвать счастливымъ. Ради сбереженія мѣста въ городѣ многія жилища воздвигнуты на сваяхъ у самой рѣки. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли очень живописный видъ. Сквозь щели пола виднѣлась темно голубая вода, текущая тихо и плавно, словно масло.

Хотя въ водѣ было всего 5°, подъ мостомъ плескались и отдавались теченію съ дюжину мальчишекъ. Жители Курли слывуть отличными пловцами и въ жаркое время года ежедневно ищутъ прохлады въ свѣжихъ струяхъ рѣки.

ХІ.

Древній Лобъ-норъ.

Въ Курлѣ мы прибавили къ нашему каравану двухъ людей, возобновили запасъ продовольствія и наняли двухъ отличныхъ проводниковъ, которые проводили насъ до Тыккелика, небольшого селенія, расположеннаго на нижнемъ теченіи Конче-дарьи въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаютъ два развѣтвленныхъ рукава Тарима.

Ведутъ туда три дороги: одна вдоль Конче-дарьи, другая вдоль подошвы хребта Курукъ-тагъ (сухія горы) и третья, между двумя первыми, по песчано-каменистой пустынѣ.

Первая была уже извѣстна. Я выбралъ послѣднюю изъ названныхъ дорогъ и открылъ во время слѣдованія по ней двѣ древнія, но хорошо сохранившіяся, китайскія крѣпости и цѣлый рядъ такъ называемыхъ „потаевъ“, высокихъ усѣченныхъ пирамидъ изъ дерева и глины, отмѣчающихъ разстоянія, измѣряемые китайскою мѣрою „ли“.

Это открытіе представляло большой интересъ, такъ какъ доказывало, что тутъ въ древности пролегалъ важный проѣзжій трактъ, связывавшій Курлю съ — ?, да, съ какимъ городомъ? Югозападнымъ продолженіемъ тракта является теперь безконечная пустыня. Но здѣсь, на $40\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. лежало древнее озеро Лобъ-норъ, какъ свидѣтельствуютъ китайскія карты и какъ я во время этого интереснаго путешествія имѣлъ случай убѣдиться на основаніи геологическихъ и гидрографическихъ данныхъ.

Только что упомянутый трактъ, безъ сомнѣнія, и велъ къ древнему Лобъ-нору, а когда озеро, по причинамъ, на которыя укажу ниже, высохло, трактъ этотъ былъ заброшенъ. О прежнемъ его немаловажномъ значеніи свидѣтельствуютъ потаи; китайцы и въ нынѣшнія времена утруждаютъ себя возведеніемъ этихъ путевыхъ знаковъ только на важнѣйшихъ трактахъ.

Пржевальскій первый изъ европейцевъ отправился на розыски Лобъ-нора и нашелъ, что озеро лежитъ на цѣлый градусъ южнѣе, нежели показываютъ китайскія карты, и что кромѣ того вода въ немъ прѣсная, а не соленая. Вслѣдствіе этого между Пржевальскимъ и нѣмецкимъ географомъ Рихтгофеномъ завязалась полемика, которая со смертию Пржевальскаго такъ и ждетъ своего разрѣшенія. Въ статьѣ, помѣщенной въ „Verhandlungen“ Берлинскаго географическаго общества, Рихтгофенъ съ удивительною прозорливостью доказывалъ, что такое внутреннее озеро, какъ Лобъ-норъ, не имѣющее стока въ океанъ, безусловно должно быть соленоводнымъ. И разъ открытое Пржевальскимъ озеро оказалось прѣсноводнымъ, а китайскіе топографы, никогда не заносящіе на свои карты того, чего не видѣли своими глазами, помѣстили

свой Лобъ-норъ на цѣлый градусъ къ сѣверу отъ найденнаго Пржевальскимъ, то Рихтгофенъ считалъ, что послѣднее новѣйшаго происхожденія, т. е. образовалось уже послѣ того, какъ китайцы занесли на карту древній Лобъ-норъ*).

Пржевальскій, отправляясь на Лобъ-норъ, слѣдовалъ по большой дорогѣ между низовьемъ Тарима и Конче-дарьей, и такимъ образомъ не могъ убѣдиться — находится-ли дальше на востокъ какое нибудь озеро или хоть остатки озера, или нѣтъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо было слѣдовать по восточной сторонѣ Конче-дарьи, отъ которой, можетъ быть, отдѣлялся рукавъ, впадавшій въ древній Лобъ-норъ. Въ полемикѣ, которую вели два великіе путешественника, оба они, какъ я постараюсь доказать, были правы.

Европейцы, побывавшіе на Лобъ-норѣ послѣ Пржевальскаго: Кэри и Дальглейшъ, принцъ Орлеанскій и Бонвало, Пѣвцовъ, его двое помощниковъ: Роборовскій и Козловъ и геологъ Богдановичъ, и, наконецъ, Литледаль съ супругой — всѣ шли по слѣдамъ русскаго генерала. За исключеніемъ Пѣвцова, они и не могли поэтому прибавить какихъ-либо цѣнныхъ добавленій къ добросовѣстному и мастерскому описанію этихъ трактовъ, составленному Пржевальскимъ послѣ перваго-же его путешествія на Лобъ-норъ (1876—1877 г. г.) и пополненному имъ послѣ вторичнаго посѣщенія озера весною 1885 г.

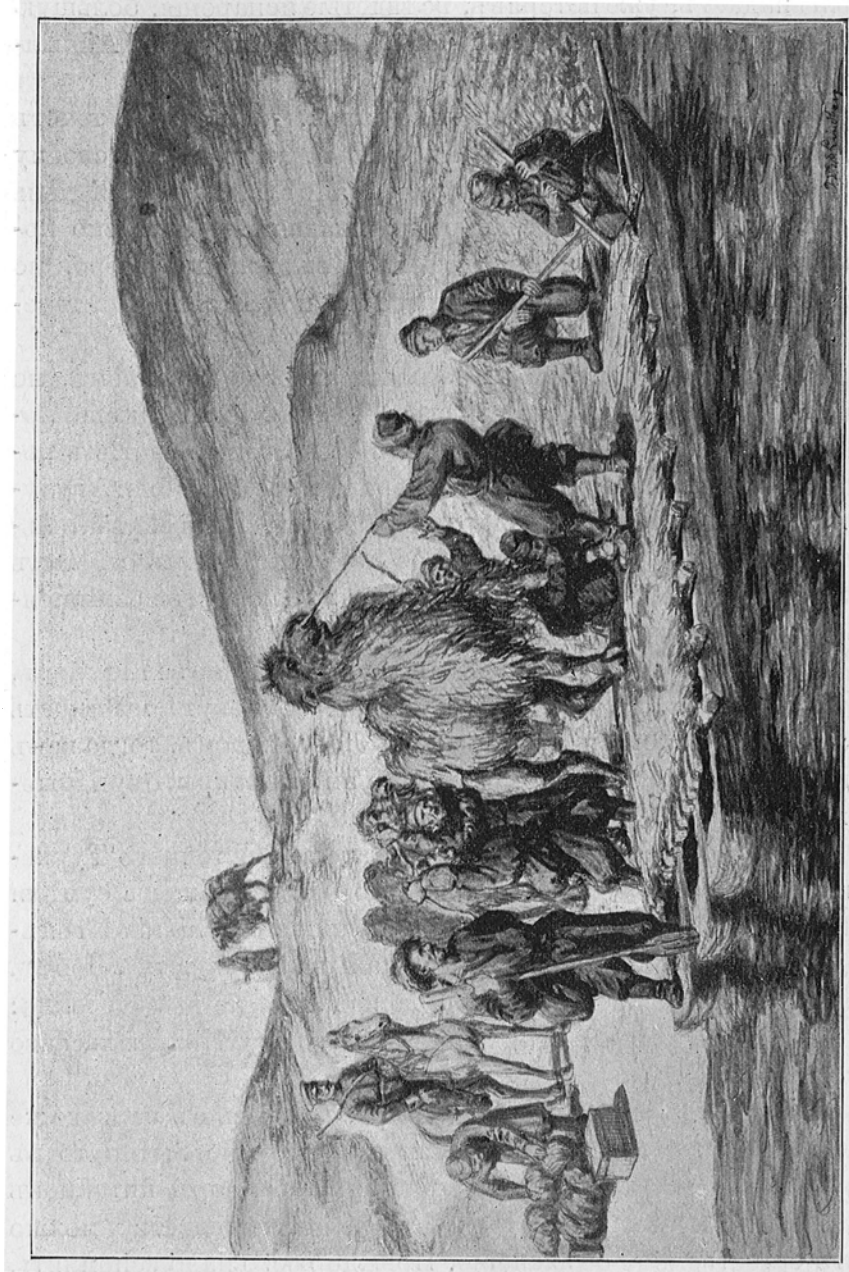
Если я теперь, отправляясь на Лобъ-норъ, желалъ видѣть и узнать что нибудь новое, что помогло-бы мнѣ рѣшить спорный вопросъ, я, прежде всего, долженъ былъ избѣгать пути, по которому прошли уже мои предшественники. Наоборотъ, мнѣ слѣдовало отыскать тѣ области, гдѣ должно было, по свидѣтельству китайскихъ авторитетовъ и согласно Рихтгофену, находиться древнее озеро Лобъ-норъ.

Со свѣжими силами и надеждой на успѣхъ оставилъ я 31 марта селеніе Тыккеликъ и направился прямо къ востоку. Сопровождали меня Исламъ-бай, Керимъ-Джанъ и двое людей, хорошо знакомыхъ съ мѣстными путями. Они еще въ Тыккеликъ сообщили мнѣ, что далеко къ востоку находится цѣлая цѣпь озеръ.

Уже въ началѣ пути мы увидѣли, что Конче-дарья къ

*) См. Вступленіе.

сѣверу отъ Тыккелика впадаетъ въ озеро-болото Малтыкъ-куль. Большая часть водъ Конче-дарьи затѣмъ снова выте-

Упрямый верблюды.
(Съ рисунка Линдберга).

каетъ изъ этого озера, соединяется съ двумя рукавами Тарима (*Конз-али*) и течетъ уже подъ именемъ Кунче-

кишъ-тарима (Восточнаго потока) частью въ Чивилыкъ-куль, а оттуда обратно въ Таримъ, частью прямо въ Таримъ, въ который впадаетъ, уже потерявъ, вслѣдствіе испаренія, большую часть своихъ водъ, около переправы Арганъ или Айрылганъ, какъ называетъ Пржевальскій.

Остальная часть водъ Конче-дарьи, напротивъ, течетъ подъ именемъ Илека (рѣка) къ OSO и, какъ я, къ своему большому удовольствію, убѣдился 4 апрѣля, на третій день слѣдованія по лѣвому берегу рѣки, впадаетъ — согласно показаніямъ китайцевъ и Рихтгофена — въ длинное озеро, по восточной береговой линіи котораго мы и слѣдовали въ теченіе трехъ дней.

Въ настоящее время озеро почти заросло камышомъ, но всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстные жители еще ловили здѣсь рыбу. Озеро въ различныхъ своихъ частяхъ носитъ различныя названія и дѣлится на четыре бассейна: Авулукуль, Кара-куль, Таекъ-куль и Арка-куль. Въ дѣйствительности-же это *одно* озеро, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суживается въ проливъ, благодаря выступающимъ возвышеннымъ береговымъ косамъ.

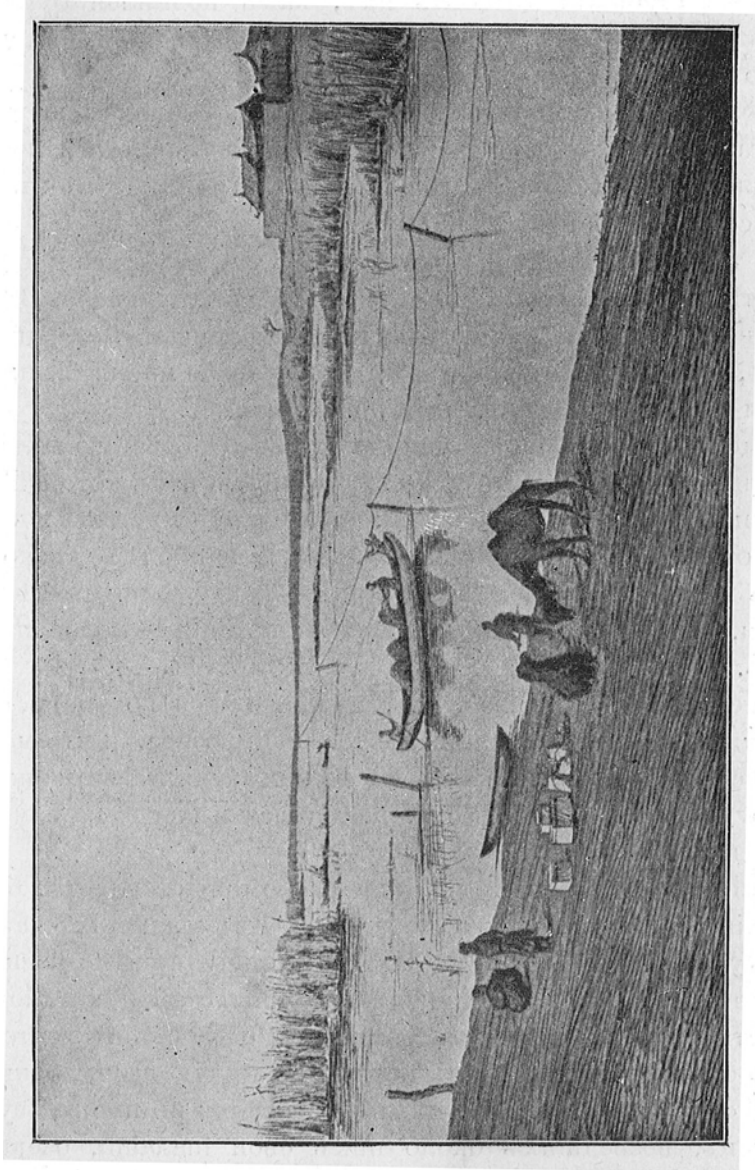
Расположено озеро, какъ и древній Лобъ-норъ китайцевъ, почти на $40\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. Китайцы и теперь еще зовутъ мѣстность между Тыккеликомъ и Айрылганомъ Лобъ-норомъ, тогда какъ названіе это никогда не примѣняется ими къ открытому Пржевальскимъ озеру.

Сами Лобъ-норцы, какъ и обитатели Восточнаго Туркестана вообще, называютъ, насколько они въ общемъ сумѣли выяснитъ себѣ дѣло, всю область, начиная съ слиянія Угенъ-дарьи съ Таримомъ и вплоть до Чакалыка, по просту „Лобъ“. Открытое Пржевальскимъ озеро распадается на два бассейна: Кара-буранъ (Кара-боёнъ) и Кара-кошунъ (у Пржевальскаго Кара-курчинъ).

Что-же до открытаго мною озера, то здѣсь съ перваго же взгляда поражаетъ то обстоятельство, что оно вытянуто въ направленіи NS, тогда какъ древній Лобъ-норъ китайцевъ имѣлъ протяженіе WO. Но и этому обстоятельству можно найти естественное объясненіе. Прежде всего надо вспомнить, что почти вся Лобъ-норская область лежитъ чуть-ли не на одномъ и томъ-же уровнѣ, а потому въ ней даже малѣйшія

гидрографическія измѣненія обнаруживаются вскорѣ совершенно явственно.

Измѣненія же эти обусловливаются непрестанно прежде

Переправа черезъ Конче-дарью около мѣста впаденія ея въ Малгакъ-куль.
(Съ рисунка автора).

всего двумя силами: преобладающими въ данной области вѣтрами и рѣчными отложениями Тарима. Преобладающія въ области Ловъ вѣтры дуютъ съ О и ОНО, и въ теченіе марта,

апрѣля и мая песчаная восточная и восточно-сѣверно-восточная бури здѣсь обычное явленіе. Во время нашего пребыванія на берегахъ озера равновѣсіе въ атмосферѣ не нарушалось, но едва мы успѣли оставить ихъ, какъ поднялся буранъ, продолжавшійся съ перерывомъ въ нѣсколько дней до конца нашего странствованія въ этой области.

Только представить себѣ, какую непреодолимую силу представляютъ эти періодическія весеннія бури. Онѣ прямо отгѣсняютъ озера обратно къ западу, а летучій песокъ въ это время старается занести ихъ русло.

О томъ, что древній Лобъ-норъ на самомъ дѣлѣ простирался нѣкогда къ востоку, свидѣтельствуемъ слѣдующее. Вдоль всего восточнаго берега вьется поясъ маленькихъ соленыхъ лагунъ, лужъ и болотъ, которыя въ недавнее время были отрѣзаны отъ озера наступающимъ пескомъ.

Вдоль того-же берега нашли мы узкую лѣсную полосу, (по большей части тополь и кусты тамариска), въ которой мы различили три періода развитія: въ песчаной пустынѣ къ востоку отъ озера — мертвый лѣсъ, между наиболѣе далеко на западъ выдвинувшимися барханами — великолѣпный зеленый лѣсъ и, наконецъ, у самой береговой линіи — молоденькій лѣсокъ.

Отсюда выводъ, что лѣсъ, нуждающійся во влагѣ, сопровождаетъ перемѣщающіяся къ западу озера, и что мертвый лѣсъ, находящійся среди все надвигающихся бархановъ, далеко къ востоку отъ озера, находился нѣкогда на самомъ берегу и питался влагою изъ озера.

Такимъ образомъ это длинное озеро представляетъ, безъ сомнѣнія, остатки древняго Лобъ-нора. Изъ южной его части, Арка-куль, снова вытекаетъ Илекъ и причудливыми извилинами течетъ къ югу, оставляя развалины старой китайской крѣпости Мердекъ-шаръ въ разстояніи 5 верстъ къ востоку.

Послѣ того рѣка снова образуетъ цѣлую цѣпь мелкихъ озеръ; самыя крупныя изъ нихъ называются по имени двухъ туземцевъ, возведшихъ около нихъ свои шалаши, озерами Садакъ-куль и Ніязъ-куль. Около Ширга-чапкана рѣка снова сливается съ Таримомъ.

Теперь нужно замѣтить, что вся эта цѣпь озеръ наполнилась водой черезъ временныя рукава Тарима всего

девять лѣтъ тому назадъ. Прежде здѣсь была пустыня, но и тогда въ ней существовали всѣ эти озерныя впадины и рѣчные русла, а въ углубленіяхъ ихъ сохранялись лужицы солоноватой воды, которою и утоляли жажду дикіе верблюды.

Итакъ, Пржевальскій, оспаривая, по возвращеніи изъ второго своего путешествія на Лобь-норъ въ 1885 г., существованіе какого либо озера къ востоку отъ Тарима, былъ случайнымъ образомъ правъ, такъ какъ сухія русла вновь наполнились водою лишь три года спустя. Но Рихтгофенъ былъ еще болѣе правъ, подозрѣвая въ этой области существованіе озера; оно дѣйствительно и существовало, хотя въ то время и находилось въ періодѣ пересыханья.

Южный Лобь-норъ — мы охотно сохранимъ за нимъ это имя, получившее уже право гражданства на европейскихъ картахъ — представлялъ во время пребыванія на немъ Пржевальскаго, довольно значительное озеро, и путешественникъ имѣлъ возможность совершить отъ селенія Абдалъ порядочную экскурсію на лодкѣ къ югу до рыбацьяго селенія Кара-кошунъ.

Когда-же я, спустя одиннадцать съ половиной лѣтъ, также предпринялъ изъ Абдала экскурсію на лодкѣ, я могъ уже и то съ трудомъ плыть къ востоку только въ теченіе двухъ дней, продираясь межъ тростникомъ, и прежній Кара-кошунъ оказался заброшеннымъ, такъ какъ озеро въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ заросло тростникомъ.

Озеро Кара-буранъ (Кара-боёнъ) во времена Пржевальскаго тоже было большимъ открытымъ озеромъ, настоящимъ моремъ, такъ какъ, стоя на одномъ его берегу, нельзя было видѣть другого. Самое названіе показываетъ, что „черныя бури“ здѣсь были особенно сильны. И вотъ, плывя вдоль праваго берега рѣки, я нашелъ на мѣстѣ Кара-бурана лишь незначительное озерко, которое такъ занесено иломъ Тарима, что стало непроходимымъ даже для мелкосидящихъ челноковъ.

Лѣтомъ этотъ жалкій остатокъ нѣкогда большого озера бываетъ совсѣмъ отрѣзанъ отъ Тарима и Черченъ-дарьи. Вода въ немъ поэтому быстро становится соленою, а въ концѣ лѣта и совсѣмъ испаряется, и образуется отличное пастбище для овецъ и коровъ, принадлежащихъ жителямъ Чакалыка. Направляясь въ концѣ апрѣля изъ Абдала въ Чакалыкъ, мы пересѣкли значительное пространство сухой аллювіальной

почвы, которое во времена Пржевальскаго было покрыто водами Кара-бурана.

Словомъ, въ настоящее время Таримъ отдаетъ Южному Лобъ-нору куда меньше воды, чѣмъ во времена Пржевальскаго. Это наблюдение было сдѣлано уже принцемъ Орлеанскимъ, который посѣтилъ озеро всего черезъ четыре года послѣ русскаго путешественника, и это служитъ сильнымъ подтвержденіемъ того взгляда, что озеро находится теперь въ періодѣ осыханія.

Уже отъ Чигеликъ-уя, гдѣ рѣка дѣлаетъ заворотъ къ ОНО, она поразительно быстро мелѣетъ. Этому содѣйствуютъ прежде всего небольшія мелководныя озера, частью естественныя, частью искусственныя (для ловли рыбы), лежація въ ближайшемъ разстояніи отъ русла рѣки. Вода задерживается въ нихъ и испаряется. Они постоянно и высасываютъ воду изъ рѣки. Нижеслѣдующая таблица можетъ подтвердить вышесказанное. Надо еще имѣть въ виду, что разстояніе между Чигеликъ-уемъ и Кумъ-чапканомъ едва равняется 60 верстамъ.

	Ширина рѣки.	Максимальная глубина.	Скорость теч. въ сек.	Притокъ воды въ секунду.
Чигеликъ-уй	45.91	4.25	0.52	71.60 куб. м.
Абдалъ	45.10	6.08	0.36	60.72 „ „
Кумъ-чапканъ	30.02	6.80	0.30	50.22 „ „

Наблюдения производились съ 18 по 23 апрѣля. Цифры показаны въ метрахъ. Около Кумъ-чапкана рѣка развѣтвляется и теряется въ озерахъ и болотахъ; самые большіе изъ этихъ бассейновъ, находящіеся въ срединѣ, содержатъ совершенно прѣсную воду; напротивъ, отрѣзанныя береговыя лагуны соленую. Таблица показываетъ, что ширина рѣки, скорость ея теченія и притокъ воды въ ней уменьшается по мѣрѣ ея теченія на востокъ, тогда какъ глубина увеличивается.

Найдя, что остатки бассейна древняго Лобъ-нора въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ вновь наполнились водой, тогда какъ новый Лобъ-норъ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ превратился въ рядъ болотъ, мы не только вправѣ, но въ силу данныхъ обстоятельствъ прямо принуждены утверждать, что

оба водныхъ бассейна находятся въ чрезвычайно тѣсной зависимости другъ отъ друга, иными словами, что въ то время, какъ Сѣверный Лобъ-норъ увеличивается, Южный, напротивъ, уменьшается.

Не могу не привести еще нѣсколькихъ доказательствъ въ подтвержденіе той теоріи, что Южный Лобъ-норъ, открытый Пржевальскимъ, самаго новѣйшаго, съ точки зрѣнія геологовъ, образованія.

По берегамъ всѣхъ рѣкъ Восточнаго Туркестана, сливающихся, для образованія Тарима, растутъ густые тополевыя лѣса. Даже на Керіи-дарѣ, которая теперь уже отрѣзана отъ рѣчной системы Тарима песками, мы мѣстами нашли непреходимые лѣса. Въ виду того, что лѣсъ начинается всегда тамъ, гдѣ притоки Тарима выходятъ на ровную мѣстность, лѣсъ принадлежитъ одному и тому-же климатическому поясу. И такъ какъ рѣка является однимъ изъ вѣрнѣйшихъ проводниковъ растительности, то можно было-бы съ полнымъ основаніемъ ожидать, что около пункта сліянія всѣхъ рѣкъ въ одну, растительность окажется особенно густой и мощной.

Вмѣсто этого мы находимъ, что лѣсъ вдругъ прерывается около этого пункта и что послѣдніе экземпляры *Populus diversifolia*, растущіе около Чигеликъ-уя, насчитываютъ всего тридцать лѣтъ, тогда какъ берега Кара-бурана и Кара-кошуна совсѣмъ лишены всякихъ слѣдовъ стараго или молодого лѣса. Озеро лежитъ среди совершенной пустыни. Около Сѣвернаго Лобъ-нора я, напротивъ, нашелъ и мертвый и живой лѣсъ.

За объясненіемъ этого бросающагося въ глаза распредѣленія лѣсной растительности не далеко ходить: Южный Лобъ-норъ столь недавняго происхожденія, что лѣсъ еще не успѣлъ дойти до его береговъ.

Къ этому чисто физико-географическому доказательству присоединяется еще нѣсколько историческихъ. Выше я уже упоминалъ, что китайскіе топографы нанесли на свои карты на $40\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. большое озеро, окруженное нѣсколькими мелкими.

625 лѣтъ тому назадъ, Марко Поло посѣтилъ „городъ Лобъ“, почти исчезнувшія развалины котораго, вѣроятно, находятся теперь чуть южнѣе Кара-бурана. Если-бы въ тѣ времена тамъ находилось какое нибудь озеро, знаменитый венеціанецъ наврядъ-ли не замѣтилъ-бы его. Правда, онъ не

упоминаетъ также о Яркендъ-, Хотанъ- и Черченъ-дарьѣ, хотя всѣ эти рѣки и лежали на его пути. Но, во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что Марко Поло ни словомъ не обмолвился объ *озерѣ*, а напротивъ подробно описалъ *пустыню* Лобъ, которая „такъ велика, что для перехода черезъ нее нуженъ цѣлый годъ“, — не лишено значенія.

Старый бекъ Кунчиканъ, проживавшій въ Абдалѣ, больш-

Кунчиканъ-бекъ.
(Съ рисунка автора).

шой пріятель Пржевальскаго, а также мой, которому самому уже больше 80 лѣтъ, а отецъ и дѣдъ котораго (Джеганъ-бекъ и Нуметь-бекъ) дожили до 90 лѣтъ*), рассказывалъ мнѣ, что дѣдъ его Нуметь-бекъ жилъ около большого озера къ сѣверу отъ нынѣшняго Лобъ-нора; на мѣстѣ-же послѣдняго тогда была одна песчаная пустыня.

Южный Лобъ-норъ началъ образовываться, когда Нумету было около

25 лѣтъ отъ роду. Рѣка Таримъ отыскала себѣ тогда новое русло, и сѣверное озеро, на берегахъ котораго Нуметь провель свою молодость, и въ которомъ его предки ловили рыбу, стало осыхать. Нуметь-бекъ тогда и основалъ селеніе Абдалъ, гдѣ теперь живутъ его потомки. Случилось-же это, по моимъ расчетамъ, около 175 лѣтъ назадъ, т. е. около 1720 года.

Зимой 1893 — 94 г. Лобъ-норскую область посѣтилъ П.

*) Въ этой области достоинство бека наследственно.

К. Козловъ, участникъ нѣсколькихъ экспедицій Пржевальскаго и Пѣвцова. Онъ выступилъ изъ Тыккелика вдоль лѣваго берега Кунчекишъ-Тарима и открылъ озеро Чивиликъ-куль, которое я въ свою экспедицію видѣлъ лишь издали. Изъ Айрылгана онъ предпринялъ экскурсію на озеро Соготъ, которое, вѣроятно, тождественно съ моимъ Арка-кулемъ. Отсюда онъ отправился старымъ обычнымъ путемъ въ Абдалъ и затѣмъ изслѣдовалъ южный берегъ Кара-кошуна по направленію къ сѣверо-востоку.

Въ Тыккеликѣ я получилъ первыя свѣдѣнія о томъ, что въ этой области побывалъ уже одинъ „тюря“ (господинъ). Я поэтому предпринялъ самое тщательное дознаніе относительно избраннаго имъ пути, чтобы напрасно не прогуляться въ тѣ же самыя мѣста. Однимъ изъ интереснѣйшихъ открытій Козлова было открытіе имъ стараго рѣчного русла, которое, отдѣляясь отъ Конче-дарья немного сѣвернѣе Тыккелика, направлялось прямо къ востоку, слѣдуя вдоль южной подошвы Курукъ-тага. Туземцы называютъ это русло Кумъ-дарья (Песочная рѣка).

Какъ изслѣдованія Козлова, такъ и мои, значительно увеличили свѣдѣнія относительно области Лобъ-норъ. Теперь имѣется уже довольно точная карта ея, такъ какъ наши открытія дополнили сдѣланныя Пржевальскимъ.

Но споръ относительно Лобъ-нора этимъ еще не конченъ. Козловъ въ своей статьѣ: „Лобъ-норъ; по поводу доклада Свена Гедина въ Императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ 15/27 октября 1897 г.“ оспариваетъ взглядъ Рихтгофена и мой насчетъ мѣстонахожденія древняго китайскаго Лобъ-нора. Я, съ своей стороны, еще изъ Хотана послалъ Рихтгофену увѣдомленіе о сдѣланныхъ мною открытіяхъ, которое и было напечатано въ *Zeitschrift d. Gesellschaft f. Erdkunde zu Berlin* (томъ XXXI, 1896 г., стр. 295 — 361).

Въ примѣчаніи къ этой статьѣ баронъ фонъ Рихтгофенъ послѣ краткаго резюме первой стадіи полемики о Лобъ-норѣ, высказалъ слѣдующее: „конечно, многіе путешественники слѣдовали по теченію Тарима, но всѣ слѣдовали по пути Пржевальскаго. Поэтому г. Свенъ Гединъ задался цѣлью поискать разрѣшенія вопроса. И онъ совершенно вѣрно смотрѣлъ на свою задачу, избравъ трудный наиболѣе восточный путь съ

сѣвера на югъ. Его наблюденія и заключенія и дали ему возможность подтвердить сказанное въ упомянутой статьѣ“ (критическій разборъ Рихтгофена вопроса о мѣстонахожденіи древняго Лобъ-нора; см. „Verhandlungen d. Ges. f. Erdkunde zu Berlin“ 1878 г., стр. 121 — 144).

Козловъ-же, разобравъ все высказанное о Лобъ-норѣ Пржевальскимъ, Рихтгофеномъ, Пѣвцовымъ, Богдановичемъ, имъ самимъ и мною, пришелъ къ слѣдующему выводу:

„Единственное заключеніе, которое я могу вывести изъ всего вышеприведеннаго то, что Кара-кошунъ-куль есть Лобъ-норъ не только моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго, но и древній, историческій настоящій Лобъ-норъ китайскихъ топографовъ. Такимъ было озеро въ теченіе послѣдняго тысячелѣтія, такимъ и останется“...

Это заключеніе является тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что двумя строками выше на той-же страницѣ встрѣчаются слѣдующія слова: „Я держусь того-же взгляда, какъ Свенъ Гединъ, относительно того вопроса, что предки нынѣшнихъ обитателей Лобъ-нора жили около озера, расположеннаго къ сѣверу отъ Лобъ-нора, а именно около озера Учучу-куль, о которомъ сообщаетъ и Пѣвцовъ“. Въ этихъ словахъ несомнѣнное противорѣчіе съ высказаннымъ выше заключеніемъ, такъ какъ они какъ разъ свидѣтельствуютъ, что озеро „въ послѣднее тысячелѣтіе“ никоимъ образомъ не было такимъ, каково оно теперь.

О томъ, насколько не выдерживаетъ критики утвержденіе относительно тысячелѣтной неизмѣняемости озера, лучше всего свидѣтельствуетъ собственная карта Козлова, который къ югу отъ Курукъ-тага показываетъ „старое русло Конче-дарьи (Кумъ-дарья)“, въ 10 верстахъ къ западу отъ меридіанальнаго теченія Тарима — „сухое рѣчное русло Кѣтекъ-таримъ“, въ 18 верстахъ къ сѣверу отъ впаденія Черченъ-дарьи въ Карабуранъ — „старое рѣчное русло Черченъ-дарьи“ и, наконецъ, въ 12 верст. къ сѣверу отъ Абдала — „сухое русло Ширга-чапканъ“.

Я также нашелъ около Кумъ-чеке и Мердекъ-шара старыя рѣчныя русла, но и четырехъ, упомянутыхъ выше, довольно, чтобы доказать, что Лобъ-норъ и питающія это озеро рѣчки, далеко не постоянны въ своемъ теченіи, и озеро поэтому

подвержено, пожалуй, бѣльшимъ измѣненіямъ, чѣмъ какое либо другое озеро въ свѣтѣ.

Объемъ и цѣль данной книги не позволяютъ мнѣ увлечься здѣсь подробнымъ разборомъ этого въ высшей степени интереснаго и увлекательнаго вопроса, но въ слѣдующемъ трудѣ я разберу его во всѣхъ деталяхъ. Мой даровитый и пылкій коллега Козловъ уже открылъ полемику, въ которой я съ удовольствіемъ приму участіе. Такимъ образомъ, вопросъ о Лобъ-норѣ вступить во вторую стадію. Матеріалы у насъ уже есть, и теперь все дѣло сведется къ доказательству того, которая изъ двухъ группъ озеръ — сѣверная или южная, т. е. открытая мной или Пржевальскимъ, *древнѣйшая*, такъ какъ, безъ сомнѣнія, именно древнѣйшая тождественна съ Лобъ-норомъ китайскихъ картъ.

Которая изъ сторонъ окажется правой — не важно, и я надѣюсь, что національное самолюбіе при этомъ не окажетъ никакого давленія на рѣшеніе вопроса. Главное есть и будетъ — истина, и въ смыслѣ способствованія открытію истины полемика всегда полезна.

Исслѣдуя берега перемѣщающагося озера, мы, такимъ образомъ, узнали, что гигантская водная система, питающая весь центральный бассейнъ внутренней Азіи, недостаточно обильна для образованія постояннаго озера въ сердцѣ Азіи. Для этого оказывается недостаточно соединенныхъ водъ: рѣки *Кызылъ-су*, вытекающей изъ вѣчныхъ снѣговъ Терекъ-давана, рѣки *Раскемъ-дарьи*, которую питаютъ ледники Восточнаго Памира, Гинду-ку и сѣверо-западнаго Тибета, и черезъ которую мы съ трудомъ перебрались, такъ какъ она даже въ сентябрѣ (1895 г.) несла 151 куб. м. воды въ секунду, и рѣки *Хотанъ-дарьи*, прорѣзывающей всю пустыню Такла-маканъ и съ непреодолимою силою прорывающейся подъ песчаными барханами.

Названныя рѣки не въ состояніи образовать такого озера даже въ соединеніи съ *Акъ-су* и *Таушканъ-дарьей*, черезъ которую мы за годъ до этого въ то же время года еле переправились верхомъ съ помощью 10 „сучи“, съ *Черченъ-дарьей*, несущей въ долины часть снѣговыхъ водъ Сѣвернаго Тибета и такъ разливающейся лѣтомъ, что она иногда прямо прерываетъ сообщеніе между Хотаномъ и Лобъ-норомъ, и, наконецъ,

даже съ *Конче-дарьей*, которая и зимою и лѣтомъ, и днемъ и ночью, несетъ 72 куб. м. воды въ сек.

Около Чигеликъ-уя оказалось, что вся эта составившаяся изъ столькихъ притоковъ рѣка несетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ такое-же количество воды, сколько несетъ около Курли одинъ изъ притоковъ ея, Конче-дарья.

Куда-же дѣвается остальное количество воды? Большая часть водъ Конче-дарьи идетъ на наполненіе сѣверной группы озеръ, гдѣ она и испаряется. Песокъ пустыни словно губка всасываетъ въ себя другую часть, да и жаждающая атмосфера, относительная влажность которой въ этихъ областяхъ такъ ничтожна, вбираетъ въ себя неимоверное количество воды. Всѣ эти факторы, словно жадные волки, оспариваютъ другъ у друга воду. Немудрено поэтому, что небольшой остатокъ ея, ведущій отчаянную борьбу за существованіе на поверхности земли, подверженъ такимъ сильнымъ колебаньямъ, какъ въ смыслѣ мѣстонахожденія, такъ и обилія воды.

Около рыбацьяго селенія Кумъ-чапканъ, такъ сказать могила Тарима. Здѣсь мощная пустыня, въ которой гибнуть и люди и воды, произноситъ свой неумолимый приговоръ: „Здѣсь успокоятся твои гордые волны!“

ХІІ.

Экспедиція на челнокъ по Илеку, Тариму и Южному Лобъ-нору.

Послѣ того, какъ я далъ краткій обзоръ нынѣшней стадии Лобъ-норскаго вопроса, мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о нашей экспедиціи по области Лобъ-норъ.

4 апрѣля мы открыли ту часть древняго Лобъ-нора, которая по имени одного туземца называется Авулу-куль, и въ теченіе трехъ дней слѣдовали вдоль восточнаго берега этого озера. Поверхность въ продолженіе всего пути представляла чрезвычайныя затрудненія для передвиженія. Барханы высотой въ 10 — 15 м. обыкновенно спускались въ воду подъ угломъ въ 33°.

Мѣстами, гдѣ песокъ нѣсколько отступалъ отъ воды, по берегу росъ тополевыи лѣсъ, а гдѣ барханы были низкіе, показывались кусты тамариска, возвышающіеся на вершинахъ бугровъ, остовомъ которыхъ служили корни самыхъ растений. Эти тамарисковые бугры иногда были расположены такъ часто, что мы оказывались въ настоящемъ лабиринтѣ и нерѣдко даже предпочитали дѣлать небольшіе обходы по пустынѣ.

Озера до такой степени заросли тростникомъ, что лишь съ вершинъ высокихъ бархановъ можно было видѣть открытую воду въ самой серединѣ. Мы нѣсколько разъ и пробовали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода была мелкая или совсѣмъ высохла, продираться сквозь тростникъ, хотя онъ вдвое превышалъ ростъ верблюдовъ и образовывалъ чащи, вродѣ стѣнъ туземныхъ жилищъ (сатмъ).

Одинъ изъ нашихъ проводниковъ шелъ въ такихъ случаяхъ впередъ и высматривалъ дорогу. За нимъ люди вели верблюдовъ, которые своими мощными громоздкими туловищами раздвигали тростникъ и приминали его ногами, такъ что кругомъ стоялъ трескъ и хрустъ. Идешь за ними по образовавшемуся тѣсному корридору и ждешь не дождешься, когда, наконецъ, опять выйдешь на просторъ.

Верблюды были такъ изнурены этимъ продираньемъ сквозь чащи тростника, что пришлось имъ дать день отдыха 6 апрѣля. Мы разбили стоянку, по обыкновенію, подъ открытымъ небомъ, на высокомъ барханѣ, подъ тѣнью старыхъ тополеи, недавно одѣвшихъ свѣжей зеленью.

Отсюда намъ открывался обширный видъ на Кара-куль, а вдаль на западѣ видѣлась чаща тростника, окружавшая, какъ стѣною, озеро Чивиликъ-куль. Жара уже стояла удупливая (въ 1 пополудни 33. 1° въ тѣни), въ воздухѣ не шелонулось, что бываетъ здѣсь рѣдко въ это время года.

Особенно доносили насъ въ эту тихую погоду комары. Во время перехода эти ненавистныя насѣкомыя вились около насъ тучами, а когда мы располагались на привалъ, они набрасывались на насъ милліардами съ такой безцеремонностью, точно мы только для этого и явились въ эти страны, чтобы предложить имъ ужинъ. Удобно-ли, спрашивается, писать, когда въ одну руку тебѣ впиваются тысячи жалъ, а другая

должна безостановочно махать во всё стороны тряпкой? И мало удовольствія окружать въ такую жару свой лагерь цѣпью горящихъ костровъ и задыхаться отъ дыму!

Около Кара-куля мы, однако, додумались до утонченнаго способа раздѣлаться съ комарами. На закатѣ мы подожгли сухой прошлогодній тростникъ; огонь разросся въ настоящій степной пожаръ, охвативъ большую часть озера, а дымъ легкимъ облакомъ стлался надъ нашимъ лагеремъ. Я до полуночи лежалъ съ открытыми глазами, любуясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ и наслаждаясь злорадною мыслью, что дымъ гонитъ сонмы комаровъ, словно шелуху, на край свѣта.

Вообще-же мнѣ по ночамъ приходилось, ради цѣлости моей бѣдной кожи, прибѣгать къ неособенно пріятному средству: я натиралъ руки и лицо табачнымъ сокомъ. И какой табакъ курилъ я, чтобы получать этотъ сокъ въ достаточномъ количествѣ! Мой собственный табакъ, котораго я взялъ съ собою изъ Хотана небольшой запасъ, лишь на 50 дней, давно весь вышелъ, а купленный въ Шахъ-ярѣ китайскій табакъ можно было курить лишь въ крайности. Я и купилъ въ Курлѣ еще немного горькаго и кислаго мѣстнаго табаку, въ сравненіи съ которымъ махорка покажется настоящимъ гаванскимъ табакомъ.

По поводу этого пожара въ тростникѣ, проводники мои рассказали, что разъ тоже подожгли такимъ образомъ тростникъ на Кара-кулѣ въ вѣтряную погоду, и пожаръ свирѣпствовалъ на озерѣ три лѣта и три зимы. Разумѣется, рассказъ этотъ былъ не болѣе, какъ басней, сочинять которыя азіатскіе народы, какъ извѣстно, горазды, но вообще-то дѣйствительно не легко потушить огонь, разгулявшійся въ сухомъ тростникѣ. Огонь пожираетъ его до самой поверхности воды, и тростникъ трещитъ, стрѣляетъ и разбрасываетъ искры, а длинные хвосты изъ дыма и сажи такъ и вьются по воздуху.

Въ теченіе недѣли мы не видали ни души человѣческой. 9 апрѣля мы разбили лагерь около Кумъ-чеке, гдѣ на берегу Илека, неподалеку оттуда покидавашаго остатки древняго Лобъ-нора, проживали три рыбачьихъ семьи. Хрустально-прозрачная, темносиняя рѣка, воды которой прошли сквозь фильтръ камышей, струилась по глубокому руслу по направленію къ югу, чтобы затѣмъ снова слиться съ Таримомъ въ

двухъ дняхъ пути отсюда, образовавъ по пути еще цѣпь мелкихъ озеръ.

Отсюда я послалъ Исламъ-бая съ караваномъ впередъ къ мѣсту сліянія рѣкъ, а самъ съ двумя гребцами отправился по рѣкѣ въ челнокѣ, и въ восемь дней, не считая дней отдыха, добрался до самаго конца новаго Лобъ-нора или Кара-кошуна.

Прогулка вышла чудесная. Никогда ни одно судно не носило на себѣ болѣе благодарнаго пассажира. Что за отдыхъ, что за спокойствіе послѣ тяжелаго, труднаго душнаго перехода по песку!

Туземцы, проживающіе около новаго Лобъ-нора, какъ и проживающіе около стараго, называютъ себя „лоплыками“, а челноки свои „кеми“; слово это означаетъ и лодку, и паромъ и вообще судно. Челноки, разумѣется, бываютъ различной величины. Самый большой изъ видѣнныхъ мною имѣлъ почти 8 м. въ длину и $\frac{3}{4}$ м. въ поперечникѣ. Челнокъ, въ которомъ я совершилъ свою экскурсію, имѣлъ едва 6 м. длины и не болѣе $\frac{1}{2}$ м. въ поперечникѣ.

Выдолбить годный для плаванія челнокъ изъ хорошаго, свѣжаго, не дуплистаго тополеваго ствола могутъ при усердіи трое людей въ пять дней. Парусовъ туземцы никогда не употребляютъ, но ловко управляютъ однимъ весломъ. Последнее имѣетъ тонкую, широкую лопасть и называется „гыджакъ“ (то-же слово обозначаетъ нѣсколько схожую съ нимъ формою скрипку). Плыва по открытой водѣ, гребецъ стоитъ обыкновенно въ челнокѣ на колѣняхъ, но, попадая въ тростниковую заросль, онъ выпрямляется во весь ростъ, чтобы лучше различать фарватеръ, поворачивается лицомъ къ носу судна и держитъ весло въ водѣ вертикально. На каждомъ челнокѣ бываетъ обыкновенно по двое гребцовъ, и находящійся на кормѣ стоитъ, такъ какъ иначе передній мѣшалъ-бы ему править.

Сдѣлавъ въ день отдыха нѣсколько пробныхъ экскурсій на челнокѣ, чтобы узнать среднюю его скорость, другими словами, найти единицу времени для опредѣленія проходимаго пространства, мы отправились въ путь 11 апрѣля. Одинъ изъ гребцовъ занялъ мѣсто на носу, другой на кормѣ, а я посреди челнока, гдѣ расположился на своихъ подушкахъ и войлокахъ такъ-же удобно, какъ въ chaise-longue. Дневникъ, компасъ

и перо были у меня подъ руками, а во всё свободные уголки челнока насованы разные приборы, линь для промѣра глубины, и продовольствіе дня на два.

Пріятнымъ товарищемъ въ пути оказался для меня Джолдашъ № 3, щенокъ китайской породы, ярко-рыжаго цвѣта, взятый мною изъ Курли. Онъ не могъ угнаться за караваномъ во время долгихъ утомительныхъ переходовъ, и поэтому его сажали въ особую корзину, подвѣшенную къ верблюду. Въ первые дни пути щенокъ страдалъ отъ морской болѣзни, потомъ привыкъ. Уставъ бѣжать въ припрыжку, онъ преспокойно садился около какой нибудь кочки, дожидаясь, пока кто нибудь изъ людей не вернется за нимъ и не отнесетъ его въ корзину.

Эта собака составляла мнѣ самую пріятную компанію въ теченіе всего остальнаго путешествія по Азій и не разлучалась со мной почти никогда. И теперь она плыла со мной въ челнокъ, повидимому, очень довольная новымъ удобнымъ способомъ передвиженія. Потомъ Джолдашъ совершилъ со мной длинный путь обратно въ Хотанъ, затѣмъ по Тибету, Цайдаму, Китаю, Монголіи и Сибири. Бѣольшую часть этого огромнаго пути онъ продѣлалъ въ припрыжку и тѣмъ не менѣе въ вожделенномъ здравіи прибылъ въ Петербургъ.

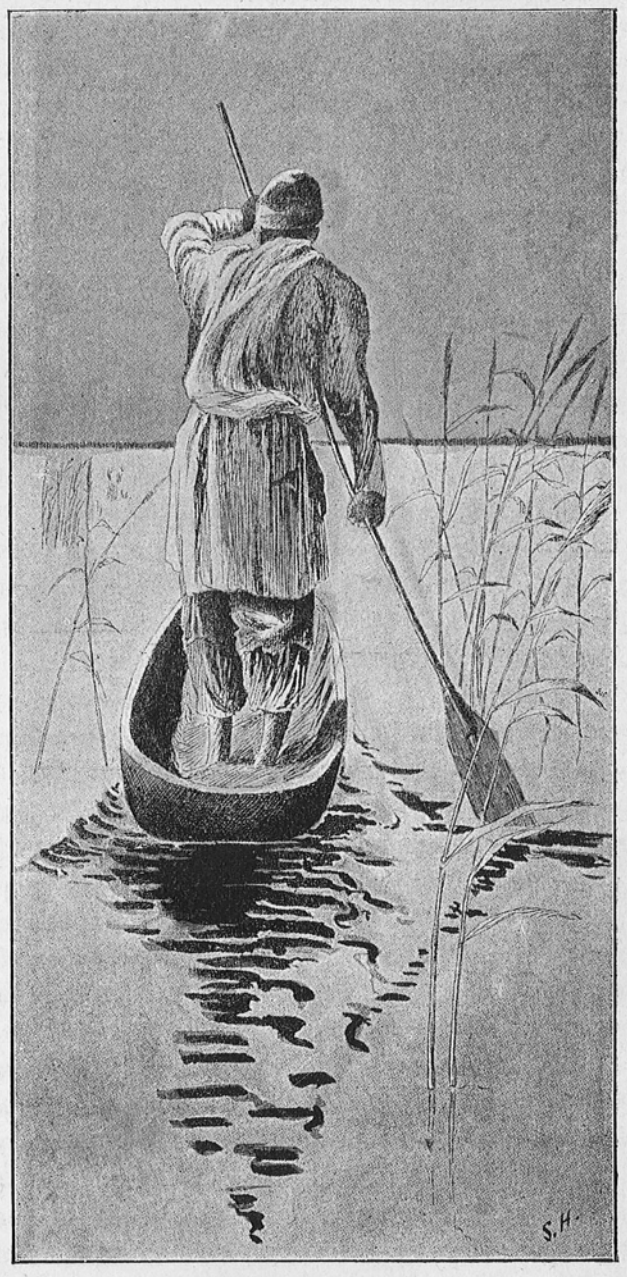
Къ сожалѣнію, закономъ воспрещено ввозить въ Швецію собакъ изъ Россіи, и мнѣ въ самую послѣднюю минуту пришлось покинуть моего вѣрнаго спутника. Но столь много путешествовавшій песъ здравствуетъ и по сейчасъ, найдя счастливый пріютъ у директора Пулковской обсерваторіи г. Баклунда. Тамъ Джолдаша скоро отучили отъ его азіатскихъ повадокъ, и онъ съ нетерпѣніемъ дожидается слѣдующаго путешествія по безконечнымъ пустынямъ.

Когда все было въ порядкѣ, гребцы погрузили весла въ воду, и челнокъ легко и быстро, точно угорь, заскользилъ по извивающейся темносиней рѣкѣ.

Но тутъ тихой погодѣ насталь конецъ. Какъ разъ въ эту ночь поднялась съ востока „черная буря,“ заволокнушая все небо и заставившая старые величественные тополи смиренно поникнуть головами. Пока мы плыли по рѣкѣ, мы были въ безопасности, такъ какъ ея глубоко вѣзавшееся въ почву русло ограждено отъ вѣтра и песку стѣной камыша.

По рѣкѣ, однако, намъ предстояло плыть всего нѣсколько часовъ, а затѣмъ тянулись почти до самаго конца открытыя озера. Ихъ-то и боялись мои гребцы, и мнѣ стоило большихъ трудовъ убѣдить ихъ въ томъ, что бояться нечего. Впрочемъ, мы всѣ трое умѣли плавать, и Джолдашъ также. Въ моихъ глазахъ буря скорѣе еще увеличивала, нежели уменьшала, прелесть этой экскурси, такъ какъ температура въ 1 ч. пополудни поднялась только до 20.7°, и кромѣ того вѣтеръ пѣлъ въ вершинахъ тополей свою, столь знакомую мнѣ, пѣсню, которую никогда не устаешь слушать и которая всегда навѣваетъ на тебя новыя думы и мечты.

Итакъ, мы быстро подвигались по торной рѣчной дорогѣ. Тростникъ окаймляетъ рѣку узкой, но густой

Лоплыкъ въ своемъ челнокѣ.
(Съ рисунка автора).

зарослью, и рѣка часто становится похожею на пустынную улицу-каналъ въ Венеціи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы останавливались, чтобы сдѣлать промѣръ глубины. Разъ гребцы остановились, не дожидаясь моего приказа, и сообщили, что „какъ разъ тутъ“ въ то время, когда рѣка и озера были еще сухи, „находилась соленая лужа“. Я сдѣлалъ примѣръ; оказалось 9½ м.,—глубина необычайная для рѣки съ притокомъ воды въ 23 куб. м. въ секунду.

Одинъ изъ моихъ гребцовъ, охотникъ Курбанъ, который бродилъ въ этихъ мѣстахъ въ теченіе 50 лѣтъ, т. е. и тогда, когда здѣсь еще была пустыня, и тогда, когда, 9 лѣтъ тому назадъ, сюда вновь прибыла вода, рассказалъ мнѣ, что Пржевальскій посылалъ въ эти мѣста его и еще нѣсколькихъ охотниковъ изъ Абдала, чтобы добыть шкуры дикихъ верблюдовъ. Они застрѣлили одного, и за его шкуру получили богатые подарки и деньгами и ножами и пр. Съ тѣхъ-же поръ, какъ сюда вмѣстѣ съ водою вернулись и люди, дикіе верблюды исчезли безслѣдно, найдя себѣ болѣе безопасныя убѣжища въ глубинѣ пустыни къ востоку отсюда.

Между тѣмъ мы уже скользили по первымъ озерамъ, пѣнящіяся волны которыхъ катились къ западу. Тутъ гребцамъ надо было глядѣть въ оба за вертлявымъ челнокомъ, такъ какъ озера очень мелководны, а, еслибы челнокъ ткнулся о голое песчаное дно, онъ непременно перевернулся-бы подъ напоромъ бури и волнъ. Мы поэтому старались держаться по возможности поближе къ восточному берегу, — съ той стороны мы были защищены отъ вѣтра высокими барханами.

Мало-по-малу мы счастливо добрались до безымяннаго селенія у начала Садакъ-куля, гдѣ проживало въ камышевыхъ хижинахъ нѣсколько семействъ. Они приняли меня съ безыскусственнымъ радушіемъ, приготовили для меня свѣжую рыбу и угостили утинными яйцами, нѣжными молодыми побѣгами тростника и хлѣбомъ. Когда я принялся за этотъ простой, но въ высшей степени вкусный ужинъ, меня окружила цѣлая толпа веселыхъ, болтливыхъ лоплыковъ разнаго пола и возраста. Даже молодыя дѣвушки, не стѣняясь, показывали свои цвѣтушія, но далеко не красивыя лица.

Это необычайное отсутствіе всякаго страха и застѣн-

чивости объяснялось очень просто. Они никогда не видали европейца и представляли его себѣ совѣмъ инымъ, наслушавшись рассказовъ о „Чонъ-турѣ“ — большомъ господинѣ“, т. е. Пржевальскомъ, который явился къ ихъ южнымъ родителямъ въ сопровожденіи двадцати вооруженныхъ съ головы до ногъ казаковъ, длиннаго каравана верблюдовъ и вообще въ полномъ блескѣ европейскаго престижа.

А тутъ вдругъ они увидали меня одного, какъ персть, безъ слугъ, безъ каравана, прибывшаго на челнокъ съ двумя изъ ихъ родичей; я говорилъ на ихъ языкѣ, ѣлъ ихъ пищу и казался почти такимъ-же немущимъ, какъ и они.

Они, вѣрно, и нашли, что разница между лоплыкомъ и европейцемъ на самомъ дѣлѣ не такъ ужъ велика!

12 апрѣля буря такъ свирѣпствовала, что мы не могли отправиться въ путь. Но, день спустя, она немного поутихла,

Лоплыкскій мальчикъ съ береговъ Садакъ-куля.

(Съ рисунка автора).

такъ что мы могли спустить челнокъ на воду. По окончаніи плаванья челнокъ обыкновенно вытаскиваютъ на берегъ и опрокидываютъ кверху дномъ; время отъ времени его поливаютъ водой, чтобы онъ не далъ трещинъ. Больше десяти лѣтъ челнокъ рѣдко можетъ прослужить.

Мы были въ пути еще до восхода солнца; плаванье по мѣстами чистымъ, мѣстами заросшимъ тростникомъ озерамъ, вышло чудеснымъ. Максимальная глубина оказалась 3.50 и 4.70 м. Около полудня буря снова разевирѣпѣла, и остальное наше плаванье въ тотъ день прошло въ какой-то сказочной обстановкѣ. Часто приходилось проплывать большія открытыя пространства воды, соединенныя между собой узкими проливами. Для того, чтобы добраться до входа въ эти проливы, намъ неизбѣжно приходилось пересѣкать открытые заливы.

Какъ ориентировались тутъ гребцы, для меня оставалось загадкой; береговая линія были до крайности неправильны, всѣ въ извилинахъ, благодаря безчисленнымъ заливчикамъ, полуостровкамъ и островкамъ, да и самыя устья проливовъ не были видны, пока мы не подплывали къ нимъ вплотную. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что летучій песокъ, подымаемый вѣтромъ съ бархановъ восточнаго берега, крутился смерчами, свивался въ облака и окутывалъ желтою дымкою озера, часто совершенно скрывая отъ нашихъ взоровъ берега.

Водная поверхность сильно волновалась. Волны такъ и кипѣли вокругъ челнока и обдавали насъ брызгами и клоками пѣны. Надо было глядѣть въ оба. Мы снимали съ себя лишнюю одежду, чтобы, въ случаѣ нужды, было легче плыть. Приходилось также сильно балансировать всѣмъ тѣломъ и веслами, чтобы сохранить равновѣсіе челнока среди этихъ волнъ, и зорко слѣдить за тѣмъ, не стережетъ-ли насъ гдѣ предательская мель.

Пока, однако, все обходилось благополучно. Мы проплывали одинъ заливъ за другимъ. Только посреди большого озера Нязъ-куль пришлось намъ съ часъ стоять на мѣстѣ, держась въ защитѣ небольшого песчанаго островка. Но затѣмъ озера стали уменьшаться и, наконецъ, мы опять очутились на рѣкѣ Илекъ. По ея спокойнымъ водамъ мы плыли до селенія

Ширга-чапканъ (каналъ лоплыка Ширга), гдѣ проживало съ полдюжины семей и гдѣ уже съ нетерпѣніемъ и тревогой ожидалъ насъ Исламъ-бай съ караваномъ.

Послѣ двухдневнаго отдыха караванъ продолжалъ путь до Чигеликъ-уя на Таримѣ по суху, а я на лодкѣ по „Большой рѣкѣ“. Чонъ-Таримъ все время дѣлаетъ самые причудливые завороты и извилины, иногда описывая чуть-ли не полный кругъ, такъ что курсъ приходилось держать попеременно на всѣ четыре стороны свѣта. Буря свирѣпствовала съ удвоенной яростью, и мои гребцы, отправляясь въ путь, приняли мѣру предосторожности, связавъ вмѣстѣ два челнока. Послѣдніе были поставлены бокъ-о-бокъ, но съ разстояніемъ въ одинъ футъ, и съ борта одного перекинули на бортъ другого два шеста, которые затѣмъ прикрѣпили къ самымъ бортамъ. Такой парный челнокъ, называющійся „кошъ-кеми“, требовалъ уже четырехъ гребцовъ, которымъ и приходилось въ бурю напрягать всѣ свои силы, такъ какъ судно на заворотахъ рѣки къ западу, подхватываемое вѣтромъ, летѣло мимо береговъ съ головокружительной быстротой.

Мало по малу лѣсная растительность совсѣмъ прекратилась; и съ востока и съ запада простирались пустынные области.

Чигеликъ-уй типичный азіатскій рыбачій поселокъ. Рядъ желтыхъ камышевыхъ хижинъ тянулся по берегу, на которомъ лежали десятка два перевернутыхъ кверху дномъ челноковъ; между высокими шестами протянуты были для просушки сѣти, и въ воздухѣ пахло гнилой рыбой. Восемь семей живутъ тутъ круглый годъ, но по зимамъ прибываетъ еще пятнадцать, которыя въ весеннее, лѣтнее и осеннее время занимаются земледѣліемъ въ Чакалыкѣ и такимъ образомъ ведутъ полукочевой образъ жизни.

Караванъ двинулся дальше въ Абдалъ сухимъ путемъ, а я опять въ лодкѣ, теперь уже по небольшимъ остаткамъ озера Кара-буранъ бывшаго 12 лѣтъ назадъ такимъ значительнымъ.

Буря опять поутихла, зато весь день 18 апрѣля шелъ дождь. Во время самаго сильнаго ливня намъ пришлось на нѣсколько часовъ укрыться въ маленькомъ селеніи Токкузъ-аттанъ (девять отцовъ), со всѣхъ сторонъ окруженномъ водой.

Озера всюду были очень мелководны, занесены рѣчнымъ иломъ и пескомъ; на большихъ протяженіяхъ глубина едва доходила до одного десиметра, такъ что гребцамъ моимъ приходилось идти пѣшкомъ по водѣ, таща за собою челнокъ за веревки.

Проведя ночь въ селеніи Чай, мы проплыли въ теченіе слѣдующаго дня при чудной погодѣ 60 килом. (по прямой линіи всего 39,8 килом.) по Тариму, который къ востоку становится все уже и глубже; пустынные берега его были почти совсѣмъ лишены растительности.

Вечеромъ, когда мы достигли Абдала, на берегу собралось уже, поджидая насъ, все населеніе. Я, выходя на берегъ, указалъ на маленькаго старичка, котораго видѣлъ въ первый разъ, и воскликнулъ: „А вотъ и Кунчиканъ-бекъ!“ — чѣмъ привелъ всѣхъ въ немалое изумленіе. Но его характерныя черты не трудно было узнать по портрету, помѣщенному въ описаніи четвертаго путешествія Пржевальскаго. Кунчиканъ-бекъ съ своей стороны встрѣтилъ меня, какъ стараго знакомаго, и повелъ въ прибранный „покой“ въ своей просторной камышевой хижинѣ.

Кунчиканъ-бекъ былъ поистинѣ славный старикъ. Онъ говорилъ безъ умолку и сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній. Пржевальскій подарилъ ему свой портретъ и нѣсколько фотографій, изображавшихъ сцены изъ морскаго быта, а также рыбацьи сѣти, котелъ и много другихъ полезныхъ вещей. И старикъ хранилъ всѣ эти драгоценности въ песчаномъ барханѣ къ сѣверу отъ Абдала; тамъ онѣ были въ безопасности отъ пожара и отъ грабителей-дунганъ.

Когда я сталъ описывать ему наши лодки и нашъ способъ грести, онъ отмахнулся рукой и воскликнулъ самымъ увѣреннымъ тономъ: „Да я давно уже знаю все это. „Чонъ-тюря“ ужъ рассказывалъ мнѣ. Я отлично знаю, какъ у васъ тамъ на родинѣ; я самъ сталъ чуть-ли не такимъ-же русскимъ, какъ вы!“

21 апрѣля мы сдѣлали экскурсію по рѣкѣ до довольно большого селенія Кумъ-чапканъ, причемъ старикъ Кунчиканъ-бекъ — „вождь восходящаго солнца“ самъ дѣйствовалъ однимъ весломъ съ такою-же силою и ловкостью, съ какою, вѣроятно, дѣйствовалъ и 65 лѣтъ тому назадъ.

Въ Абдалѣ я узналъ, что за Кумъ-чапканомъ рѣка уже не судоходна, такъ какъ дѣлится тамъ на множество рукавовъ и теряется въ озерахъ и болотахъ. Весь водный путь до Каракосуна, которымъ плылъ Пржевальскій, заросъ теперь осокой

Сноха Кунчиканъ-бека съ прялкой.

(Съ рисунка автора).

и тростникомъ, и люди повыселились съ его береговъ уже десять лѣтъ тому назадъ.

Въ Кумъ-чапканѣ мы нашли, однако, двухъ людей, которые взялись плыть со мной въ теченіе двухъ дней, къ ОНО,

т. е. до того мѣста, дальше котораго нельзя уже плыть въ челнокѣ. Я ни за что не хотѣлъ упустить случая нанести на свою карту этихъ озеръ съ возможною точностью и рѣшился сдѣлать эту поѣздку. Но сначала надо было вернуться въ Абдалъ за продовольствіемъ. Этотъ обратный путь мы сдѣлали по Абдальскимъ озерамъ, которыя идутъ по правому берегу рѣки и принадлежать, слѣдовательно, къ группѣ мелкихъ, прибрежныхъ озеръ, истоющихъ Таримъ. Съ теченіемъ времени рѣка сама наносимымъ ею иломъ

подняла свое ложе и течетъ точно по приподнятому руслу. Поверхность рѣки при высокомъ ея уровнѣ лежитъ, такимъ

Мальчуганы изъ Кумъ-чапкана.

(Съ рисунка автора).

образомъ, выше плоскихъ равнинъ, идущихъ по обѣ стороны рѣки.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега состоятъ изъ легко размываемаго матеріала, вода ихъ прорываетъ и, образовавъ канавы, заливаешь низменности; иногда же сами лоплыки прокапываютъ такія канавы ради образованія искусственныхъ озеръ. Дѣло въ томъ, что въ эти озера заходитъ рыба и, когда въ началѣ лѣта вода въ рѣкѣ спадаетъ до минимума, плотины закрываютъ, такъ что рыба остается запертой въ озерахъ.

Когда вода въ нихъ начинаетъ испаряться, рыбу лови хоть руками.

Зимою здѣсь питаются вяленой рыбой и хлѣбомъ. Семьи же, проживающія около Кумъ-чеке, являются настоящими ихтиофагами, такъ какъ питаются почти исключительно рыбою, изрѣдка утиными яйцами, молодыми побѣгами камыша и солью. Согласно Пѣвцову, въ Южномъ Лобъ-норѣ водятся слѣдующія породы рыбъ: *Schizostorax Biddulphi*, *Aspiorrhynchus Przevalski*, *Nemachilus jarkandensis*, *Schizostorax argentatus* и *Diptychus gymnogaster*.

22 апрѣля я съ тремя гребцами сѣлъ въ одинъ челнокъ, Исламъ-бай съ кухонными принадлежностями и двумя гребцами въ другой, а третій челнокъ со старымъ опытнымъ гребцомъ Тузуномъ долженъ былъ расчищать намъ путь въ камышахъ.

Погода выдалась чудная, и мы быстро полетѣли мимо Кумъ-чапкана, гдѣ рѣка развѣтвляется, а затѣмъ по лѣвому самому большому изъ рукавовъ, который, однако, скоро оказался прегражденнымъ чащей камыша, представившею бы настоящій непроницаемый барьеръ, не прочисти въ немъ лоплыки узенькихъ каналчиковъ. Но и эти, такъ называемые, „чапканы“ снова заросли-бы въ теченіе одного года, если-бы лоплыки каждую весну не вырывали съ корнями молодой поросли камыша.

Ширина чапкана обыкновенно не превышаетъ одного метра; по обѣимъ сторонамъ идутъ настоящія стѣны камыша, вышиною иногда до 5 м. Часто его связываютъ пучками или сбиваютъ на бокъ, чтобы онъ не склонялся и не закрывалъ прохода.

Цѣль чапкановъ, однако, не только въ томъ, чтобы поддерживать сообщеніе водою. Въ этихъ проходахъ также ставятъ сѣти и мережи, и мы скользили надъ сотнями такихъ мережей, въ которыхъ сквозь прозрачную воду ясно, словно въ акваріумѣ, виднѣлось множество рыбы. Мы по пути и вытацили себѣ нѣсколько, чтобы освѣжить нашъ запасъ продовольствія.

Каждая семья имѣетъ свои извѣстные чапканы, гдѣ никто другой уже не смѣетъ ставить мережей. Узкіе корридоры эти перекрециваются по всѣмъ направленіямъ, образуя

лабиринты, въ которыхъ чужой человѣкъ непременно заблудится.

И просто непонятно, какъ туземцы могутъ разбираться въ этихъ лабиринтахъ. Часто канальчикъ впадаетъ въ небольшой, круглый открытый бассейнъ, со всѣхъ сторонъ окаймленный камышомъ, и въ тотъ-же бассейнъ впадаетъ еще съ полдюжины чапкановъ, расходящихся радіусами во всѣ стороны.

Попадая въ такое озерко, на противоположномъ краю котораго высится съ виду непроницаемая стѣна камыша, гребцы начинаютъ бѣшенно грести веслами, челнокъ несется, какъ вѣтеръ, черезъ озеро, такъ и кажется, что сейчасъ можжишь себѣ голову объ эту стѣну, но нѣтъ, стѣна со свистомъ и шелестомъ раздается, камышевые стволы раздвигаются, словно занавѣски, на обѣ стороны, и челнокъ скользитъ по слѣдующему чапкану.

Такъ проходилъ весь день. Мѣстами еще ясно различался умирающій Таримъ. Иногда мы попадали въ довольно большія озера; въ одномъ изъ нихъ, Джоканакъ-куль, оказалась наибольшая измѣренная мною глубина на всемъ Южномъ Лобъ-норѣ: 4.25 м. Оказывается, такимъ образомъ, что озера очень мелководны и скорѣе походятъ на болота.

Подъ вечеръ мы понеслись по самому крупному изъ всѣхъ озеръ, Баклаганъ-кулю (озеро привязаннаго крыла), названнаго такъ, вѣроятно, потому, что около устья одного чапкана въ нѣсколькихъ мѣстахъ привязано по утиному крылу, которыя и служатъ путевыми знаками. Большихъ трудовъ стоило намъ пробраться къ сѣверному берегу, гдѣ мы, наконецъ, вышли на сушу; почва состояла изъ влажнаго ила, пропитаннаго солью.

На слѣдующій день поплыли дальше по большому озеру. Въ одну изъ остановокъ для промѣра глубины, Джолдашъ, которому, должно быть, показалось, что въ лодкѣ слишкомъ жарко, прыгнулъ за бортъ. Увидавъ, что до ближайшей земли слишкомъ далеко, онъ, однако, основательно выкупавшись, вернулся обратно въ лодку. Первымъ шелъ челнокъ съ проводникомъ, за нимъ челнокъ съ провіантомъ и, наконецъ, мой челнокъ; первые два челнока въ случаѣ надобности прочищали дорогу. Свой простой завтракъ я съѣдалъ въ лодкѣ. Передача

провизіи съ челнока Ислама на нашъ совершалась такимъ образомъ: Исламъ укладывалъ провизию въ деревянную чашку, которую и спускалъ на тихую водную поверхность, а мы, поровнявшись съ чашкой, ловили ее.

Поперекъ озера шла широкая полоса частаго густого камыша, вышиною до 8 ф., 6 сантим. въ обхватѣ около водной поверхности. Сами лоплыки рѣдко бываютъ въ этихъ мѣстахъ, поэтому чапканы успѣли здѣсь зарости. Узкій передовой челнокъ, однако, легко проскользнулъ сквозь тѣсный проходъ, но нашимъ большимъ грузнымъ челнокамъ пришлось пробираться шагъ за шагомъ. Гребцы отложили весла въ сторону, стали на колѣни и принялись обрабатывать камышъ и руками и ногами, чтобы пробраться сквозь него.

Того и гляди застрянешь въ такомъ проходѣ. Воды совсѣмъ не видно: ее заслоняютъ челнокъ и тростникъ. Ни единый лучъ солнца не проникаетъ въ этотъ мрачный, душный туннель. Испускаешь поэтому вздохъ истиннаго облегченія, когда узкій корридоръ останется позади, и челнокъ заскользитъ по открытой водѣ, на которой вѣтерокъ разводитъ легкую рябь.

Около полудня мы добрались до самаго конца открытыхъ озеръ. Чащи камыша стали окончательно непроходимыми; тутъ нельзя было ни пробраться въ челнокѣ въ лѣтнее время, ни пройти пѣшкомъ по льду въ зимнее. Камышъ стоитъ сплошною стѣною; тамъ и сямъ бури, поломавъ стволы камыша, такъ перепутали и переплели ихъ, что мы могли даже совершить небольшую прогулку пѣшкомъ по этой тростниковой настилкѣ, нужды нѣтъ, что подъ ногами была вода, достигавшая въ глубину 3 м.

Прежде, чѣмъ вернуться, мы еще разъ пробрались къ сѣверному берегу, на которомъ росли на высокихъ буграхъ кусты тамариска. Съ этихъ бугровъ открывался широкій видъ во всѣ стороны. На востокѣ не было видно ни полоски открытой воды, даже въ квадр. метръ, все пространство казалось сплошною пышною зарослью камыша. На западѣ виднѣлась только узенькая водяная дорожка, по которой мы плыли, похожая на голубую ленту въ желтѣющемъ тростникѣ, среди котораго зеленѣли лишь небольшія куци молоденькаго, весенняго.

Затѣмъ, мы повернули обратно къ Абдалу, по тому же пути. Такъ какъ маршрутъ былъ уже занесенъ на карту, то я могъ теперь всласть нѣжиться на своихъ коврахъ и подушкахъ, прислушиваясь къ шопоту тростника, плеску воды о борта челнока и любуясь переливами прозрачной воды, отливавшей въ глубокихъ мѣстахъ цвѣтомъ морской воды, а въ мелкихъ, вслѣдствіе рефлексовъ отъ желтаго камыша, цвѣтомъ желе изъ рейнвейна.

Когда мы достигли мѣстности сейчасъ на востокъ отъ Кумъ-чапкана, гдѣ Таримъ еще очень быстръ, гребти стало труднѣе, чѣмъ когда мы плыли въ другую сторону. Когда мы собрались въ путь, челнокъ, направляемый рѣдкими ударами веселъ, летѣлъ въ этомъ мѣстѣ по теченію съ быстротой вѣтра.

Чтобы выиграть время, я предоставилъ гребцамъ работать веслами весь день и даже часть ночи. Они работали охотно, такъ какъ имъ было обѣщано хорошее вознагражденіе. Мѣсяцъ, точно маякъ, освѣщаль узкую живописную водяную дорогу; картина получалась восхитительная. Ночь была теплая, тихая; лишь мѣрные удары веселъ, да изрѣдка всплески рыбъ нарушали глубокую тишину.

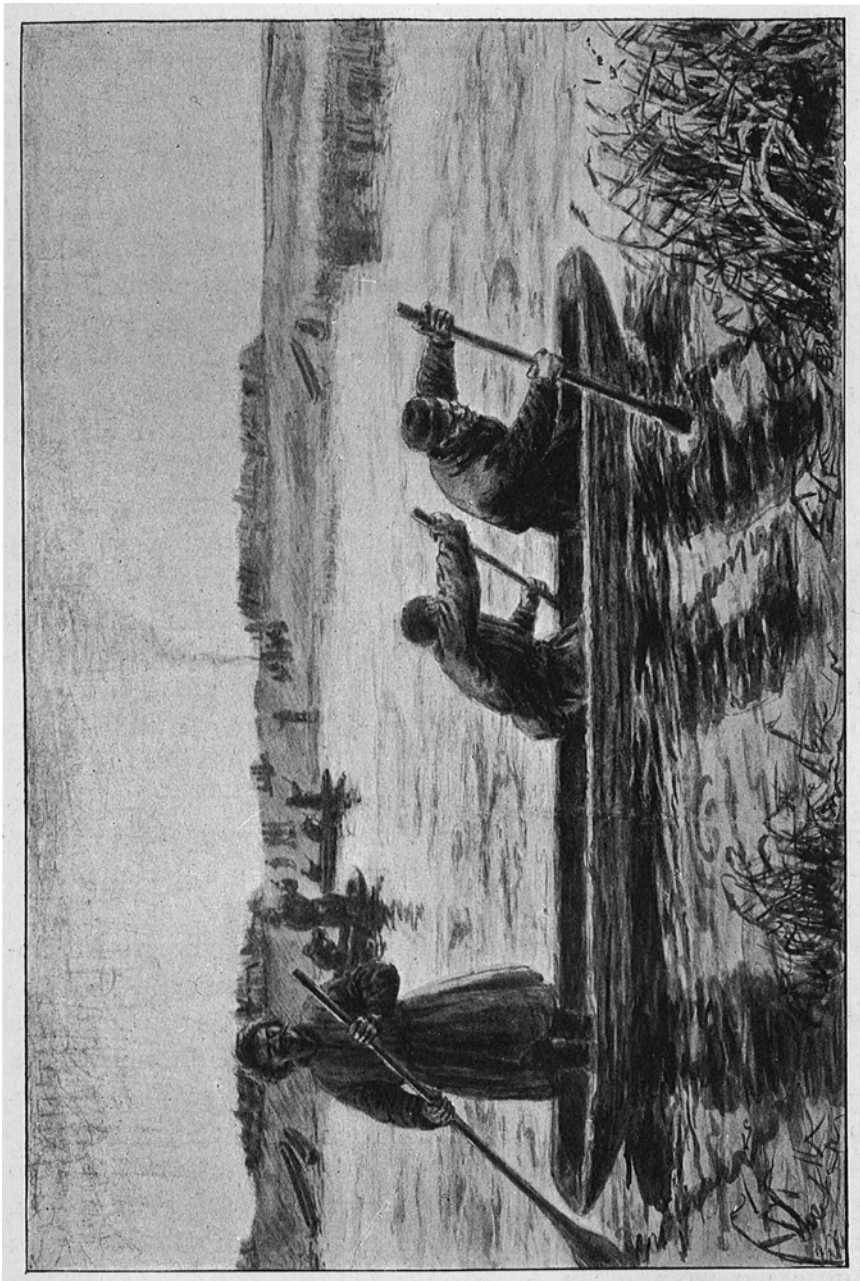
ХІІІ.

Возвращеніе въ Хотанъ. Правосудіе Лю-дарина.

Итакъ, первые четыре мѣсяца года мы цѣликомъ провели въ дорогѣ, все болѣе и болѣе удаляясь на востокъ отъ новаго нашего операціоннаго базиса, Хотана. Въ концѣ концовъ мы очутились у конца Лобъ-норской цѣпи озеръ, въ тысячѣ верстѣ съ лишкомъ отъ названнаго города, гдѣ я оставилъ почти всѣ свои пожитки и свои деньги, исключая самаго необходимаго.

Въ теченіе этого долгаго путешествія мнѣ посчастливилось разрѣшить поставленные мною себѣ задачи. Мы по-

бывали на развалинахъ древнихъ городовъ, слѣдовали по

Таримъ около Кумъ-чапкана.
(Съ рисунка Диньсера).

теченію Керіи-дарьи до самаго ея конца, пересѣкли пустыню Гоби, уяснили себѣ сложную рѣчную систему Тарима и за-

гадку, представляемую озеромъ Баграшъ-куль и, наконецъ, изслѣдовали Лобъ-норскую область.

Форсированный, трудный переходъ по пустынѣ порядкомъ истощилъ наши силы; приближалось лѣто съ удушливыми жарами, тѣмъ болѣе непріятными для насъ, что мы захватили съ собой лишь зимнюю экипировку; всѣ мы и горѣли желаніемъ отдохнуть въ Хотанѣ.

Будь у насъ крылья, мы-бы съ радостью перелетѣли туда по воздуху, такъ какъ оба пути вдоль сѣверной подошвы Кунь-луня изслѣдованы и описаны Пржевальскимъ, Пѣвцовымъ, Дютрейль-де-Риномъ и Литледэлемъ, да и кромѣ того представляютъ мало интереса. Тѣмъ не менѣе выбора не было, и приходилось ѣхать. 25 апрѣля, сердечно распрощавшись съ престарѣлымъ Кунчиканъ-бекомъ, мы съ караваномъ изъ трехъ верблюдовъ и двухъ лошадей оставили Абдалъ.

Пріятно всетаки было сознавать, что находишься на пути къ западу; по благополучномъ возвращеніи въ Хотанъ, мнѣ оставалось выполнить только еще одну задачу моей программы — изслѣдовать сѣверный Тибетъ. Кромѣ того въ Хотанѣ, какъ я узналъ изъ сообщенія, посланнаго мнѣ въ Карашаръ генеральнымъ консуломъ Петровскимъ, меня ждала солидная кипа писемъ изъ Швеціи. Чего, чего ни могло случиться тамъ за мое долгое отсутствіе!

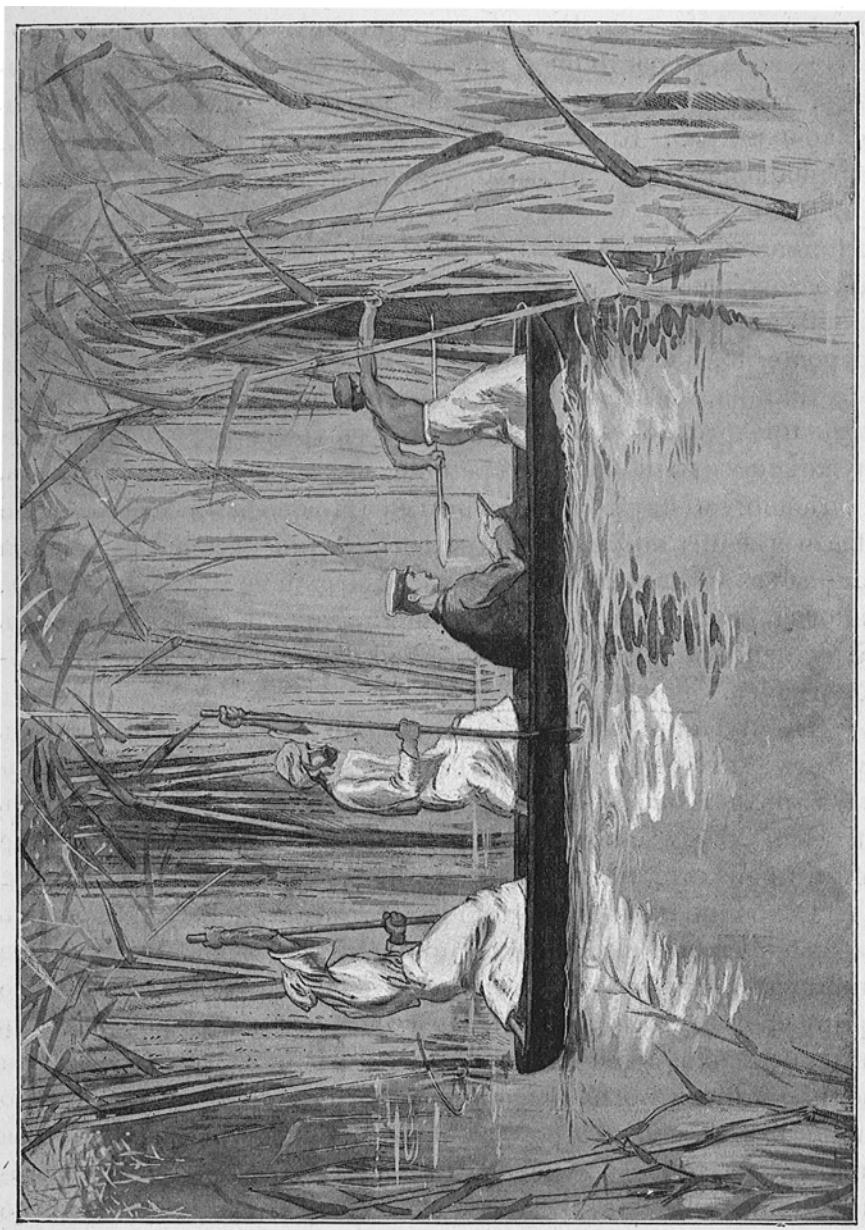
Эти письма магнитомъ тянули меня на западъ. И какъ только мы выѣхали изъ Абдала, поднялся упорный вѣтеръ съ востока, гнавшій намъ вслѣдъ тучи песку и пыли, словно само небо подгоняло насъ къ западу.

Такая буря, какъ я уже упоминалъ, представляетъ поражающее величественное зрѣлище. Воды Тарима гнало сильнымъ вѣтромъ вспять; уровень воды около Абдала понизился на 40—50 сант. зато въ озерѣ Кара-буранъ повысился на 20—30, благодаря чему озеро значительно увеличилось въ размѣрахъ.

Въ такую бурю нельзя чувствовать себя въ сѣдлѣ особенно прочно: вѣтеръ, того и гляди, сорветъ тебя. Лошадь шатается, какъ пьяная, а верблюды широко разставляютъ ноги, чтобы не потерять равновѣсія.

Хотя, вслѣдствіе бури, Кара-буранъ и сталъ обильнѣе водою, мы всетаки пересѣкли озеро, т. е. тѣ его части, которыя

со времени Пржевальскаго успѣли высохнуть. Затѣмъ, мы достигли низовья рѣчки Чакалыкъ, которая впадала-бы въ

Челнокъ у входа въ „чапканъ“ на Лобъ-ноуѣ.
(Съ рисунка Нюбома).

Кара-буранъ, еслибы не изсякала раньше въ низменной равнинѣ. Буря и эту рѣчку заставила свернуть въ сторону отъ

русла и залить всю низменность кругомъ, такъ что исчезла подъ водой и тропа.

Мы поэтому ѣхали больше на угадъ по водѣ, глубиною въ нѣсколько десим. Всюду, куда ни погляди кругомъ, волновалась вода, — настоящее море. Пѣна такъ и кипѣла вокругъ насъ, водяныя брызги взлетали на воздухъ и разсыпались мелкой пылью. Кругозоръ былъ очень ограниченъ: пыль, насыщавшая атмосферу, заволакивала видъ. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней буря не стихала ни на минуту, и температура не поднималась выше 15—18°, такъ что намъ, по крайней мѣрѣ, было довольно прохладно.

27 апрѣля вечеромъ мы прибыли въ Чакалыкъ, небольшой „городокъ“, населенный сотней семействъ. Въ воздухѣ стояла уже тишина, но въ нашемъ лагерѣ было шумно. Прежде всего намъ предстояло сбыть здѣсь своихъ трехъ верблюдовъ, сослужившихъ намъ съ того времени, какъ мы оставили Хотанъ, неопѣненную службу. Истинными филозофами шагали они цѣлые мѣсяцы по ужасной пустынѣ, величественно разсѣкали мощныя заросли и чащи, безбоязненно шли по водѣ и болотамъ, никогда не роптали, никогда не причиняли намъ никакихъ затрудненій и часто еще ободряли насъ самихъ своимъ спокойствіемъ.

Но мы слишкомъ ужъ использовали ихъ силы, и имъ теперь нуженъ былъ отдыхъ; тащить ихъ съ собой до Хотана было бы варварствомъ, — верблюдовъ никогда не употребляютъ въ дѣло лѣтомъ, но даютъ имъ полныя каникулы, которые они и проводятъ на подножномъ корму въ горахъ.

Особенно жалъ мнѣ было разстаться съ моимъ верховымъ верблюдомъ, великолѣпнымъ самцомъ, 10 лѣтъ. Какъ я уже упоминалъ, верблюды не любятъ людей и никогда такъ не приручаются, какъ лошади. Но у насъ съ моимъ верблюдомъ была большая дружба. Зато, когда къ нему подходили мои люди, которые обыкновенно вели его за веревку, продѣтую въ носъ, онъ сердито ревѣлъ и плевался. Убѣдившись, что я никогда не трогаю веревки, онъ уже встрѣчалъ меня совершенно иначе. Я могъ гладить его по мордѣ и по лбу, и онъ не выказывалъ при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія. Каждое утро я давалъ ему два большихъ ломтя маисоваго хлѣба, и онъ подъ конецъ такъ привыкъ къ этой подачкѣ, что въ из-

вѣстный часъ самъ подходилъ къ моему войлоку и напоминалъ о себѣ. Иногда онъ даже будилъ меня, изрядно толкнувъ мордой.

И вотъ, теперь приходилось расстаться съ этими тремя заслуженными слугами, дѣлившими съ нами и горе и радость. Купилъ ихъ у меня одинъ андижанскій купецъ за полцѣны противъ заплаченной нами, а мы взаменъ приобрѣли еще четырехъ лошадей. Но я почувствовалъ себя просто осиротѣвшимъ, когда покупатель увелъ нашихъ верблюдовъ; дворъ опустѣлъ безъ нихъ.

Къ счастью, у меня оставался Джолдашъ, который постоянно лежалъ рядомъ со мной въ лачугѣ, гдѣ я помѣщался. Разъ я сидѣлъ на своемъ войлокѣ и писалъ, вдругъ Джолдашъ вскочилъ и началъ ворчать, тыкая носомъ въ землю. Я сначала не обращалъ на него вниманія, но онъ мало по малу приблизился ко мнѣ вплотную, выказывая всѣ признаки сильнѣйшаго беспокойства.

Тогда я сталъ осматриваться и почти у самыхъ ногъ своихъ увидалъ двухвершковаго отвратительнаго скорпіона, который вилялъ своимъ ядовитымъ хвостомъ, защищаясь отъ собаки, которая, однако, инстинктивно остерегалась укусить его. Скорпіонъ былъ раздавленъ, а Джолдашъ награжденъ кускомъ мяса и ласками, показавшими ему, что онъ велъ себя молодцомъ.

Чакалыкомъ править китайскій амбанъ Ли-даринъ. Кромѣ того, со времени вспыхнувшаго въ декабрѣ 1894 г. въ области Си-нинъ-фу дунганскаго возстанія, китайцы держатъ въ городкѣ гарнизонъ изъ 265 солдатъ, вооруженныхъ старыми, забракованными англійскими ружьями 60-хъ годовъ. По своему обычаю и соблюдая долгъ вѣжливости, я немедленно по прибытіи послалъ Ли-дарину мою китайскую визитную карточку и мѣстный паспортъ, выданный мнѣ Хуэнь-дариномъ Карашарскимъ, и поручилъ освѣдомиться, когда я лично могу сдѣлать амбаню визитъ.

На это Ли-даринъ черезъ своего переводчика отвѣтилъ, что предварительно требуетъ отъ меня большого, годнаго и для здѣшнихъ областей паспорта. Я попросилъ переводчика, оказавшагося любезнымъ бекомъ мусульманиномъ, объяснить амбаню, что мой большой паспортъ изъ Пекина и Кашгара

остался въ Хотанѣ, такъ какъ, выѣзжая оттуда, я не предполагалъ забираться такъ далеко, и что я лучше сумѣю объяснить все это при личномъ свиданіи съ амбанемъ.

Отвѣтъ гласилъ, что лицо, не имѣющее настоящаго паспорта, является субъектомъ подозрительнымъ, что амбань меня не приметъ и что южная дорога въ Хотанъ для меня закрыта, но что я, въ силу имѣющагося у меня мѣстнаго паспорта, могу получить разрѣшеніе вернуться въ Кара-шаръ и затѣмъ направиться въ Хотанъ тою-же дорогою, какою пришелъ.

Вотъ такъ славно! Употребить въ лѣтнія жары цѣлыхъ три съ половиною мѣсяца на путешествіе по пустынѣ, по уже изслѣдованному пути, тогда какъ по южной дорогѣ черезъ Черченъ мы могли добраться до Хотана въ одинъ мѣсяць! Я и поручилъ переводчику передать своему амбаню, что во первыхъ я презираю его, а во вторыхъ, что я во всякомъ случаѣ завтра-же выступлю въ Черченъ.

Лаконическимъ отвѣтомъ было: „Выѣзжайте, но я арестую васъ и съ десятию солдатами отправлю въ Кара-шаръ!“

Тутъ надо было подумать, да подумать! Скоро, однако, я сообразилъ свое положеніе и принялъ слѣдующее рѣшеніе: выступить въ Черченъ на слѣдующій день и дать Лидарину арестовать себя и отправить въ Кара-шаръ; оттуда я отправлюсь въ Урумчи и тамъ съ помощью русскаго консула не только добьюсь свободнаго пропуска черезъ Черченъ въ Хотанъ, но и устрою, что Лидаринъ получитъ заслуженный нагоняй и долженъ будетъ возмѣстить мнѣ убытки, причиненныя задержкой и лишней дорогою.

Согласно съ этимъ я и условился, что упоминавшійся выше андижанскій купецъ побережетъ наши пожитки и нашихъ лошадей. Сопровождать меня долженъ былъ одинъ Исламъ-бай; крохотный багажъ нашъ помѣстился позади насъ на сѣдлахъ.

Сначала я былъ очень разсерженъ перспективою такой значительной задержки въ пути, тѣмъ болѣе, что ни силою, ни хитростью ничего нельзя было подѣлать съ упрямымъ мандариномъ, у котораго имѣлось подъ руками 265 солдатъ. Но къ вечеру мысли мои прояснились, и путешествіе въ Урумчи представилось мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Отдѣлявшія

насъ отъ него 700 верстѣ сулили мнѣ новые пути и интересныя области; я могъ ознакомиться съ главнымъ городомъ китайской части внутренней Азіи, который кишитъ знатными мандаринами и въ которомъ находится небольшая русская колонія. Все это было очень заманчиво, хоть сердце и болѣло по письмамъ съ родины.

Но моя счастливая звѣзда оказалась сильнѣе Ли-дарина, амбана Чакалыкского. Поздно вечеромъ, во дворѣ къ намъ явился мандаринъ лѣтъ 50, съ тонкими интеллигентными чертами лица, и назвался Ши-дариномъ, комендантомъ гарнизона. Онъ сообщилъ мнѣ, что получилъ приказъ арестовать меня завтра, и явился теперь выразить мнѣ свое сожалѣніе по поводу грубаго поступка Ли-дарина, обѣщаясь при этомъ постараться уговорить послѣдняго.

Бесѣда перешла на другіе предметы. Ши-даринъ очень заинтересовался моимъ путешествіемъ и расспрашивалъ меня обо всемъ. Когда я рассказалъ ему о своей первой попыткѣ пересѣчь Такла-маканъ, онъ вскрикнулъ и чуть не бросился мнѣ на шею. „Такъ это вы были? Я какъ разъ находился тогда въ Хотанѣ и слышалъ разговоры о вашемъ несчастномъ путешествіи. Линъ-даринъ тоже рассказывалъ о васъ, и мы оба надѣялись увидѣть васъ въ Хотанѣ.

Этотъ Линъ-даринъ былъ никто иной, какъ Павелъ Сплингертъ, бельгіецъ, который находился въ Хотанѣ 30 лѣтъ, четыре года раздѣлялъ, въ качествѣ переводчика, экспедиціи Рихтгофена и теперь былъ вліятельнымъ мандариномъ въ Са-чжоу. Онъ въ концѣ концовъ сталъ настоящимъ китайцемъ, женился на китайкѣ и имѣлъ отъ нея одиннадцать человѣкъ дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ были отданы въ католическую миссіонерскую школу въ Шанхаѣ.

Сплингертъ и Ши-даринъ имѣли порученіе отъ Урумчійскаго генераль-губернатора обревизовать Восточный Туркестанъ, особенно южныя его границы и ознакомиться съ условіями добыванія золота. Въ теченіе тѣхъ недѣль, которыя я провелъ въ лѣсахъ Буксама, они находились въ Хотанѣ. Когда-же они прибыли въ Кашгаръ, я только что выступилъ оттуда въ Памиръ, а когда я осенью вернулся въ Кашгаръ, они уже успѣли выѣхать оттуда.

Мнѣ давно хотѣлось встрѣтиться со Сплингертомъ, тѣмъ

болѣе, что я привезъ ему поклоны отъ Рихтгофена. Но удалось мнѣ это лишь годъ спустя, когда мы встрѣтились съ нимъ въ русскомъ посольствѣ въ Пекинѣ. Сплингертъ собирался тогда переселиться въ Тянь-цзинь, гдѣ Ли-Хунгъ-Чангъ давалъ ему выгодное мѣсто.

Поговоривъ о нашихъ общихъ знакомыхъ, мы съ Ши-дариномъ подружились такъ, какъ будто знали другъ друга много лѣтъ. Онъ просидѣлъ у меня до полночи. Мы поужинали вмѣстѣ, закурили трубки и продолжали бесѣду. Я показалъ ему свои маршруты и эскизы и развилъ передъ нимъ весь Лобъ-норскій вопросъ, который заинтересовалъ его тѣмъ болѣе, что онъ самъ зналъ, что озеро въ прежнія времена имѣло иное положеніе.

Вмѣсто того, чтобы отправиться въ Урумчи, мы остались на другой день въ городѣ, и я отдалъ визитъ Ши-дарину. Онъ принялъ меня какъ нельзя любезнѣе и показавъ мнѣ собственноручно выполненныя съемки своихъ маршрутовъ по горнымъ областямъ къ югу отъ Чакалыка и Черчена. Я былъ просто пораженъ. Не будь на картахъ китайскихъ надписей, никто-бы не повѣрилъ, что это сдѣлано не европейцемъ; горы были нанесены на карту по современнымъ методамъ.

Затѣмъ Ши-даринъ показавъ мнѣ свои англійскіе компасы, діоптры, измѣрительные приборы и пр. и пр. Наконецъ, онъ повелъ меня осматривать крѣпость, склады аммуниціи и оружія и во время обхода выказалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ; словомъ, это былъ необычайный китаецъ. Онъ скорѣе производилъ впечатлѣніе европейца, нежели сына Поднебесной имперіи. Онъ долго служилъ въ Кульджѣ, гдѣ свелъ знакомство съ многими русскими, что дало ему возможность научиться, какъ должно, цѣнить преимущества цивилизаціи. Долговременныя сношенія съ Сплингертомъ только укрѣпили его взгляды на Европу.

За обѣдомъ я нашелъ своевременнымъ спросить, какъ-же теперь насчетъ моего ареста. Ши-даринъ сообщилъ, что все утро провелъ у амбана, но тотъ стоитъ на своемъ, говоря, что имѣетъ приказъ на все время возстанія дунганъ охранять дорогу въ Черченъ и Хотанъ. Ши-даринъ старался втолковать ему, что тутъ нѣтъ никакихъ дунганъ, а есть только мирный

европеецъ. Но амбанъ заявилъ, что не можетъ знать, кто я, такъ какъ у меня нѣтъ паспорта.

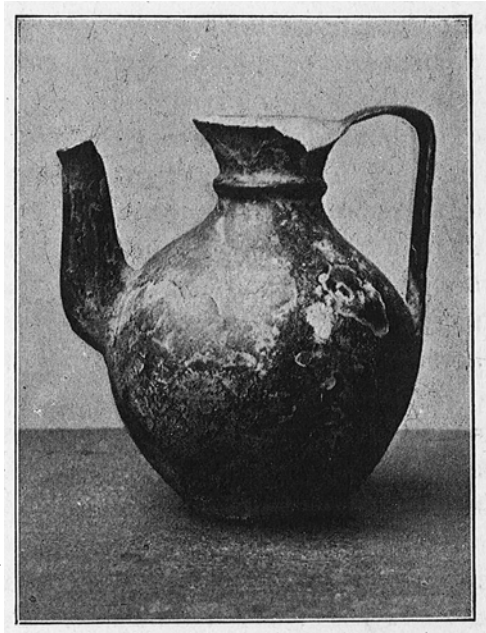
„Ну, такъ придется, пожалуй, отправиться въ Урумчи!“ — сказалъ я.

„Въ Урумчи? Вы въ умѣ?“ — воскликнулъ Ши-даринъ и принялся хохотать. „Нѣтъ, отправляйтесь преспокойно въ Черченъ, я отвѣчаю за послѣдствія! Амбанъ, правда, приказалъ арестовать васъ, но, вѣдь, я начальникъ гарнизона и не дамъ ему для этой цѣли ни одного солдата. А если онъ захочетъ арестовать васъ съ помощью туземныхъ бекковъ, я дамъ вамъ охрану изъ своихъ солдатъ“.

Кто-бы могъ надѣяться на такой оборотъ дѣла! Тѣ-же самые солдаты, которые по приказу надменнаго Ли-дарина должны были арестовать меня, употребивъ въ случаѣ надобности даже силу, становились теперь моей защитой! Случаитакого разлада между представителями гражданской и военной власти, однако, не рѣдки въ Китаѣ. И въ Кашгарѣ и въ Хотанѣ я наблюдалъ такія же обостренныя отношенія.

На другой день все было готово къ отъѣзду. Ши-даринъ, какъ будто мало сдѣлалъ для меня, прислалъ мнѣ богатый запасъ сахару и табаку, въ чемъ я какъ разъ нуждался, а взамѣнъ получилъ нѣсколько мелкихъ вещицъ и картъ, безъ которыхъ я могъ обойтись.

Затѣмъ, мы выступили на западъ. Въ роцѣ, на окраинѣ города стояли трое бывшихъ нашихъ верблюдовъ, пощипывая листву. Мы послали имъ грустное прости, но они не удостоили насъ даже взглядомъ, продолжая свою сочную трапезу.

Древній мѣдный кунганъ изъ Вашъ-шари.
($\frac{2}{5}$ натур. велич.).
(Съ фотографіи Даллѣфа).

Здѣсь мнѣ опять придется почти совершенно обойти молчаніемъ эти 900 верстѣ, отдѣлявшія насъ отъ Хотана. Какъ ни хотѣлось-бы мнѣ поподробнѣе поговорить объ областяхъ, гдѣ мы собрали богатую жатву наблюдений, я принужденъ отказаться отъ этого за недостаткомъ мѣста, но я надѣюсь вернуться и къ этой части моего путешествія въ слѣдующемъ своемъ трудѣ.

Миновавъ Вашъ-шарі, гдѣ мы посѣтили развалины и купили у одного земледѣльца старинный мѣдный кувшинъ, мы достигли Черченъ-дарьи и по ея рѣдкимъ лѣсамъ направились къ городу Черчену.

Изъ Черчена ведутъ двѣ дороги въ Керію. Слѣдуя по сѣверной, пустынной, которую, повидимому, избралъ Марко Поло, можно достигнуть Керіи въ 10 дней. Но такъ какъ въ это время года она являлась совершенно безлюдной, вода въ колодцахъ была соленой, и насъ всю дорогу донимали-бы полчища комаровъ, то мы и выбрали болѣе южную дорогу, ведущую вдоль хребта Кунь-лунъ и лежащую среднимъ числомъ на тысячу метровъ выше сѣверной.

Климатъ на такой высотѣ чудесный, свѣжій; живутъ въ этихъ областяхъ таглыки (племя тюркскаго происхожденія), занимающіеся, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ; природа на этомъ пути обѣщала намъ большое разнообразіе, а то обстоятельство, что путь этотъ требовалъ лишнихъ четырехъ дней, не играло для насъ никакой роли.

И вотъ, мы направились къ золотымъ приискамъ Копы, гдѣ туземцы, ищущіе счастья и золота, роютъ колодцы (канъ) до 50 саж. глубиной, пока не дойдутъ до жилы. Узкіе туннели, похожіе на подземные ходы кротовъ, идутъ по направленію стараго рѣчнаго русла, въ которомъ и находится золотой песокъ.

На этомъ слѣдовало-бы остановиться подольше, посвятить добыванью золота въ этой области цѣлую главу, но приходится торопиться пройти скорѣе Кыркъ-сай или „сорокъ русель“, гдѣ снѣговая вода стекаетъ съ горъ по глубокимъ бороздамъ, чтобы вскорѣ затѣмъ изсякнуть въ раскаленной печи, называемой пустынею Гоби или Такла-маканъ.

Проѣхавъ черезъ Соургакское золотое поле, мы опять спустились въ низменные области и пустыню, гдѣ чудеснѣй-

шимъ убѣжищемъ отъ песковъ явился маленькій оазисъ Яст-улгунъ (Лѣтній тамарискъ).

Въ Керіи меня радушно встрѣтилъ мой кашгарскій пріятель Цзянь-далой, котораго только что назначили сюда амбанемъ.

27 мая мы прибыли въ Хотанъ, здоровые, но усталые, съ несказаннымъ чувствомъ удовольствія предвкушая отдыхъ на нѣкоторое время.

Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ, что мы въ несчастное наше странствованіе по пустынѣ въ апрѣлѣ и началѣ мая 1895 г. оставили между барханами палатку, почти весь нашъ багажъ, стоимостью до 5,000 кр., и двухъ людей, умиравшихъ отъ жажды. Вдовы послѣднихъ являлись ко мнѣ въ Кашгарѣ и съ плачемъ и рыданьемъ просили вернуть имъ покойниковъ. Я помогъ имъ по силѣ возможности деньгами, потомъ собрался въ новое путешествіе, и новыя приключенія почти стерли изъ моей памяти событія перваго.

Лѣтомъ 1895 г. неожиданно вынырнулъ на свѣтъ Божій шведскій офицерскій револьверъ, находившійся во въюкѣ Нэра, и у насъ зародились подозрѣнія. И генеральный консулъ Петровскій и дао-тай послали приказы въ Хотанъ о новыхъ розыскахъ, но розыски эти не привели ни къ чему.

Въ началѣ января 1896 г. я вернулся въ Хотанъ и снова выступилъ оттуда, оставаясь въ полной увѣренности, что палатка, багажъ и оба умершіе были давно засыпаны пескомъ. Судите-же о моемъ удивленіи: въ самый день моего прибытія въ Хотанъ 27 мая, Лю-даринъ прислалъ на мою квартиру значительную часть пропавшихъ у меня вещей, которыхъ я не видалъ уже больше года.

Слѣщу прибавить, что, принимая вещи, я испытывалъ самыя смѣшанныя чувства. Ясно было, что съ находкой этой связано было разоблаченіе интриги, и что мы были обмануты. И, дѣйствительно, открылась цѣлая запутанная исторія, настоящій уголовный романъ, о которомъ я разскажу вкратцѣ, такъ какъ онъ освѣщаетъ характеръ туземцевъ-мусульманъ не меньше, чѣмъ правосудіе китайскихъ властей.

Купецъ Юсуфъ, напоившій умиравшаго Ислама водою, вернувшись въ Хотанъ, подарилъ шведскій револьверъ аксакалу западно-туркестанскихъ купцовъ Сейдъ-Ахрамъ-баю,

съ явнымъ расчетомъ обезпечить себѣ его довѣріе и молчаніе.

Но аксакаль, во время предупрежденный Петровскимъ, не дался въ обманъ. Онъ подвергъ Юсуффа строгому допросу, и купецъ, наконецъ, признался, что получилъ револьверъ отъ Тогда-бека, управлявшаго селеніемъ Тавекъ-кэль. Аксакаль передалъ затѣмъ револьверъ Лю-дарину, который черезъ даотая доставилъ его мнѣ въ Кашгаръ. Когда Юсуффъ увидѣлъ, что дѣло возбудило нѣкоторыя подозрѣнія, онъ счелъ за лучшее уѣхать въ Урумчи. Такъ какъ больше о немъ не было ни слуха, ни духа, то у аксакала зародились новыя подозрѣнія, и онъ послалъ въ Тавекъ-кэль лазутчика съ порученіемъ слѣдить за Тогда-бекомъ и его домомъ. Одѣтый въ рубище лазутчикъ такъ хорошо сыгралъ свою роль, что Тогда-бекъ взялъ его къ себѣ въ услуженіе, въ пастухи. Въ качествѣ пастуха, лазутчикъ и бродилъ по области со стадами бека, выполняя свои обязанности къ полному удовольствію новаго хозяина.

Плату онъ получалъ небольшую, но вотъ разъ явился онъ въ жилище бека за своимъ ничтожнымъ жалованьемъ и уже ступилъ на порогъ, какъ бекъ вдругъ выскочилъ къ нему съ сжатыми кулаками и прогналъ. Пастуху, однако, большаго и не требовалось; онъ успѣлъ замѣтить, что бекъ съ тремя охотниками (нашими проводниками) Ахметъ-Мергенномъ, Касимъ-ахуномъ и Тогда-шахомъ, и съ Якубъ-шахомъ, который водилъ насъ на первыя развалины въ пустынѣ, сидѣли на корточкахъ вокругъ какихъ-то сундуковъ. Кругомъ, на коврѣ, разложены были разныя вещи, которыя могли принадлежать только европейцу.

Лазутчикъ не подалъ и вида, получилъ жалованье и побрелъ своей дорогой. Но едва онъ отошелъ подальше, какъ вскочилъ на первую попавшуюся лошадь и въ карьеръ помчался въ Хотанъ, чтобы донести о видѣнномъ аксакалу. Послѣдній доложилъ сейчасъ-же обо всемъ Лю-дарину, и этотъ послалъ въ Тавекъ-кэль двухъ чиновниковъ съ нѣсколькими солдатами, чтобы обыскать домъ бека и арестовать вещи.

Бекъ, однако, скоро хватился пастуха, обнаружилъ въ то-же время исчезновеніе лошади, понялъ, что дѣло не ладно, и отправилъ погоню. Но лазутчикъ имѣлъ слишкомъ большое

преимущество во времени, да и понималъ кромѣ того, что тутъ дѣло идетъ о его головѣ, и поэтому не шадилъ лошади.

Бекъ увидалъ, что попалъ въ просакъ, но выпутался, какъ настоящій дипломатъ: уложилъ всѣ вещи въ сундуки и отправилъ ихъ въ Хотанъ. Сюда онъ прибылъ вмѣстѣ съ посланными Лю-дарина и доставилъ всѣ пожитки амбану, объясняя, что они были найдены всего нѣскольکو дней тому назадъ.

Охотники тоже отправились въ Хотанъ и поселились въ одномъ караванъ-сараѣ съ бекомъ. Но и тутъ у аксакала былъ лазутчикъ, который скоро и донесъ ему, что бекъ по вечерамъ обучаетъ охотниковъ, какъ и что имъ говорить Лю-дарину на допросахъ.

Аксакалъ принялся за охотниковъ, тѣхъ самыхъ, которые съ Исламомъ-баемъ ходили на розыски нашей палатки, но ничего не нашли. Они и сообщили аксакалу, что зимою вернулись къ тремъ тополямъ и оттуда шли нѣскольکو дней дальше къ западу по слѣдамъ лисицы. Наконецъ, они достигли пункта, гдѣ лисица остановилась и рылась въ пескѣ, бывшемъ на взглядъ бѣлымъ, какъ мѣлъ. Песокъ этотъ и оказался мукою.

Охотники принялись затѣмъ копать и, наконецъ, нашли палатку, занесенную пескомъ на цѣлый футъ выше ея подпорокъ. Мало по малу ониковытаскали оттуда одну вещь за другой и на ослахъ перевезли ихъ къ рѣкѣ.

Это сообщеніе было интересно само по себѣ. Оно свидѣтельствовало, что барханъ, на которомъ была поставлена палатка, выросъ на 2 м. Въ немалой степени это зависѣло, конечно, отъ того, что съ подвѣтренной стороны палатки громоздилось немало песку уже въ то время, когда мы ее оставили. Лѣтомъ 1898 г., видимо, дули сильные вѣтры, но зимою погода стояла, по обыкновенію, почти все время тихая, и слѣды лисицы виднѣлись явственно.

Вѣроятно, лисицы еще лѣтомъ почуяли куръ и провизію и отправились на поиски добычи. Скелетъ одной курицы охотники нашли на поверхности бархана недалеко отъ лагеря, но скелетовъ двухъ людей не видали. Возможно, что умиравшіе отползли за ночь на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря. Аксакалъ приступилъ къ дальнѣйшимъ разспросамъ: почему они тотчасъ же не препроводили вещей къ Лю-дарину, не дожидаясь, пока

о нихъ узнаеть шпионъ? Оказалось, что о вещахъ какъ то провѣдалъ Тогда-бекъ (бывшій юзъ-баши при Якубъ-бекѣ и уже тогда ненавидимый за свою жестокость и дурныя качества) и уговорилъ этихъ въ сущности честныхъ и хорошихъ людей припрятать всѣ вещи и продавать ихъ по частямъ, оставивъ себѣ лишь то, что можетъ пригодиться.

Поэтому я теперь и получилъ обратно лишь такія вещи, которыя оказались бесполезными для туземцевъ: приборы, стативъ, аптеку, ульстеръ, сигары, керосиновую кухню и два фотографическихъ аппарата. Отъ послѣднихъ, впрочемъ, было мало толку, такъ какъ жители Тавекъ-кэля примѣнили пластинки къ дѣлу, вставивъ ихъ вмѣсто стеколъ въ свои рѣшетчатые окна. Пришлось поэтому и впредь довольствоваться собственными набросками. Вотъ причина, почему лишь первая часть этого труда снабжена снимками съ фотографій.

Охотники поддались уговорамъ бека и успѣли уже растратить часть вещей, приблизительно на 1,000 рублей. Ахметъ-Мергенъ и Касимъ-ахунъ, сопровождавшіе насъ на Керію-дарью, во все время путешествія и виду ни о чемъ не подавали, но, вѣроятно, совѣсть ихъ всетаки мучила, такъ какъ они всегда, какъ только рѣчь заходила о нашей несчастной экспедиціи, говорили, что пропавшее еще отыщется и что они на возвратномъ пути изъ Чимена будутъ продолжать розыски.

Понялъ я теперь и причину, почему бекъ, во время моего пребыванія въ Тавекъ-кэлѣ, помѣстилъ меня въ частномъ домѣ и ни разу не пригласилъ къ себѣ. Похищенные вещи лежали у него подъ коврами и войлоками и могли быть нечаянно обнаружены.

Лю-даринъ тоже вызвалъ охотниковъ къ допросу и, увидавъ, что такъ тщательно запертые мною сундуки оказались взломанными, спросилъ людей, какъ они осмѣлились на такое дѣло; развѣ они не знали, что и китайскіе законы и магометанскій „шаріатъ“ запрещаютъ присваивать себѣ чужое добро? На это охотники отвѣчали, что сундуки были слишкомъ тяжелы, и они принуждены были выгрузить изъ нихъ все и перевезти частями.

Вся эта исторія разыгралась мѣсяца за два до моего прибытія въ Хотанъ. Охотниковъ допрашивали „съ пристрастіемъ“,

чтобы вынудить у нихъ полное признаніе, высѣкли и засадили въ темницу. Лишь хитрый бекъ остался на свободѣ.

По моемъ возвращеніи въ Хотанъ, слѣдствіе возобновилось. У аксакала былъ шпионъ въ „яменѣ“, слѣдившій за всѣмъ, что тамъ происходитъ. Мы, однако, были убѣждены, что Лю-даринъ будетъ дѣйствовать по чистой совѣсти и не дастъ подкупить себя.

Судьба воровъ была теперь въ моихъ рукахъ; изъ рукъ китайскаго правосудія люди выходятъ уже калѣками, и бѣднымъ заключеннымъ, ожидавшимъ своей участи въ тюрьмѣ, нельзя было позавидовать. Я, разумѣется, съ самаго-же начала рѣшилъ отпустить ихъ съ миромъ; довольно съ нихъ было страха, какого они натерпѣлись.

Лю-даринъ приступилъ теперь къ исполненію обязанностей судьи. Онъ потребовалъ перечня вещей, находившихся въ сундукахъ и обозначенія ихъ стоимости. Вооружившись этими данными, онъ собственной персоной отправился въ Тавекъ-кэль, гдѣ дѣло было снова поднято, чтобы продолжаться затѣмъ въ Хотанѣ. Собранныя на мѣстѣ данныя сильно противорѣчили одно другому. Лю-даринъ хотѣлъ поэтому прибѣгнуть къ пыткамъ. Но такъ какъ я воспротивился этому самымъ категорическимъ образомъ, то онъ рѣшилъ пустить въ дѣло только розги. Тогда я объяснилъ, что если такой приговоръ состоится, я долженъ буду удалиться, такъ какъ, по обычаямъ моей родины, считается несправедливымъ обращаться такъ даже съ преступниками. Лю-даринъ и обѣщаль сообразоваться съ моими желаніями.

Охотники продолжали утверждать, что они оставили всѣ вещи у Тогда-бека и что, если чего нибудь не хватаетъ, то это его дѣло; бекъ-же утверждалъ, что недостающія вещи утащили сами охотники. Лю-даринъ, какъ истый Соломонъ, и постановилъ слѣдующее рѣшеніе: „Такъ какъ обѣ стороны врутъ, и нельзя добраться, которая, то я присуждаю обѣ стороны въ теченіе двухъ дней выплатить нашему гостю стоимость рас-траченныхъ вещей — 5,000 тенегъ (1000 рублей).

Я тотчасъ послѣ произнесенія приговора и въ присутствіи обвиняемыхъ заявилъ, что нахожу приговоръ справедливымъ, но не желаю брать денегъ съ обвиняемыхъ, какъ они тамъ ни виноваты.

Лю-даринъ съ твердостью возразилъ, что, если даже я не нуждаюсь въ деньгахъ, китайскимъ властямъ крайне важно показать своимъ подданнымъ, что они не могутъ безнаказанно грабить европейскихъ гостей, иначе грабежъ повторится при первомъ-же удобномъ случаѣ, когда въ этихъ областяхъ появится путешественникъ.

Я не имѣлъ никакихъ доказательствъ, что и оставленный около рѣки верблюды былъ ограбленъ тѣми-же людьми; кромѣ того охотники увѣряли, что часть вещей такъ и осталась на мѣстѣ; поэтому я постарался сбавить сумму взыскапія до 1000 тенегъ (200 рублей). Такимъ образомъ, если я не извлекъ иныхъ выгодъ изъ этого дѣла, то по крайней мѣрѣ заслужилъ общее одобреніе и благодарность виновныхъ.

Проявленные Лю-дариномъ справедливость и энергія въ защиту интересовъ европейца были поистинѣ необычайными для китайскаго чиновника. Но я уже говорилъ, что этотъ Лю-Сюй-Цзай (его полное имя) былъ на рѣдкость хорошимъ человекомъ; послѣднее можно подтвердить еще слѣдующими данными.

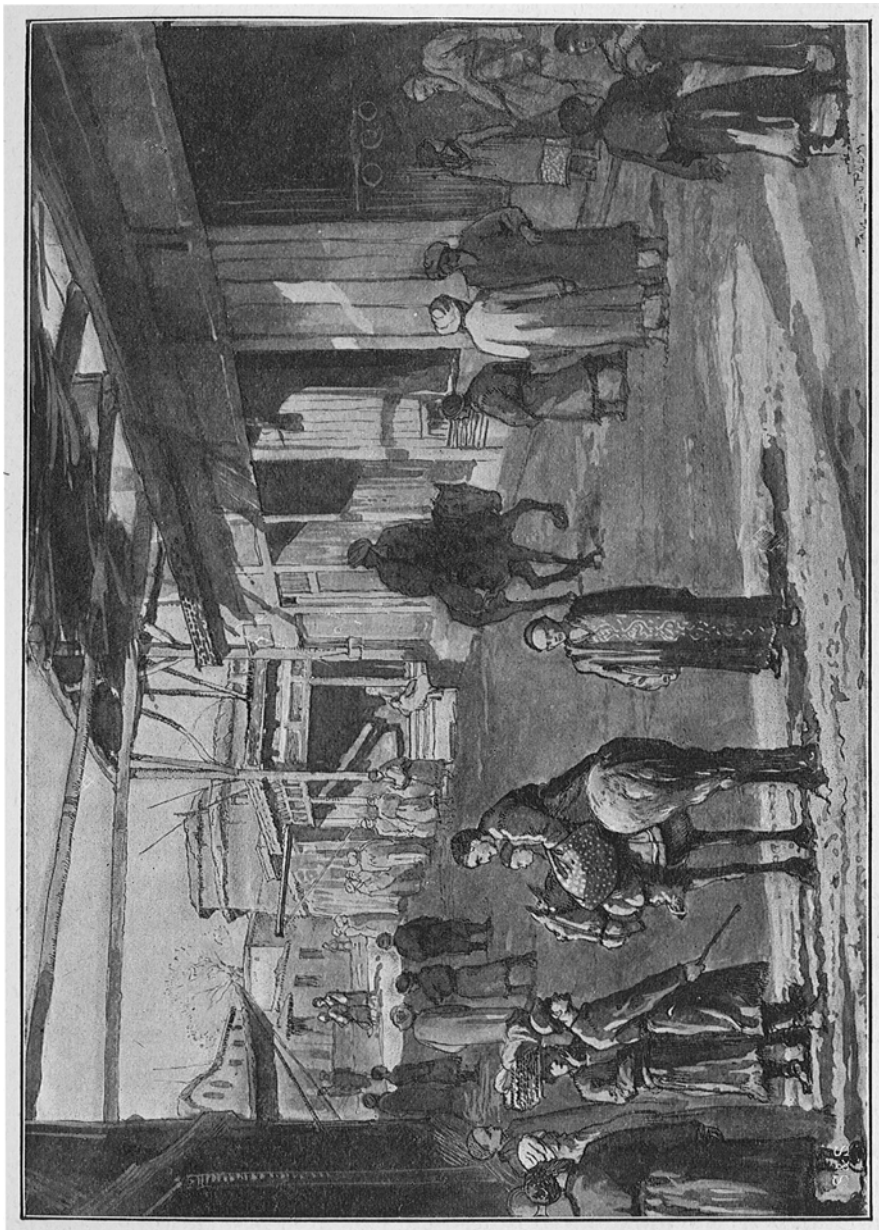
Весь хотанскій оазисъ уплачиваетъ Китаю ежегодную подать приблизительно въ 3,000 ямбъ (300,000 рублей). Амбани смѣняются здѣсь, какъ и въ другихъ восточно-туркестанскихъ городахъ, каждые три года, и въ теченіе этого срока успѣваютъ скопить себѣ до полумилліона и больше, такъ какъ добрая часть собираемыхъ податей прилипаетъ къ ихъ рукамъ.

Лю-даринъ былъ амбанемъ три года, и каждый годъ отсылалъ всю сумму полностью въ Пекинъ. Его честность обратила на него вниманіе въ Урумчи, и его назначили амбанемъ въ Яркендъ, куда онъ и долженъ былъ выѣхать въ тотъ-же день, какъ я оставлялъ Хотанъ.

Славное время провели мы въ Хотанѣ. Первый богачъ въ городѣ Алимъ-ахунъ предоставилъ, по приглашенію Лю-дарина, въ мое распоряженіе свою великолѣпную лѣтнюю резиденцію. Все было готово къ нашему прибытію. Сначала меня провели въ ворота, потомъ черезъ два двора и, наконецъ, уже въ обширный, обнесенный высокими стѣнами четырехугольный садъ.

Дорожка, выложенная кирпичомъ, вела въ середину сада,

гдѣ возвышался сложенный изъ кирпичей домъ. Въ домѣ была только одна большая комната въ 15 оконъ, деревянные рѣшет-

Базарная улица въ Хотанѣ.
(Съ рисунка П. Ларсонг-Пальма).

чатые переплеты которыхъ могли подыматься и опускаться, какъ жалюзи. Терраса была окружена глубокимъ ровомъ, въ которомъ журчала вода, пробѣгая подъ четырьмя мостиками.

Ни одинъ лучъ солнца не проникалъ сквозь густую сѣнь развѣсистыхъ ивъ, окружавшихъ этотъ домъ, построенный для Якубъ-бека. Вода журчала въ каналахъ, вѣтеръ шелестѣлъ въ вѣтвяхъ ивъ, полуденная жара, доходившая на солнцѣ до 38 градусовъ, не распространялась сюда, и температура оставалась здѣсь 10 градусами прохладнѣе. Даже песчаные бураны, обычные въ этихъ мѣстахъ въ это время года, не нарушали моего покоя.

Въ домѣ была всего одна дверь. Вдоль остальныхъ трехъ внутреннихъ стѣнъ комнаты шелъ широкой деревянный помостъ въ метръ вышины, такъ что оставалась свободной только середина комнаты съ каменнымъ поломъ. Этотъ помостъ мы убрали коврами и моими сундуками. Въ одномъ углу устроили мнѣ на помостѣ постель, на помостѣ-же я и сидѣлъ, поджавъ по азіатски ноги, передъ моимъ письменнымъ столомъ — однимъ изъ сундуковъ и работалъ часто далеко за полночь. Въ общемъ выходило что-то вродѣ кабинета ученаго; разбросанные дорожные предметы придавали комнатѣ живописный видъ.

Кухня помѣщалась въ маленькой мазанкѣ около входныхъ воротъ сада, и, чтобы не мѣшать мнѣ безъ надобности въ моемъ уединеніи, Исламъ-бай провелъ звонокъ между обоими помѣщеніями. Бѣлъ я всего два раза въ день. Прежде всего являлся Исламъ-бай и провозглашалъ: Ашъ-таяръ, тюря! (пилавъ готовъ, господинъ), накрывалъ скатертью мѣстечко около меня на помостѣ и подавалъ кушанья. Они состояли изъ пилава, т. е. риса съ лукомъ и бараниной, шурпы, т. е. супа съ зеленью и мозгомъ, свѣжаго хлѣба, кислаго молока, чаю съ сахаромъ и сливками, яицъ, огурцовъ, дынь, винограда и абрикосовъ. Да, мнѣ жилось, какъ у Христа за пазухой!

Обыкновенно все общество мое составлялъ Джолдашъ. Туземцы почтительно величали его „Джолдашъ-ахунъ“, т. е. *господинъ* дорожный товарищъ. Онъ караулилъ мой домъ и заискивающе вилялъ хвостомъ, когда появлялся Исламъ съ подносомъ.

Какъ я наслаждался покоемъ въ этомъ чудномъ саду, среди полной тишины, куда не достигалъ ни одинъ звукъ съ шумнаго базара, ни единое дуновение вѣтра изъ нездороваго, антисанитарнаго города!

Испытываемому мною чувству полного наслажденія жизнью не мало способствовало, вѣроятно, то обстоятельство, что нынѣшнее мое существованіе представляло такой огромный контрастъ съ переходами по пустынямъ, и то, что письма съ родины содержали однѣ добрыя вѣсти.

Послѣ обѣда я гулялъ нѣкоторое время по саду, вдыхая ароматы зрѣющихъ тутовыхъ ягодъ и персиковъ и пышныхъ розъ. Иногда ко мнѣ подбѣгала и заигрывала со мной ручная лань съ голубымъ бантикомъ и бубенчикомъ. Словомъ, это былъ самый чудный уголокъ для отшельника, чистый рай, въ которомъ не хватало только Евы.

Въ конюшнѣ ржали пятнадцать вновь приобрѣтенныхъ нами лошадей. Съ лѣта 1895 г. у насъ оставалась только одна моя верховая лошадь, но мы не брали ея съ собой на Лобъ-норъ. Животныя набирались теперь силъ для будущихъ трудовъ. Лю-даринъ снабжалъ насъ въ изобиліи маисомъ и другимъ кормомъ. Я было заявилъ ему, что это принудить меня возможно скорѣе уѣхать, чтобы не злоупотребить его гостепріимствомъ, но изъ этого не вышло толку. Лю-даринъ упрашивалъ меня оставаться и увѣрялъ, что это долгъ каждаго настоящаго китайца обходиться такъ со своимъ гостемъ. Мало того: когда мы выступали, онъ снабдилъ меня и мой караванъ продовольствіемъ на цѣлый мѣсяць. Словомъ, всѣхъ услугъ и любезностей этого славнаго человѣка и не перечестъ.

Но надо упомянуть еще объ одной вещи. Лю-даринъ рекомендовалъ мнѣ также одного переводчика, молодого, очень симпатичнаго китайца, по имени Фонгъ-Ши, который свободно писалъ на родномъ языкѣ, бѣгло говорилъ по джагатай-тюркски и — не курилъ опиума. Въ Хотанѣ оставалась у него жена и дѣти, Лю-даринъ взялъ на себя всѣ заботы объ ихъ существованіи. Фонгъ-Ши, впрочемъ, получилъ жалованье впередъ за три мѣсяца и оставилъ его женѣ. Онъ взялся учить меня въ свободные часы китайскому языку, и мы начали заниматься еще до отъѣзда. Вечеромъ Исламъ опускалъ жалюзи, зажигалъ двѣ стеариновыя свѣчи, и я ложился спать только часа въ два ночи. Однажды темною и бурною ночью я проснулся отъ неистоваго лая Джолдаша, кидавагоса къ окну. Никакого подозрительнаго шума, однако, не было слышно изъ-за рева бури. Я прокрался къ веревкѣ звонка, но она оказалась

оборванной. Мы такъ и не узнали, оборвала-ли ее буря, или какой-нибудь злоумышленникъ.

Я вышелъ на террасу; собака бѣшено прыгала между кустами, въ которыхъ какъ будто мелькнули двѣ тѣни и скрылись по направленію къ садовой стѣнѣ. Я поспѣшилъ къ Исламъ-баю, у котораго хранилось оружіе, и мы дали два выстрѣла наудачу.

На слѣдующее утро мы нашли около стѣны лѣстницу, которую воры — безъ сомнѣнія, это были воры — въ переполохѣ не успѣли захватить. Съ тѣхъ поръ я всегда клалъ рядомъ съ постелью заряженный револьверъ, а въ саду поставили двухъ сторожей, которые отбивали три удара въ минуту, какъ это дѣлается въ ночное время на базарахъ, чтобы пугать воровъ, и я могъ спать спокойно.

Но время шло. Больше мѣсяца намъ нельзя было предаваться отдыху, и скоро мы заскучали по жизни на волѣ. Въ концѣ іюня все было готово къ выступленію. Исламъ-бай, все время пользовавшійся моимъ неограниченнымъ довѣріемъ, нанялъ новыхъ слугъ и закупилъ все нужное. Базарный швецъ парусовъ сшилъ большую палатку для моихъ людей. Для себя же я сохранилъ возвращенную мнѣ теперь мою старую походную палатку, съ которой были соединены такія печальныя воспоминанія.

Въ послѣдній вечеръ нашего пребыванія въ Хотанѣ люди мои справили себѣ торжественные проводы. Одинъ изъ маленькихъ дворовъ былъ кругомъ обвѣшанъ цвѣтными фонариками, оркестръ изъ барабанчиковъ и флейтчиковъ наигрывалъ во всю, подъ музыку кружилось двое плясуновъ, одинъ изъ которыхъ былъ одѣтъ женщиной, а вокругъ возсѣдали правовѣрные и восторженно хлопали въ ладоши. Затѣмъ было предложено угощеніе: пилавъ и чай, и только подъ утро замолкли звуки прощальной музыки.

XIV.

КЪ СЪВЕРНОЙ ПОДОШВЪ КУНЬ-ЛУНЯ.

29 іюня мы съ зари были уже на ногахъ, и мой мирный пріютъ въ саду опустѣлъ. Привели лошадей и принялись ихъ выучить. Нѣкоторыя изъ лошадей стали за долгій срокъ отдыха норовистыми и пугливыми, такъ что въ теченіе первыхъ дней путешествія каждую пришлось везти въ поводу особому чело-вѣку.

Пока люди снаряжали караванъ, я отправился проститься съ Лю-дариномъ и подарилъ ему золотые часы, купленные мною у одного богача купца изъ Ладака. Военный начальникъ города, подарившій мнѣ чудесный коверъ для моей палатки, получилъ отъ меня все ненужное намъ боевое снаряженіе и револьверъ. Алимуну-ахуну, моему хозяину, я вручилъ часы и халатъ, а всѣмъ людямъ, оказавшимъ намъ разныя услуги, сдѣлалъ денежные подарки.

Татаринъ Рафиковъ взялъ на себя отправку въ Швецію моихъ археологическихъ коллекцій, шкуры дикаго верблюда и массы купленныхъ въ Хотанѣ ковровъ. И, благодаря его стараніямъ, а также заботамъ генеральнаго консула Петров-каго, всѣ эти вещи въ полной цѣлости достигли мѣста назна-ченія.

Только въ 10 ч. утра все было готово, и длинный кара-ванъ изъ 20 лошадей и 30 ословъ, сопровождаемыхъ цѣлой толпой слугъ пѣшкомъ и верхомъ, выступилъ изъ города и направился къ востоку.

Черезъ какой-нибудь часъ мы были на лѣвомъ берегу Юрунъ-каша. Рѣка теперь имѣла совсѣмъ иной видъ, нежели мѣсяцъ тому назадъ, когда мы безъ малѣйшаго затрудненія переѣзжали черезъ ея единственное русло. Теперь она дѣли-лась на четыре рукава, изъ которыхъ ближайшій къ правому берегу былъ наиболѣе многоводный. Вода прибывала съ такой силой, что почва дрожала подъ нашими ногами. Наканунѣ я, измѣряя притокъ воды, нашель, что онъ равняется 360 куб. м. въ сек. Сегодня уровень воды, къ счастью, понизился на 35 сантим. Тѣмъ не менѣе пришлось прибѣгнуть къ услугамъ 20-ти „сучи“, которые прежде всего переправили лошадей,

навьюченныхъ продовольственными запасами, палаткой и менѣе хрупкими вещами. Низкій щебневый островъ въ руслѣ ограничивалъ послѣдній самый трудный для переправы рукавъ. Тутъ стояла къ услугамъ путешественниковъ неуклюжая лодка, напоминавшая формою длинный, тяжелый, угловатый ящикъ. Я помѣстился въ ней со всѣми своими ящиками, содержащими болѣе хрупкія вещи, и съ Джолдашемъ, находившимъ переправу въ такой валкой лодкѣ крайне непріятною. Вода была мутная; температура ея равнялась 14.4° (температура воздуха въ 1 часъ пополудни 24°).

Миновавъ Юрунъ-кашскій базаръ, мы проѣхали цѣлый рядъ селеній, утопавшихъ въ лѣтней роскошной зелени, и черезъ безчисленное множество арыковъ, наполненныхъ до краевъ полою водою изъ рѣки.

Проведя ночь въ прекрасномъ домѣ въ Сампулѣ, мы 30 іюня миновали послѣднія юговосточныя селенія хотанскаго оазиса. Около Котасъ-лянгара (постоялый дворъ яка) протекалъ послѣдній арыкъ этой оросительной системы, и тутъ-же растительность разомъ прекращалась, словно ошпаренная кипяткомъ. Ни единой былинки не переходило черезъ границу искусственно орошенной области. Передъ нами разстилался твердый, желтый, съ пологимъ подъемомъ и совершенно бесплодный сай, образующій переходную ступень между пустыней и горами, и знакомый уже намъ по областямъ Копы и Соургака.

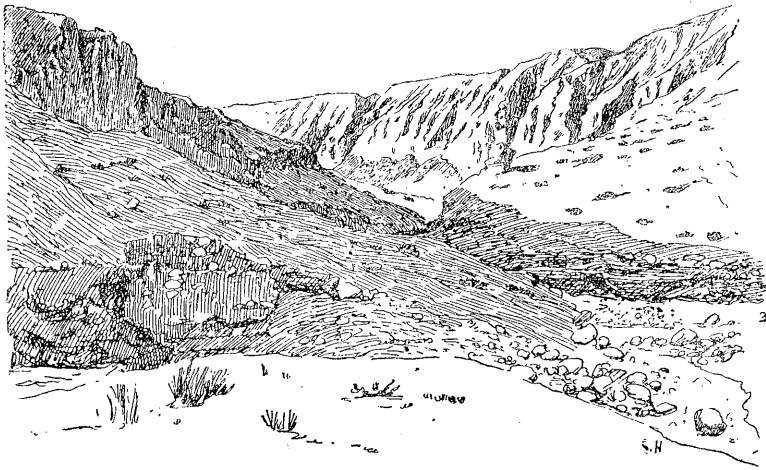
Между этою полосой сая, являющагося собственно щебневымъ конусомъ у подошвы хребта, и песчаною пустынею мы нашли узкую и прерывающуюся полосу оазисовъ и караванныхъ путей. Сай прорѣзывается небольшими рѣчками, текущими по глубокимъ русламъ съ сѣверныхъ склоновъ Кунь-луня. Главнѣйшія изъ нихъ, которыя намъ предстояло перейти: Уллугъ-сай, Керя-дарья, Нія-дарья, Толанъ-ходжа, Востанъ-тогракъ, Мольджа и Кара-муранъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣки эти выступаютъ изъ горъ, находятся небольшія селенія, жители которыхъ сѣютъ ячмень и кромѣ того занимаются скотоводствомъ. Такимъ образомъ можно различить три типа оазисовъ въ Восточномъ Туркестанѣ: оазисы, идущіе по теченію рѣкъ, оазисы, лежащіе у границъ пустыни и орошающіеся искусственными арыками, —

къ этимъ оазисамъ принадлежатъ все города — и, наконецъ, оазисы, находящіеся около пунктовъ выхода рѣкъ изъ горъ, и также очень богатые травяной растительностью.

Въ Котасъ-лянгарѣ мы сдѣлали небольшой привалъ, чтобы напоить караванныхъ животныхъ. Здѣсь-же простились съ нами аксакаль Мирза-Искандеръ, и вся кавалькада провожатыхъ изъ Хотана. Первый захватилъ мою корреспонденцію, и отнынѣ я не могъ уже больше сообщаться съ Европой. Только въ Пекинѣ разорванная связь возобновилась.

Въ теченіе слѣдующихъ дней мы ѣхали по чудеснымъ, прохладнымъ областямъ около подошвы хребта, черезъ се-

Толанъ-ходжа.
(Съ рисунка автора).

ленія Хаши, Чакаръ и Нура до Дортъ-имамъ-Себулла по близости Полу. Первоначально я намѣревался отсюда же попытаться пробраться на Тибетское нагорье, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ необычайный разливъ Керіи-дарьи преградилъ узкую, трудную горную дорогу.

Другого не оставалось, какъ снова спуститься къ сѣверу на большой караванный трактъ, котораго мы и достигли около Керіи. Тутъ мы остановились на 4 дня и лишь здѣсь могли переправиться черезъ рѣку.

Черезъ Ой-тогракъ и Аврасъ добрались въ три дня до Ни, небольшого городка съ 500 уйлыками (домами); управляли имъ бекъ, два юзъ-баши и четыре онъ-баши. Оазисъ

орошается водами Уллугъ-сая или Нии-дарьи; когда рѣка пересыхаетъ, прибѣгаютъ къ прудамъ, но запаса воды въ нихъ хватаетъ ненадолго, и остальное время года приходится довольствоваться колодцами, глубиною до 5—6 сажень и съ хорошей, прѣсной водой. Заниматься земледѣліемъ здѣсь поэтому нельзя, и мѣстные сады значительно бѣднѣе, нежели въ другихъ оазисахъ.

Значеніе Нии собственно въ томъ, что въ двухъ дняхъ пути отъ нея къ сѣверу лежитъ въ пескахъ мазаръ Имама Джафаръ-Садыка, который ежегодно, особенно въ концѣ лѣта и осенью, привлекаетъ до 3—4 тысячъ богомольцевъ. Послѣдніе приносятъ сюда, какъ и на могилу Урданъ-Падишаха, дары натурой и деньгами, идущіе на содержаніе мазара, пяти шейховъ и прочихъ служителей святыни. Мазару принадлежатъ между прочимъ до 4,000 овецъ, пасущихся въ лѣсахъ Нии-дарьи. Недалеко къ сѣверу отъ мазара рѣка изсякаетъ въ пескахъ, образовавъ сначала небольшое озеро, снабжающее мѣстечко водой.

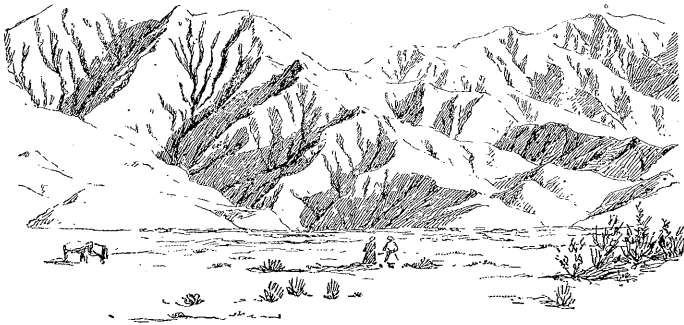
Изъ Нии, которую мы оставили 18 іюля, мы направились снова вдоль подошвы горъ, черезъ Чижганъ-лянгаръ и Юлгунъ-булакъ къ рѣкѣ Толанъ-ходжа, глубоко врѣзавшейся въ конгломераты. По дорогѣ туда съ нами приключилась неприятность. Исламъ-бай, ѣхавшій нѣсколько впереди, привязалъ свою лошадь, а самъ прокрался по балкѣ къ стаду пасшихся антилопъ и выстрѣлилъ въ нихъ. Убить онъ никого не убилъ, а нашихъ вьючныхъ лошадей перепугалъ такъ, что они опрометью кинулись по сильно пресѣченной и поросшей кочками степи и скоро исчезли изъ вида.

Къ счастью, лошадь, навьюченную ящиками съ моими дорогими приборами, всегда вели подъ уздцы, и такимъ образомъ она не могла принять участія въ этой бѣшенной скачкѣ. Остальные лошади остановились тогда только, когда вьюки ихъ сбились на сторону, сползли и стали мѣшать ихъ бѣгу. Многіе ящики оказались разбитыми, одинъ изъ кухонныхъ разлетѣлся къ куски, причемъ все содержимое рассыпалось, и разная фарфоровая посуда разбилась въ дребезги.

Въ области Кара-сай мы въ первый разъ услышали о перевалѣ черезъ Кунь-лунь, находящемся, какъ говорили, къ югу отъ Далай-кургана, въ одномъ днѣ пути къ юго-востоку

отъ Копы. Мы рѣшили поэтому вернуться въ Копу за точными свѣдѣніями и за проводниками.

Для нашего путешествія по сѣверному Тибету намъ нужны были нѣсколько верблюдовъ, и я поручилъ Парпи-баю, одному изъ лучшихъ моихъ слугъ, отправиться впередъ къ рѣкѣ Мольджѣ, — въ яйлакахъ, расположенныхъ по ея верховью, пасется масса верблюдовъ — и присмотрѣть нужныхъ намъ животныхъ. Парпи выполнилъ порученіе съ честью, и, прибывъ 28 іюля къ рѣкѣ, мы нашли здѣсь 15 отличныхъ верблюдовъ и ихъ хозяевъ. Мы заблаговременно послали также курьера къ беку Копы, Тогда-Магометъ-беку, который теперь прибылъ сюда и помогъ намъ купить верблюдовъ по сходной цѣнѣ. За 1,275 тенегъ (255 рублей) мы приобрѣли шесть от-

Богана, мѣстность у сѣверной подошвы Кунь-луня.

(Съ рисунка автора).

гулявшихся верблюдовъ-самцовъ, изъ породы, привыкшей къ горнымъ дорогамъ.

30 іюля мы оставили Копу и направились къ OSO, пересѣкая цѣлый рядъ такъ называемыхъ чаповъ или глубокихъ рѣзко-очерченныхъ въ конгломератахъ балокъ, которыя наполняются водою лишь послѣ дождей. Около Мита, притока Кара-мурана, мѣстность стала очень живописной. Рѣка вытекаетъ изъ воротъ гранитнаго ущелья, имѣющихъ всего нѣсколько десятковъ метровъ въ ширину, но затѣмъ рѣка расширяется и, протекая между отвѣсными конгломератовыми стѣнами, достигаетъ въ ширину нѣсколькихъ сотъ метр.

Съ правой стороны впадаетъ въ рѣку Акка-чапъ, въ данное время сухая балка съ каменистымъ ложемъ и крутыми боками, между которыми громко перекликалось эхо, пробу-

жденное шумомъ нашего каравана. Балка ведетъ къ поросшимъ травой, мягко-округленнымъ лёссовымъ холмамъ. Тропа сворачиваетъ тамъ къ юго-востоку, къ устью поперечной долины, по которой журчитъ ручеекъ, сбѣгая внизъ, въ равнину.

Область эта называется Далай-курганъ; проживаютъ здѣсь 18 семей таглыковъ, обладающихъ 6,000 головъ овецъ. Живутъ таглыки въ маленькихъ сакляхъ, а частью въ землянкахъ, вырытыхъ въ лёссовыхъ террасахъ. Мы разбили наши палатки близъ лѣваго берега рѣки въ самомъ устьѣ долины и пустили всѣхъ нашихъ животныхъ пастись на сочной травѣ. Абсолютная высота равнялась 3,343 метр.

Сейчасъ къ югу возвышался мощный хребетъ, называемый китайцами Кунь-лунемъ. У таглыковъ-же нѣтъ для него общаго названія. Та часть его, которая прорѣзывается долиной Далай-курганъ, называется къ востоку отъ Кара-мурана Токкузъ-даваномъ (девять переваловъ), здѣсь-же этого названія не употребляютъ. Здѣшніе таглыки увѣряли насъ, что лишь одинъ изъ переваловъ Чакалыкъ велъ на нагорье. Но они не ручались, что мы переберемся черезъ него съ верблюдами.

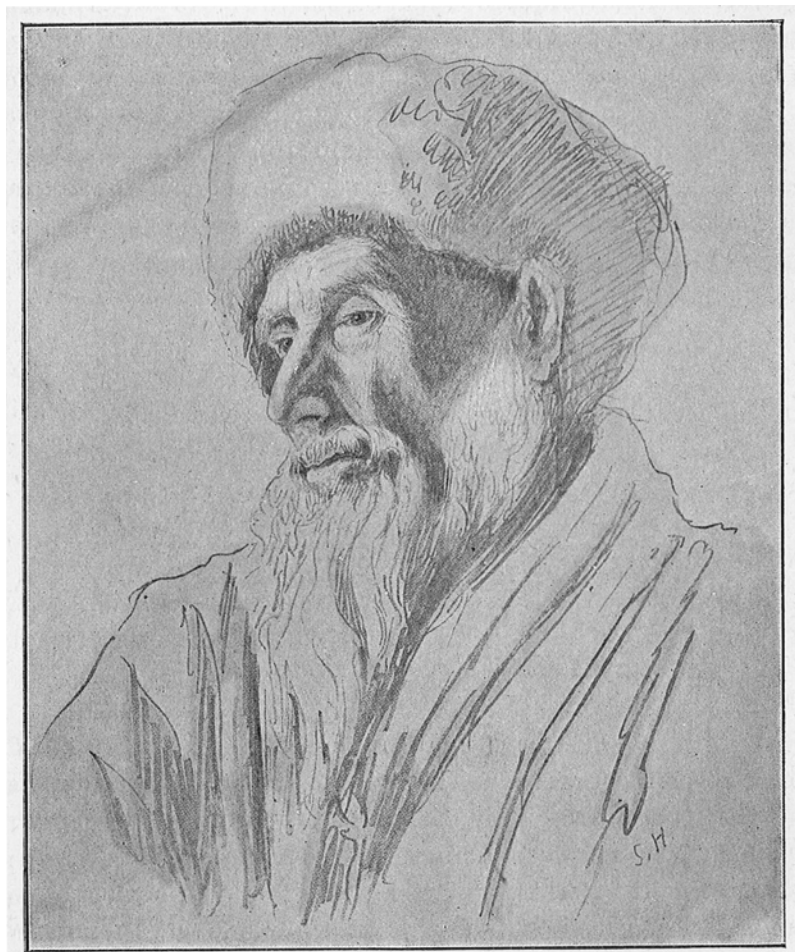
Поэтому, прежде, чѣмъ выступать въ путь со всѣмъ караваномъ, я рѣшилъ произвести рекогносцировку и отправился 1 августа, въ сопровожденіи Фонгъ-Ши, Исламъ-ахуна, Рослака и двухъ таглыковъ, по долинѣ Далай-курганъ къ перевалу того-же названія (4,367 м.). На слѣдующій день я продолжалъ путь къ востоку до главнаго перевала (4,932 м.), съ котораго открывается величественный видъ на цѣлое море скалъ. Подъемъ на перевалъ съ запада очень крутъ, но мы всетаки полагали, что верблюды осиятъ его.

Восточный склонъ перевала представлялъ гораздо большія трудности, такъ какъ здѣсь изъ крутого конуса остро-ребернаго щебня торчали острія скалъ. Посовѣтовавшись между собою, мы рѣшили всетаки попытаться перейти перевалъ. Багажъ можно было спустить на веревкахъ по откосу, лошади и ослы могли пробраться сами, а верблюдовъ, если они не могутъ спуститься, мы рѣшили укутать войлоками и спустить внизъ волокомъ. Съ этимъ мы и вернулись черезъ перевалъ Сарыкъ-коль (4,182 м.) въ Далай-курганъ, куда прибыли 3 августа вечеромъ.

Отдохнувъ еще день, нашъ длинный караванъ двинулся

къ сарыкъ-кольскому агылу, т. е. „селенію желтой долины“, гдѣ животныя въ послѣдній разъ полакомились сочной травой.

6 августа нашъ внушительный караванъ двинулся, разбившись на кучки, къ перевалу Сарыкъ-коль. Чѣмъ выше мы

Тогда Магометъ-бекъ.

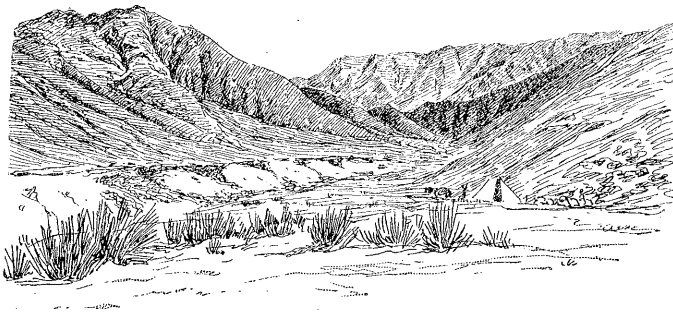
(Съ рисунка автора).

подымались, тѣмъ пастбища становились рѣже и большею частью были приурочены къ берегамъ ручьевъ.

Русло небольшого потока обыкновенно прорѣзало слои лёсса, рѣже конгломераты; по ложу его были разбросаны обломки свѣтло-сѣраго и зеленого гранита. Выше, въ долинѣ

громоздились около самаго ручья голыя гранитныя скалы, но на вершинахъ ихъ кое-гдѣ виднѣлись еще небольшія площадки, поросшія травой.

Долина все суживалась, подъемъ становился круче; животныя медленно и съ трудомъ карабкались по крутымъ конусамъ щебня въ корытообразной впадинѣ. Изъ этой впадины направлялись вверхъ по долинѣ вымытыя потоками борозды. Верблюды осторожно пробирались по скользкому щебню. Лошади и ослы часто падали, приходилось ихъ развѣвучивать, потомъ снова навѣвучивать, и они потомъ спѣшили догнать остальныхъ. Я, какъ всегда, ѣхалъ верхомъ позади каравана, чтобы мнѣ виднѣе было все происходящее вокругъ, и только тогда вздохнулъ свободно, когда послѣднія животныя скрылись за переваломъ.

Нашъ лагерь въ Далай-курганѣ.

(Съ рисунка автора).

Южный склонъ былъ значительно менѣе крутъ и велъ по широкой долинѣ съ лёссовою почвою и довольно скудными пастбищами. По обѣ стороны шли, однако, мощные отроги горъ, похожіе на тѣ, которые окаймляютъ сѣверную долину Сарыколъ. По причинѣ незначительнаго паденія и незначительной силы размыва здѣсь не видно горныхъ породъ *in situ*, но на вершинахъ гребня онѣ опять выступали причудливыми массами.

Придерживаясь небольшого ручейка, журчавшаго по серединѣ долины, спустились мы къ широкой долинѣ Лама-чименъ и уже готовились свернуть налѣво къ находившемуся на востокѣ перевалу Чокалыкъ, какъ вдругъ аксакаль, предводитель нашихъ проводниковъ-таглыковъ, объявилъ намъ — нѣсколько поздно — что есть другой, болѣе удобный перевалъ Япкалыкъ около верховьевъ Митта. Такимъ образомъ онъ

лгалъ, увѣряя насъ сначала, что Чокалыкъ единственный переваль.

Дѣло въ томъ, что онъ, боясь китайцевъ, не смѣлъ указать намъ неизвѣстный до тѣхъ поръ новый путь въ Тибетъ. Теперь-же, когда мы уже забрались сюда, онъ, наконецъ, набрался храбрости и сказалъ намъ правду. Я далъ ему хорошій нагоняй за обманъ, заставившій насъ сдѣлать такой крюкъ черезъ перевалы Далай-курганъ, Чокалыкъ и Сарыкъ-колъ. Въ сущности-же я не очень претендовалъ на него за этотъ крюкъ, давшій мнѣ возможность болѣе подробно ознакомиться съ областью.

Итакъ, мы направили путь сначала на юго-западъ, затѣмъ прямо на югъ, перешли черезъ стекающій съ Чокалыка ручей, оставивъ совсѣмъ близко вправо южную долину перевала Далай-курганъ, а также расположенную дальше къ западу переходную долину Митта. И эта долина очень широка и ровна; мы, привыкнувъ къ крутому подъему, могли-бы даже предположить, что она имѣетъ уклонъ къ югу, если-бы текущія къ сѣверу рѣки не увѣряли насъ въ обманѣ зрѣнія.

По этой ровной, какъ полъ, поверхности, между двумя мощными гранитными отрогами, образовавшими родъ воротъ, течетъ широкая и мелководная рѣка, тихо, безшумно струясь по ложу, покрытому мягкимъ иломъ, въ которомъ лошади вязнутъ копытами, и на которомъ не видно ни камешка. Мѣстами рѣка образуетъ озеровидныя расширения, а береговыя линіи свидѣтельствуютъ, что въ половодье она заливааетъ почти все ложе долины.

Часто рѣка дѣлаетъ порядочныя извилины и развѣтвляется на рукава, встрѣчая на пути мели-островки изъ наноснаго ила. Изъ горъ налѣво она принимаетъ нѣсколько притоковъ, съ совершенно прозрачной и прѣеной водой, хотя русла ихъ и окаймлены тонкими бѣлыми выцвѣтами соли.

Близъ подошвы конгломератовой террасы, на правомъ берегу, мы разбили лагерь. На югъ открывалась величественная панорама. Долина расширяется все больше и, наконецъ, переходитъ въ обширную равнину, въ которую открываются нѣсколько боковыхъ долинъ и въ которой рѣка Миттъ дѣлится на нѣсколько рукавовъ, пересохшихъ и съ водою. Вдали на югъ встаютъ изъ-за ближайшихъ гребней, образующихъ какъ-

бы кулисы, снѣжныя вершины, неясными контурами рисующіяся въ непрозрачномъ воздухѣ.

Мѣсто, выбранное нами теперь для лагеря, куда бѣднѣе подножнымъ кормомъ, чѣмъ наша бывшая стоянка около Лама-чимена. Въ самомъ лагерѣ и вокругъ кипитъ жизнь и движеніе. Центромъ являются двѣ бѣлыя палатки, между которыми сложены мѣшки съ кормомъ и продовольствіемъ, ящики, вьючныя и верховыя сѣдла и проч. Лошадей спутали попарно, чтобы онѣ не забрели слишкомъ далеко отъ лагеря, ослы и верблюды, оставленные на свободѣ, жадно поѣдаютъ подножный кормъ.

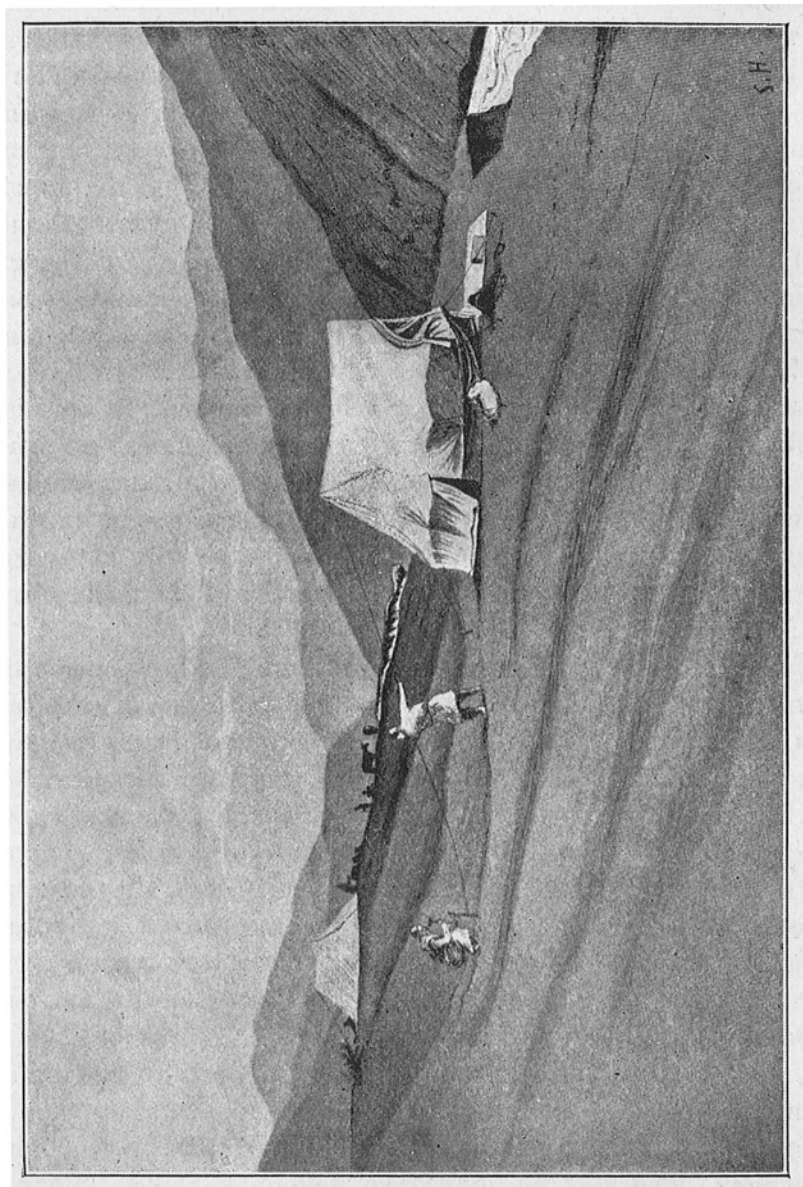
Лагерь на берегу Митга явился первымъ, расположеннымъ въ совершенно необитаемой мѣстности. Теперь передъ нами былъ безвѣстный пустынный сѣверный Тибетъ, и только черезъ два мѣсяца предстояло намъ вновь придти въ соприкосновеніе съ людьми. Здѣсь мы сожгли наши корабли, испытывая при этомъ пріятное чувство отъ сознанія, что находимся внѣ сферы вліянія китайскихъ мандариновъ. Отнынѣ мы должны были, однако, подвигаться ускореннымъ маршемъ и отдыхать лишь въ такихъ областяхъ, гдѣ могли найти подножный кормъ.

Свѣдѣнія, полученные на этотъ счетъ отъ таглыковъ, были мало утѣшительны. Они единогласно утверждали, что вся страна къ югу совершенно бесплодна. Это утверженіе согласовалось съ опытомъ, вынесеннымъ экспедиціей Пѣвцова изъ путешествія по восточнымъ областямъ страны, и я уже готовился къ тому, что животныя наши мало-по-малу падутъ отъ изнуренія и истощенія. Для насъ же, людей, я не видѣлъ ничего опаснаго въ этой экспедиціи, надѣясь, что въ худшемъ случаѣ мы сможемъ пѣшкомъ добраться до населенныхъ мѣстностей — на сѣверѣ, или на югѣ.

Точно также остались теперь позади и области, обыкновенно посѣщаемыя таглыками и обозначенныя у нихъ географическими названіями. Мнѣ пришлось поэтому съ этихъ поръ отмѣчать мѣста на своемъ маршрутѣ и въ дневникахъ буквами и цифрами. Довольно замѣчательно, что какъ разъ въ этой области многія географическія названія указывали на монгольское происхожденіе, напр. Калмакъ-чапъ (балка монголовъ), Калмакъ-ютургѣнъ (монгольская лодка), Кара-муранъ (Черная

рѣка), Далай-курганъ (Далайская крѣпость) и Лама-чименъ (пастбище ламы).

Животныя наши въ послѣдній разъ спокойно и мирно

Нашъ лагерь въ долинь Сарыкъ-коль.
(Съ рисунка автора).

наслаждались сочнымъ подножнымъ кормомъ, не подозрѣвая, что ждетъ ихъ впереди. Два мѣсяца спустя, большинство ихъ погибло на сѣверныхъ нагорьяхъ Тибета, а караванъ нашъ

при выступленіи въ путь былъ немаленькимъ. Мы взяли съ собою 17 лошадей, 12 ословъ и 6 верблюдовъ, не считая временно нанятыхъ животныхъ. Около Сарыкъ-кола нашъ караванъ увеличился еще 4 лошадьми и 17 ослами. Ослы были навьючены мѣшками съ маисомъ для корма животнымъ.

Всего на всего, значитъ, было у насъ 56 животныхъ; изъ нихъ достигли окраинныхъ горъ Цайдама три изнуренныя, полумертвыя лошади, да одинъ оселъ, иными словами 90% пало. Поэтому можно, судить чего довелось натерпѣться бѣднымъ животнымъ. Для насъ, однако, эти потери въ сущности не имѣли большого значенія, такъ какъ теряли мы животныхъ постепенно и почти въ соотвѣтствующей прогрессіи съ убылью продовольствія, но было мучительно видѣть ихъ страданія.

Въ Сарыкъ-кольскомъ аулѣ мы купили 12 овецъ и 2 козы, предназначая ихъ на убой по мѣрѣ надобности. Я хотѣлъ было купить 20 овецъ, но слуги мои объяснили, что на значительныхъ высотахъ, по которымъ намъ предстояло странствовать, мы не такъ охотно будемъ ѣсть мясо, какъ рисъ. Купленныхъ овецъ, однако, только-только хватило на половину пути, а затѣмъ намъ пришлось пробавляться мясомъ дикихъ яковъ.

Къ нашему походному звѣринцу принадлежали еще три отличныя собаки. Прежде всего мой вѣрный Джолдашъ изъ Курли, постоянно спавшій рядомъ со мной и сторожившій палатку съ такимъ усердіемъ, что никто, кромѣ Исламъ-бая не смѣлъ и войти въ нее. Далѣе Джолбарсъ (тигръ) изъ Кара-сая, большой, желтый, лохматый песъ и, наконецъ, черный съ бѣлымъ Буру (волкъ) изъ Далай-кургана. Двѣ послѣднія собаки постоянно держались около людской палатки, подымая по ночамъ страшный шумъ и ворча на караванныхъ животныхъ, если тѣ отходили слишкомъ далеко отъ лагеря.

Во время перехода всѣ собаки, играя и обгоняя другъ друга, бѣжали то впереди каравана, то позади, то предпринимали экскурсіи въ стороны, въ горы, за дичью. Въ общемъ онѣ очень развлекали насъ во время нашихъ странствованій и оживляли лагерь. При переходѣ черезъ нагорья, собаки чувствовали себя лучше всѣхъ животныхъ и людей. Разрѣженный воздухъ какъ будто не оказывалъ на нихъ ни малѣйшаго вліянія, аппетитъ у нихъ всегда былъ прекрасный, и онѣ

отлично справлялись со своей порціей, а она была не маленькая, такъ какъ въ ихъ пользу поступали все́ остатки отъ заколотыхъ овецъ, застрѣленныхъ яковъ и кулановъ и, за недостаткомъ лучшаго, павшія лошади, верблюды и ослы, которыхъ мы потомъ теряли на каждой стоянкѣ.

Постоянныхъ слугъ у меня было восемь: Исламъ бай — нашъ караванъ-баши, Фонгъ-Ши — китайскій переводчикъ, Парпи-бай изъ

Оша, Исламъ-ахунъ изъ Керіи, Гамданъ-бай изъ Черчена, Ахметъ-ахунъ — полукитаецъ, Рослакъ изъ Карасая и Курбанъ-ахунъ изъ Далай-курмана. Въ Далай-курманѣ я кромѣ того нанялъ 17 таглыковъ, подъ предводительствомъ ихъ аксакала.

Они были взяты только для того, чтобы помочь намъ перебраться черезъ самые трудные перевалы, а черезъ нѣсколько недѣль могли вернуться обратно.

Двое таглыковъ, бывшихъ со мной на рекогносцировкѣ, бѣжали утромъ изъ боязни наказанія за то, что заставили насъ напрасно перейти трудный перевалъ. Они исчезли по прибытіи на то мѣсто, гдѣ аксакалъ рѣшился показать намъ дорогу къ Япкаклыку; но мы не хватились ихъ, пока не остановились на привалѣ. Такимъ путемъ они, конечно, избѣгли заслуженнаго наказанія, но лишились и

Одинъ изъ нашихъ таглыковъ.
(Съ рисунка автора).

платы за лошадей, которыхъ доставили намъ для рекогносцировки.

Сегодняшній переходъ былъ поистинѣ чудеснымъ; не смотря на значительную высоту, на солнышкѣ было такъ тепло, что я ѣхалъ, одѣтый по лѣтнему. Но едва дневное свѣтило скрылось за западнымъ хребтомъ горъ, какъ ночная прохлада дала себя знать и пришлось прибѣгнуть къ пальто и зимней шапкѣ. Въ 9 часовъ термометръ показалъ 5.2°.

Изъ другой палатки доносился веселый говоръ, достигшій своего апогея, когда подали дымящійся плавъ. Мои слуги-туркестанцы не желали ѣсть изъ одной посуды со случайными нашими проводниками-таглыками, къ которымъ — и основательно — не питали особеннаго довѣрія. Таглыки поэтому оставались подъ открытымъ небомъ и ѣли отдѣльно.

За ѣдой разговоръ шелъ о предстоящемъ путешествіи. Съ особеннымъ вниманіемъ прислушивались къ рѣчамъ Парпибая, который нѣсколько разъ пересѣкалъ Тибетъ. Онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ Кэри и убитаго Дальглейша, Бонвало и принца Орлеанскаго, также убитаго Дютрейля де Рина и Гренара, и въ нѣкоторыхъ русскихъ экспедиціяхъ, но не могъ указать, въ какихъ именно.

Онъ былъ для насъ настоящею находкою, — никто лучше его не зналъ этихъ областей. Злые языки говорили, что у него въ каждомъ мѣстечкѣ оставалось по женѣ, которыхъ онъ покидалъ, какъ только онѣ ему надоѣдали. Исламъ-бай находилъ дурнымъ предзнаменованіемъ, что онъ находился на службѣ у двухъ европейцевъ, которыхъ убили въ пути.

На службѣ у меня Парпи-бай все время велъ себя отлично, былъ всегда вѣжливъ и полонъ достоинства и пользовался большимъ уваженіемъ всего каравана, не только за свою опытность, но и за лѣта: ему было около 60-ти лѣтъ.

Теперь онъ какъ разъ рассказывалъ о томъ, какъ падали одно за другимъ животныя каравана Бонвало, какъ рѣдѣлъ караванъ Дютрейля-де Рина и какъ нападеніе туземцевъ около Тамъ-будды уничтожило его вконецъ. При этомъ повѣствованіи другіе люди отвернулись и замѣтили, что, значитъ, счастье будетъ, если мы выйдемъ изъ опаснаго путешествія цѣлыми и невредимыми.

Нашу стоянку на берегу Митта таглыки основательно на-

звали Лайка, т. е. глинистая, такъ какъ рѣка отложила здѣсь на большомъ пространствѣ слой глинистаго ила. Еще въ теченіе одного дня трактъ былъ знакомъ таглыкамъ, и они называли намъ наиболѣе выдающіяся мѣста, но дальше уже спасовали. Они сообщили, что долина р. Митта, прорѣзывавшая горный хребетъ, который мы пересѣкли по перевалу Сарыкъ-коль, очень глубока, узка и непроходима во всѣ времена года. Она представляетъ глубокую балку съ отвѣсными боками, по которой между рухнувшими обломками скалъ дико пѣнится рѣка, тѣсно прижимаясь къ скаламъ.

Напротивъ, на западѣ, находился удобный для перехода переваль Пеласлыкъ, ведущій къ верховьямъ Кокъ-мурана и въ область, богатую подножнымъ кормомъ и потому носящую названіе Чимлыкъ. Выше въ долину Митта находятся „каны“ или колодцы, т. е. ямы, которыя роются золотоискателями не глубже высоты человѣческаго роста. Тамъ находились теперь нѣсколько золотоискателей изъ Керіи, которымъ не посчастливилось въ Копѣ; они и направились сюда въ надеждѣ на большую удачу. Отправились они сюда десять дней тому назадъ и предполагали оставаться съ мѣсяць.

Эти золотоискатели ежегодно отправляются въ долину Митта, но работаютъ тамъ не болѣе шести недѣль, частью потому, что не могутъ запастись продовольствіемъ на болѣе продолжительное время, частью потому, что уже въ началѣ сентября почва замерзаетъ и нельзя болѣе рыть. Оттаиваетъ она снова въ началѣ іюня. Песокъ промываютъ въ корытахъ, и добыча золота бываетъ не велика, такъ что каждый работникъ добываетъ золота не болѣе какъ на сумму 2 тенегъ въ день. Такъ какъ область, гдѣ они работаютъ, совершенно лишена растительности, то вьючныхъ ословъ, привезшихъ продовольствіе, отводятъ въ Лама-чименъ, гдѣ они и пасутся на свободѣ, пока хозяева ихъ работаютъ.

Атмосферныя осадки выпадаютъ лѣтомъ большею частью въ формѣ града, а снѣгу выпадаетъ зимой столько, что долины и перевалы становятся недоступными. Рѣка Митта несетъ теперь по причинѣ холодной погоды лишь 4 куб. метра воды въ секунду. Дальше, внизъ по теченію она принимаетъ много притоковъ и становится въ теплую солнечную погоду порядочною рѣкою.

Съ непривычки къ ночнымъ холодамъ мы порядкомъ замерзли въ первый разъ (минимумъ — 27). Но какъ только взошло солнце, стало опять тепло. Утромъ сбѣжали еще двое таглыковъ, и аксакалу снова досталось за то, что онъ не умѣлъ поддерживать дисциплину среди своихъ людей. У насъ оставалось еще 13 таглыковъ, и этого было достаточно; вообще-же намъ требовалось порядочно людей, такъ какъ караванъ шелъ, разбившись на пять кучекъ.

Верблюды, шествовавшіе медленно, выступали изъ лагеря первые подъ надзоромъ Гамданъ-бая и въ сопровожденіи 2 таглыковъ. Затѣмъ выступалъ лошадиный караванъ съ моими вещами: палаткой, кухней и проч. подъ надзоромъ Ислама, Парпи-бая и еще нѣсколькихъ туркестанцевъ. Этотъ караванъ подвигался быстрѣе всѣхъ и приходилъ первымъ на мѣсто стоянки, выборъ котораго и былъ порученъ Исламу. Ослы подъ надзоромъ остальныхъ людей, выступали вслѣдъ за лошадьми, но скоро отставали и приходили на мѣсто привала обыкновенно съ верблюдами. Еще позже являлось стадо овецъ со своими пастухами.

Я и Фонгъ-Ши ѣхали въ сопровожденіи одного таглыка, которому мѣстность была знакома еще на протяженіи нѣсколькихъ дней пути. Мы ѣхали послѣдними, такъ какъ я всю дорогу занимался съемкой маршрута, а также геологическими и гипсометрическими наблюденіями, наброской эскизовъ и проч.

Это имѣло свое преимущество: пріѣзжая въ лагерь, спустя нѣсколько часовъ послѣ лошадей, мы находили уже палатку разбитою, а чай и кушанье кипящими надъ огнемъ; такимъ образомъ мнѣ не приходилось ждать, пока мнѣ приготовятъ кровъ и постель.

И славно было послѣ долгаго труднаго пути очутиться въ своей уютной палаткѣ, высланной дорогимъ ковромъ, подареннымъ мнѣ на прощанье хотанскимъ комендантомъ. У одной продольной стѣны помѣщалась моя постель, состоявшая изъ шубъ, войлоковъ и пары подушекъ; у другой стояли мои сундуки.

Джолдашъ, весь путь вертѣвшійся около меня, взялъ привычку, едва завидитъ вдали палатки, летѣть къ нимъ стремглавъ и располагаться на моемъ ложѣ. Когда я въ свою оче-

редь подѣзжалъ къ палаткѣ, собака показывалась у входа въ палатку и привѣтствовала меня, помахая хвостомъ, словно она собственно была хозяйномъ палатки, а я гостемъ. Ей, однако, приходилось довольствоваться ковромъ, когда я самъ располагался на мягкомъ ложѣ и принимался за дневникъ и прочія свои дѣла.

Фонгъ-Ши велъ себя прекрасно. Я очень дорожилъ его обществомъ; образованный китаецъ стоитъ въ умственномъ отношеніи куда выше магометанскаго муллы. Въ свободные часы, а часто и во время пути, мы занимались съ нимъ китайскимъ языкомъ и вели бесѣду по-китайски, насколько позволялъ мнѣ мой скудный запасъ словъ.

Одно горе: слуги мои, магометане, питали зависть къ нему за то, что онъ такъ часто составлялъ мнѣ компанію и во время уроковъ сидѣлъ въ моей палаткѣ. Они насмѣшливо называли его „Кичикъ-тюря“, т. е. барчукомъ, и досадовали, что они—правовѣрные мусульмане должны готовить кушанье китайцу-язычнику. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось вмѣшиваться въ ихъ ссоры и водворять миръ.

ХV.

Первые дни путешествія по Сѣверному Тибету.

7 августа выдался долгій и трудный переходъ. Сначала путь нашъ велъ по правой береговой террасѣ рѣки, у подошвы хребта, гдѣ гранитъ смѣнился чернымъ сланцемъ; затѣмъ черезъ отвѣсный холмъ и дальше подъ гору, къ рѣчкѣ Кызылъ-су, которая течетъ изъ широкой долины налѣво. Направо осталась у насъ широкая открытая долина р. Митта, а нашъ путь пошелъ черезъ широкую, съ отлогимъ подъемомъ долину Япкаклыкъ, заключенную между двумя мощными горными острогами.

И въ эту долину открывалось нѣсколько боковыхъ. Правая изъ нихъ, такъ называемая „бикаръ-джилга“ или „обратная

долина“, говорятъ вела къ „Акь-чалыкъ-тагу“, т. е. бѣлымъ дикимъ скаламъ. Другая вела къ золотымъ копямъ, гдѣ десять человѣкъ золотоискателей нашли въ послѣднее время столько золота, что могли бросить работу и вернуться домой.

Долина постепенно заворачивала къ востоку. Далеко на югѣ виднѣлись мощныя горы, гребни и снѣжныя вершины. По „саю“ (слово это обозначаетъ также каменистое рѣчное русло) Япкакыкъ струилась мутная горная рѣчка, принимавшая притоки изъ сосѣднихъ долинъ. Сай былъ очень широкъ и мелокъ и занималъ добрую половину ложа долины; остальная часть ложа состояла изъ рыхлаго матеріала, скудно поросшаго травюю.

Сланецъ выступаетъ только на гребняхъ и у подошвы горныхъ склоновъ, гдѣ онъ размытъ водой. Въ общемъ горы имѣютъ сильно округленныя формы и изобилуютъ рыхлымъ матеріаломъ и продуктами вывѣтриванья.

Мало по малу долина суживается, и ложе ея все болѣе и болѣе загромождается щебнемъ. Подъемъ на перевалъ Япкакыкъ становится все круче. Но всѣ животныя нашего каравана, включая и верблюдовъ, шли удивительно бодро. Мы было ожидали, что на послѣднемъ крутомъ подъемѣ намъ придется нести весь багажъ на рукахъ, но, къ счастью, животныя не спасовали и тутъ.

Я съ двумя спутниками достигъ перевала раньше, чѣмъ караванъ, казавшійся тамъ въ глубинѣ рядомъ черныхъ точекъ. На западѣ разстиралось настоящее море горныхъ пиковъ и гребней; на востокѣ также открывалась величественная горная панорама. Долина, идущая въ томъ направленіи, такъ загромождена щебнемъ и аллювіальными отложеніями, что блеститъ между изжелта-сѣроватыми горами, словно стальная лента.

Самый перевалъ представляетъ неособенно острый гребень, покрытый продуктами вывѣтриванья и черными обломками сланца и напоминаетъ въ этомъ отношеніи Чакалыкъ, но несравненно болѣе удобенъ для перехода. Склоны не такъ круты, и самый перевалъ ниже 4,780 м. Погода стояла чудесная, и термометръ показывалъ въ 1½ ч. пополудни 14.2° тепла.

Спускъ по восточной долинѣ былъ также не труденъ, хотя въ верховьѣ ея и пришлось пройти нѣсколько ущелій.

Дальше долина, однако, расширилась, и по срединѣ ея зажурчала небольшая рѣчка.

На лѣвой береговой террасѣ мы спугнули чудеснаго кулана (дикій осель), который съ быстротой вѣтра понесся отъ собакъ внизъ по долинѣ, но время отъ времени останавливался и оглядывался на насъ. Потомъ мы узнали, что люди, сопровождавшіе караванныхъ лошадей, которыя шли впереди, видѣли стадо кулановъ въ 20 головъ. Исламъ-бай выстрѣлилъ въ нихъ, одно животное и отбилосъ отъ стада.

Лѣвый берегъ долины, сложенный изъ рыхлаго матеріала, изрѣзанъ множествомъ чаповъ, т. е. овраговъ. Правый, напротивъ, представляетъ менѣе размытый уваль, который мы пересѣкли въ нижней его части по небольшому перевалу Кумъ-боёнъ; таглыки воздвигли на немъ „обо“ (алтарь, т. е. собственно груды камней).

Спускаясь съ перевала по горному его склону, мы ѣхали сначала по боковой долинѣ, пока не добрались до верхняго теченія р. Кара-мурана, которая протекаетъ по широкому саю къ сѣверо-западу и ниже принимаетъ восточный притокъ, текущій съ Чокалыкъ-давана.

Трехногая собака, сопровождавшая нашихъ проводниковъ таглыковъ, не могла слѣдовать за караваномъ далѣе подошвы Кумъ-боёна. Тутъ она остановилась и проводила насъ грустнымъ воемъ, гулко отдававшимся между голыми стѣнами скалъ.

Было уже темно, когда мы добрались до нашего лагеря, разбитаго у подошвы отвѣсной скалы, близъ берега Кара-мурана, теперь крайне бѣднаго водой. На берегахъ не росло ни былинки, и пришлось выдать животнымъ порціи маиса и ячменя. Веселый огонь костровъ, поддерживаемыхъ собранными по пути твердыми сухими корнями ячкака (бѣлолозника?) бросалъ багровый отблескъ на скалы.

У всѣхъ, кромѣ меня, болѣла голова, и всѣхъ клонило ко сну послѣ долгаго перехода. Исламъ-бай и Фонгъ-Ши сильно страдали отъ припадковъ „горной болѣзни“ и принуждены были немедленно лечь. Я же закончилъ свои обычные работы только къ полуночи; съемка маршрута заняла цѣлыхъ пять листовъ.

Ночь была тихая и холодная (минимальный термометръ

показалъ 2.4°), но мы въ нашихъ шубахъ и войлокахъ не зябли.

Рано утромъ начался сильный западный вѣтеръ, перешедшій въ настоящій циклонъ на крутой скалѣ, гдѣ находилась наша стоянка. Урганъ въ одно мгновеніе опрокинулъ мою палатку. По счастью, все приборы были уже уложены, такъ что бѣды никакой не случилось.

Пятеро таглыковъ, въ томъ числѣ и лживый аксакалъ, получили сегодня расчетъ и повернули во-свояси пѣшкомъ, радуясь, что имъ не надо идти съ нами дальше.

Мѣстность эту таглыки называли Булакъ-баши (начало ключей). Это было послѣднее записанное мною въ Азій тюркское названіе. Въ моихъ дневникахъ я также называю это мѣсто лагеремъ № I, а мѣсто нашей стоянки 8 августа, около истоковъ Кара-мурана, лагеремъ № II.

Около Булакъ-баши протекалъ небольшой ручеекъ, одинъ изъ рукавовъ Кара-мурана, но немного подальше русло его уже оказалось сухимъ. Когда вода низкая, онъ сочится подъ щебнемъ и показывается на поверхность только гораздо дальше.

Въ противоположность рѣзко очерченнымъ боковымъ долинамъ, которыя попадались на нашемъ пути до сихъ поръ, долина Кара-мурана все расширяется кверху, относительная высота горныхъ кряжей понижается, но сами кряжи по прежнему тянутся непрерывными цѣпями, высылая свои отроги въ долину. По обѣ стороны вздымаются конгломератовыя террасы, все понижавшіяся, однако, по мѣрѣ того, какъ мы подымались выше.

Сай во все время пути оставался безплоднымъ; лишь въ мѣстахъ, орошающихся водою, встрѣчаются рѣдко разбросанные кусты япкака съ отдѣльными, твердыми, какъ дерево, корнями. Ложе долины покрыто компактнымъ щебнемъ и очень удобно для ходьбы. Нигдѣ ни признака тропинки, ни слѣда человѣческой ноги. Послѣднимъ напоминаніемъ о людяхъ была небольшая груда камней— „обо“ на перевалѣ Кумъ-боёнъ.

Скоро береговыя террасы исчезли совершенно, и сай оказался изрѣзаннымъ множествомъ мелкихъ сухихъ руселъ одинаковыхъ размѣровъ. По всему видно, что ложе долины заливается неглубокой водою во время весенняго половодья.

Долина становилась шире, открывая вверху болѣе широкій горизонтъ. Ландшафтъ напоминалъ переходную область, похожую на тѣ, которыя мы встрѣчали на Памирѣ, и представляющую подобныя же переходы отъ периферической области къ плато. Въ главную долину открывались еще небольшія поперечныя, а въ глубинѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя приходились у насъ по правую руку, выступалъ время отъ времени мощный снѣжный хребетъ Арка-тагъ (Акка-тагъ), т. е. дальнія или верхнія горы, называющіяся такъ въ противоположность Алтынъ или Астынъ-тагу, т. е. нижнимъ горамъ, идущимъ къ югу отъ Лобъ-нора.

Ни признака жизни среди этого однообразнаго безплоднаго каменнаго ландшафта, даже ни слѣда кулановъ, которые напрасно-бы искали тутъ подножнаго корма; только свѣтло-зеленая ящерица мелькнула и скрылась въ щелчѣ.

Около десяти часовъ выпалъ небольшой снѣгъ; зато весь день порывами дулъ WNW вѣтеръ, подымая облака пыли и песку. Хорошо еще, что онъ дулъ намъ въ спину. Летучій песокъ скоплялся съ подвѣтренной стороны выступовъ скаль, гдѣ и образовывались зачаточныя барханы.

Вывѣтриванье играетъ на этихъ высотахъ важную роль. Западный вѣтеръ, который, говорятъ, преобладаетъ здѣсь, уноситъ весь тонкій матеріалъ, а щебенъ остается лежать въ долинѣ обнаженнымъ, пока не распадется на мелкія частицы, которыя въ свою очередь уносятся вѣтромъ. Горы всюду и представляютъ вывѣтрѣлыя и разрыхленныя поверхности.

Болѣе-же всего способствуетъ распаду горныхъ породъ сильная разница между дневной и ночной температурой, затѣмъ вѣтеръ, уносящій мелкіе продукты распада, и, наконецъ, третьимъ разрушающимъ факторомъ являются атмосферныя осадки, выпадающіе здѣсь въ видѣ дождя только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году, да и то неправильно и непостоянно.

Типъ долинъ очень характеренъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ онѣ представляютъ прямую линію, къ которой по обѣ стороны перпендикулярно падаютъ бока горъ; ни одного щебневаго конуса или холма, который представлялъ-бы откосъ на бокахъ долины.

Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ мельче становился щебенъ и, наконецъ, смѣнился крупнозернистымъ пескомъ.

Вѣтеръ окуталъ весь ландшафтъ желтымъ туманомъ, и лошади скоро исчезли изъ вида. Въ теченіе дня верблюды и ослы временами опережали насъ, и мы руководствовались ихъ полумаршрутными слѣдами.

Въ верхней части долины мы снова направились къ югу. По близости виднѣлся еще черный сланецъ, но впереди вышались два мощныхъ отдѣльныхъ массива краснаго песчаника, образовавшіе родъ исполинскихъ воротъ, черезъ которые мы и направились. За ними рѣзко очерченная долина Кара-мурана кончалась, и начинался ландшафтъ, носившій яркіе слѣды разрушенія и соотвѣтствовавшій корытовиднымъ впадинамъ въ периферическихъ горныхъ цѣпяхъ. Главнаго русла, которое бы отмѣчало начало рѣки, не было замѣтно, зато со всѣхъ сторонъ сходились къ упомянутой впадинѣ небольшія сухія русла.

Около подошвы западной части горъ лежали мощные отгорженцы, свалившіеся съ своеобразной зубчатой вершины. Издали эти отгорженцы казались красными кубиками, но, когда мы приблизились къ нимъ, они оказались величиной съ громадные дома.

Продолжая путь къ югу отъ воротъ, мы ѣхали по безконечной песчаной площади; песокъ былъ покрытъ рябью, но не выказывалъ стремленія образовать барханы. Кругомъ подымались невысокія горы и узкіе гребни, не образывавшіе, однако, цѣпей въ какомъ нибудь опредѣленномъ направленіи. Не смотря на всю беспорядочность ихъ расположенія, ясно было, что они представляли послѣдніе остатки древняго, разрушившагося мало по малу хребта.

Вѣтеръ все продолжался, и въ 4 часа разразился снѣжный буранъ. Мелкій зернистый снѣгъ хлесталъ насъ въ спину и, крутясь облаками по направленію къ востоку, скрывалъ изъ глазъ всѣ окрестности. Съ большимъ трудомъ могли мы различать слѣды каравана. Снѣгъ, впрочемъ, скоро таялъ на нагрѣвшейся за день поверхности.

Наконецъ, впереди замелькали бѣлые силуэты палатокъ. Караванъ остановился на привалъ у подошвы незначительнаго изолированнаго кряжа изъ песчаника. Небольшой источникъ снабдилъ насъ водою; кругомъ росли рѣденькіе кусты яшскака, которымъ наши животныя и принуждены были удовольство-

ваться. Мѣстность вообще была мертвенно-пустынная. Высота равнялась 4,739 метрамъ. Людямъ, видимо, было не по себѣ, и вечеромъ наши провожатые, таглыки, вступили между собой въ оживленную бесѣду по поводу того, кому изъ нихъ сопровождать насъ далѣе до тѣхъ поръ, пока мы вернемся къ человѣческимъ жилищамъ. Каждый хотѣлъ повернуть обратно. Эти негостепріимныя нагорныя области не представляли для нихъ никакой притягательной силы.

9 августа. Ночь, по обыкновенію, выдалась тихая; минимальный термометръ показалъ — 7°, и къ утру чернила въ моей походной чернильницѣ замерзли. Настоящая зима въ началѣ августа!

Пріятель мой Фонгъ-Ши имѣлъ удрученный видъ, жаловался на ужасную головную боль, бессонницу и рвоту. По его настоятельной просьбѣ, я рѣшилъ позволить ему вернуться обратно, если ему днемъ не станетъ лучше.

За ночь никто не бѣжалъ, и караванъ двинулся въ прежнемъ порядкѣ. Овцы и двѣ козы отлично шли подъ надзоромъ особаго пастуха. Козы были намъ особенно полезны; онѣ всегда бѣжали во главѣ стада, увлекая за собой болѣе вялыхъ овецъ. Кромѣ того, я каждое утро пользовался чашкой козьего молока къ чаю.

По причинѣ все усиливавшагося холода палатку мою подвергли нѣкоторой передѣлкѣ, сложивъ нишу, изображавшую будуаръ, отчего задняя стѣна стала плотнѣе и непроницаемѣе для вѣтра. Края же полъ палатки стали подтягивать подъ войлочный коверъ и придавливать багажными ягданами. Такимъ образомъ, уничтожался сквознякъ, и палатка стойко держалась даже при сильномъ вѣтрѣ.

Далѣе путь нашъ пошелъ слегка въ гору къ OSO. Вокругъ не было видно никакихъ горныхъ породъ *in situ*, но только небольшіе, низкіе холмы изъ песку и щебня. Впереди подымался незначительный гребень, налѣво отрогъ Астынь-тага, а направо низкая горная цѣпь, вдоль подошвы которой мы слѣдовали.

Грунтъ былъ настолько рыхлый, что копыта лошадей уходили въ нее цѣбликомъ, поверхность-же такая ровная, что еслибы не русла, оставленные дождевыми потоками, едва-ли можно было бы опредѣлить, въ какую сторону она имѣетъ

уклонѣ. Вдобавокъ почва была пропитана сыростью послѣ недавно выпавшаго снѣга, и животнымъ нашимъ стоило большого труда подвигаться по ней. Къ востоку простирались нагорныя равнины, ограниченныя вдали горными хребтами.

Дождевыя борозды направлялись къ западу, пока мы не достигли небольшого озерка, имѣвшаго въ ширину всего нѣскольکو сотъ метровъ. Вѣроятно, оно является однимъ изъ истоковъ Кара-мурана, но теперь было совершенно отрѣзано отъ верховьевъ рѣки. По слѣдамъ, оставленнымъ водою на берегахъ, видно, однако, было, что въ половодье уровень воды въ озеркѣ повышается, и тогда оно высылаетъ ручей къ WNW. Вода въ озеркѣ была слегка солоновата; въ разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ воды вокругъ озерка шло кольцо выпѣтговъ соли.

Отсюда мы повернули къ юговостоку и направились черезъ небольшую поперечную долину, въ которой преобладали выступы чернаго сланца. Вообще-же горныя породы *in situ* попадались крайне рѣдко: все разрушилось. Склоны отличали то желтымъ цвѣтомъ отъ песку, то краснымъ отъ распыленного песчаника, то чернымъ отъ тонкаго сланцеваго щебня, похожаго издали на уголь или сажу.

Мы переходили черезъ небольшіе гребни и отроги по расположеннымъ между ними саямъ. Послѣдніе направлялись NO и принадлежали къ рѣчной системѣ Черченъ-дарьи. Но всѣ они были сухи, и люди опасались, что мы вечеромъ, пожалуй, не найдемъ воды.

Скоро мы увидѣли, что узкія дождевыя борозды соединялись въ такую-же сухую ложбину, направлявшуюся къ востоку. Главный гребень Арка-тага все еще оставался у насъ на югѣ и, держась прежняго направленія, мы вынуждены были-бы пересѣкать одинъ отрогъ за другимъ, поэтому мы сочли за лучшее поскорѣ свернуть къ югу, чтобы перейти Арка-тагъ и постараться подняться на нагорье сѣвернаго Тибета.

Недолго шли мы по новому направленію, какъ наткнулись на небольшой источникъ, гдѣ и рѣшили, ради вѣрнаго обезпеченія водой, разбить лагерь. Окрестность была совершенно безжизненной. Только кое-гдѣ высовывалъ свои похожіе на войлокъ кусты неприхотливый япкакъ, и наши

проголодавшіяся животныя съ жадностью принялись поѣдать ихъ.

Вода сочилась изъ почвы по каплямъ, и въ нѣсколькихъ метрахъ дальше источникъ уже изсякалъ въ песокъ. Люди вырыли небольшую яму, въ которой понемногу и скопилась вода. Животныхъ напоили по очереди. Сегодня мы сдѣлали 21 килом., а въ два предыдущихъ дня 26.7 и 28.7 килом.

10 августа запись въ дневникѣ гласитъ: „Лихорадка Фонгъ-Ши все усиливается, пульсъ достигаетъ 120 ударовъ въ минуту, голова болитъ ужасно. Онъ смотритъ совсѣмъ умирающимъ и думаетъ, что съ каждымъ днемъ ему будетъ все хуже. Я и рѣшилъ отослать его обратно. Исламъ тоже опасается, что Фонгъ-Ши умретъ, если мы потащимъ его за собою дальше, или что его болѣзнь причинитъ намъ долгую и гибельную въ этихъ мѣстахъ задержку.

Да, насколько прежде общество Фонгъ-Ши было пріятно, настолько-же тягостно оно стало въ послѣдніе дни, когда онъ непрерывно стонетъ и жалуется на свои недуги.

Но какъ-же теперь быть съ китайцами? Забраться во внутрь Китая безъ переводчика не особенно пріятная перспектива. Къ счастью, я уже успѣлъ извлечь нѣкоторую пользу изъ общества Фонгъ-Ши, заучилъ важнѣйшія слова, а остальному нужда выучить.

Въ общемъ Фонгъ-Ши обошелся намъ не дешево. Онъ уже получилъ жалованье впередъ за три мѣсяца, а теперь мнѣ предстояло еще оплатить его обратный путь, да снабдить его лошадыю, продовольствіемъ, запасомъ хинныхъ облатокъ, шубой и провожатымъ на случай, если онъ сляжетъ дорогой. Онъ рѣшилъ немного отдохнуть въ Далай-куртанѣ и простился со мной растроганный и благодарный.

Горделивыя мечты молодого китайца въѣхать въ ворота Пекина, узрѣть резиденцію своего баснословно могущественнаго императора и, быть можетъ, съ моей помощью добиться тамъ положенія и, наконецъ, смѣнить свою оставленную въ Хотанѣ супругу тюркскаго происхожденія на кровную китайянку, — всѣ эти мечты разсѣялись, какъ дымъ у подножія Арка-тага. Молчаливый, грустный стоялъ Фонгъ-Ши среди этой пустынной мѣстности, глядя вслѣдъ намъ, стремившимся къ желанной, далекой цѣли!“

Ночью шелъ порядочный снѣгъ, и почва была еще совѣтъ сыра, когда мы двинулись по долинѣ, гдѣ стояли лагеремъ. Рѣшили, что лошадиный караванъ, подвигавшійся быстрѣе, будетъ впредь выбирать направленіе, причемъ Исламу было только внушено держать курсъ по возможности на югъ, чтобы мы, наконецъ, могли перейти черезъ Арка-тагъ. Вообще-же онъ долженъ былъ сообразоваться съ условіями поверхности и съ силами караванныхъ животныхъ. Мнѣ никогда и не случилось быть недовольнымъ его выборомъ, такъ какъ у него былъ зоркій, вѣрный глазъ, и онъ отлично соразмѣрялъ силы верблюдовъ.

Мало-по-малу долина расширилась и перешла въ волнистую нагорную равнину. На лѣво отъ долины показалась удивительно живописная горная страна, представлявшая собраніе сплюснутыхъ и плоскихъ конусовъ съ зубчатыми боками. Конусы состояли частью изъ красноватаго песчаника, частью изъ конгломератовидной, необычайно твердой, кирпично-красной горной породы, похожей на брекчію.

Вершины этихъ конусовъ были покрыты черными горизонтальными слоями черного туфа. Слои туфа явно защищаютъ лежащую подъ нимъ горную породу отъ вывѣтриванья. Отдѣльныя вершины видны были издалека, напоминая бакены, разбросанныя по этой равнинѣ. Вокругъ подножій конусовъ лежали большіе и малые обломки туфа, упавшіе съ вершинъ. Мелкіе обломки туфа мы продолжали находить на красномъ пескѣ на довольно большомъ протяженіи по равнинѣ. Около подошвы горнаго массива эти обломки рисовались на красномъ фонѣ черными пятнами.

Туфъ, имѣвшій слегка фіолетовый оттѣнокъ, былъ очень пористъ, ноздреватъ, почти какъ губка, и звенѣлъ подъ ударами молотка. Эти своеобразные красные холмы съ черными шапками видны были издалека, въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути. Къ югу отъ Арка-тага мы видѣли много такихъ отдѣльныхъ туфовыхъ холмовъ.

Около подошвы хребта мы пересѣкли направлявшійся къ востоку сухой сайъ, довольно значительныхъ размѣровъ, но, видимо, несущій воду лишь послѣ обильнаго выпаденія атмосферныхъ осадковъ. Къ юго-востоку отъ него простирался кряжъ, формой напоминавшій опрокинутую ложку; такая форма

поверхности попадалась намъ потомъ часто. Затѣмъ, шла небольшая впадина, сухое дно которой бѣлѣло соляными отложениями. Подобныя соляныя озерки также составляютъ характерную особенность мѣстности.

Поверхность нерѣдко казалась совершенно ровною, и мы оказывались на настоящемъ плато. Во всѣ стороны открывался свободный видъ. Только вдаль горизонтъ былъ ограниченъ сравнительно низкими горами; ни вѣчно снѣжныхъ вершинъ, ни глетчеровъ не было видно.

Воздухъ былъ ясенъ. Далеко впереди, словно черныя точки, двигались караванныя лошади, и я по нимъ могъ опредѣлить вѣрные пеленги въ полмили. Единственнымъ растеніемъ, способнымъ произрастать на скудной почвѣ являлся япкакъ, но многочисленныя слѣды показывали, что области эти посѣщаются время отъ времени антилопами-богу. Исламъ-бай, однако, тщетно выслѣживалъ это быстрое животное, котораго ему такъ ни разу и не удалось застать врасплохъ.

Небо большею частью было покрыто необыкновенно красивыми, пушистыми и причудливыми бѣлыми облаками, которыя, словно живыя существа, плыли совсѣмъ близко надъ поверхностью земли и кое-гдѣ только открывали чистую лазурь неба.

Затѣмъ мы поднялись на небольшой кряжъ, съ высоты котораго увидѣли на WSW озеро, лежащее между двумя низкими цѣпями горъ. Восточнымъ продолженіемъ его была глубокая долина, которую мы пересѣкли, озеро-же лежало настолько въ сторонѣ отъ нашего пути, что не было расчета сворачивать къ нему.

Здѣсь показалась *in situ* красная конгломератовидная горная порода, гранитъ и затѣмъ зеленый сланецъ, расположенный почти вертикальными слоями. Всѣ эти горныя породы по большей части выступали всего на высотѣ какого нибудь фута надъ пресѣченной вывѣтрѣлой поверхностью. Онѣ виднѣлись еще издали, вырисовываясь красными или темными линіями, вслѣдствіе чего ландшафтъ казался полосатымъ.

По небольшой ложбинѣ, сырой отъ послѣдняго выпавшаго снѣга, мы поднялись на новый гребень, болѣе значительный, нежели предыдущіе. Съ его слегка выпуклой вершины намъ открылось столь-же неожиданное, сколько отрадное зрѣ-

лице. Передъ нами разстилалась неглубокая впадина, покрытая свѣтлозеленою растительностью, безъ сомнѣнія, скудную, но тѣмъ не менѣе желанною для нашихъ постившихся уже четыре дня животныхъ. Особенно проголодались лошади и теперь нетерпѣливо ржали, въ ожиданіи подножнаго корма.

Эмингъ-Мирза, славный таглыкъ, смѣнившій Фонгъ-Ши въ должности моего секретаря, съ удивленіемъ указалъ мнѣ, что караванъ нашъ не выказываетъ намѣренія остановиться. По близости, правда, находилась лужа, но вода въ ней была соленая, и Исламъ, видимо, хотѣлъ сыскать воду, — необходимое условіе для разбивки лагеря. Низенькая, тоненькая и рѣдкая травка представляла не очень-то завидное пастбище; надо было много терпѣнія, чтобы накормиться тутъ. Многочисленные слѣды свидѣтельствовали, что мѣсто это было знакомо антилопамъ. Водились здѣсь и полевые мыши, питавшіяся травой и ея корнями. Мы видѣли только норки, а самыхъ мышей не видали.

Направо отъ насъ тянулся новый низкій хребетъ; въ одной лоцинѣ хребта трава росла гуще, но была уже выщипана дикими животными. Палатки оказались разбитыми около источника, влага котораго питала росшій кругомъ мохъ. Мы сдѣлали въ этотъ день 24.5 килом.

Втеченіе дня дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ. Надо было взять на сѣдла теплое платье, такъ какъ погода стояла крайне переменчивая. Когда въ воздухѣ тихо и ясно, становится такъ жарко, что того и гляди испечешься на солнцѣ, но стоитъ набѣжать на солнце облачку или подуть сильному вѣтру, какъ разъ продрогнешь безъ шубы.

На слѣдующее утро трое людей оказались больными и просили день отдыха. Я согласился тѣмъ охотнѣе, что животные были истомлены шестью тяжелыми переходами и что здѣсь у насъ были подъ руками и подножный кормъ и вода. Только насчетъ топлива было туговато. Япкакъ росъ лишь кое-гдѣ, и люди бродили по окрестностямъ, собирая его корни.

Всю ночь и все утро шелъ снѣгъ; вся поверхность побѣлѣла. Но какъ только взошло солнце, снѣговой покровъ растаялъ, чему много способствовала и сухость воздуха. Снѣгъ былъ зернистый, твердый и весело барабанилъ по парусинѣ палатки.

Отдыхъ для всѣхъ насъ былъ желаннымъ. Кругомъ было тихо, животныя разбрелись далеко отъ лагеря, отыскивая подножный кормъ получше.

Недомоганье людей, однако, усилилось втеченіе дня. Большинство изъ нихъ жаловалось на головную боль; даже Исламъ-бай лежалъ и стоналъ, и такъ какъ онъ былъ караванъ-баши, то другіе тѣмъ болѣе упали духомъ.

Погода тоже не способствовала поднятію духа; небо хмурилось, снѣгъ съ небольшими перерывами продолжался весь день. Послѣ трехъ часовъ дня подморозило, и поверхность побѣлѣла. Западный вѣтеръ дулъ порядкомъ, и немудрено, что меня не тянуло на воздухъ. Я предпочиталъ сидѣть въ палаткѣ, закутавшись въ шубы, и заниматься разработкой своихъ набросковъ или чтеніемъ.

Закололи овцу, но хотя насъ и было много, мясо осталось несѣденнымъ, — горная болѣзнь уменьшаетъ аппетитъ. Мнѣ баранина перестала нравиться, такъ какъ ее никакъ нельзя было уварить до мягкости. Пилавъ тоже выходилъ не вкуснымъ, — и рисъ оставался жесткимъ. Приходилось довольствоваться вѣчнымъ жиденькимъ бульономъ изъ баранины, да окаменѣлымъ хлѣбомъ.

Меню было все одно и тоже, повторяясь дважды въ день, и скоро эти трапезы такъ надоѣли мнѣ, что я приступалъ къ нимъ съ нѣкоторымъ содроганьемъ и успокаивался только тогда, когда, одолѣвъ свою порцію, закуривалъ трубку. Въ общемъ-же я чувствовалъ себя хорошо, хоть мы и находились на 4,968 м. высоты.

Утомленіе сказывалось только одышкой и сердцебіеніемъ. Закутанный въ шубы и войлока, я часто просыпался ночью отъ непріятнаго и жуткаго чувства стѣсненія въ груди. Зато головная боль, мучившая меня въ первые дни, совершенно прошла.

На закатѣ погода прояснилась. Тяжелыя черныя тучи уползли къ востоку. Небо въ зенитѣ было ярко синее, на западѣ-же было объято заревомъ, словно отъ далекаго степного пожара; ближайшіе горные склоны отливали рѣзкимъ багрянцемъ. На сѣверѣ горы были еще окутаны густыми облаками, которыя весь вечеръ то и дѣло прорѣзались молніями.

Утромъ 12 августа по лощинѣ, гдѣ былъ расположенъ

лагерь, заструился крохотный ручеекъ, образовавшійся изъ растаявшаго снѣга. Растаялъ, однако, лишь нижній слой, верхній-же былъ еще скованъ морозомъ. Минимальный термометръ показалъ—10.7°. Втеченіе дня мы миновали нѣсколько ручейковъ съ прозрачною водою.

Лощина вела къ небольшому второстепенному перевалу черезъ одинъ изъ отроговъ Арка-тага. Здѣсь преобладалъ красный, мелкозернистый сланецъ. Пастбища становились все болѣе рѣдкими и скудными. Слѣды антилопы и зайцевъ, однако, попадались по прежнему; тамъ и сямъ попадалися и пометъ кулановъ.

Спустились мы съ перевала на другую сторону по рѣзко очерченной долинь, въ 4 килом. ширины, заворачивавшей съ WSW къ востоку. Пресѣченное ложе долины было сухо, подножнаго корму не росло никакого. По близости нигдѣ не представлялось удобнаго перехода черезъ Арка-тагъ, и мы продолжали слѣдовать по долинь къ востоку; въ томъ направленіи мѣстность представлялась открытой. По обѣ стороны долины рисовались легкими тѣнями отроги хребта, а на заднемъ планѣ возвышался мощный хребетъ, продолженіе Арка-тага, весь окутанный серебрянымъ снѣгомъ. Снѣгъ сиялъ такой ослѣпительной бѣлизной, что мы сначала приняли его за бѣлыя облака на горизонтѣ.

Направляясь къ востоку, мы имѣли Арка-тагъ частью по правую руку, частью прямо впереди; оказывалось, такимъ образомъ, что хребетъ слегка заворачиваетъ къ ONO.

Оставивъ широкую долину влѣво, мы стали медленно подыматься по нижнему склону Арка-тага, пересѣкая безчисленные овраги и балки, по которымъ въ большинствѣ случаевъ текла вода, направляясь въ главную долину. На сѣверѣ мѣстность была открытая, безъ холмовъ. Передъ нами лежало обширное пресѣченное плато, ограниченное вдали на сѣверѣ мощною горною цѣпью съ множествомъ снѣжныхъ вершинъ; это была южная сторона Токкузь-давана.

Вдали сиялъ раздвоенный пикъ Арка-тага, къ которому мы часъ за часомъ подвигались, но все какъ будто не приближались. Теперь надо было отыскать удобное мѣсто для стоянки, гдѣ-бы нашелся подножный кормъ. О водѣ сегодня беспокоиться нечего было. Пройдя 29 килом., мы разбили палатки

около порядочнаго ручейка, по берегамъ котораго росла сносная трава. Абсолютная высота равнялась 4,975 м. Животныя имѣли еще бодрый видъ, но людямъ, особенно Исламъ-баю, приходилось плохо. 13 и 14 августа намъ пришлось оставаться въ лагерѣ № V. Поводомъ къ такой остановкѣ послужилъ печальный фактъ. Сначала люди увѣряли меня, что животныя нуждаются въ отдыхѣ, но утромъ 13-го мнѣ доложили, что Исламъ-баю очень плохо. Славнаго моего слугу мучило, что я долженъ буду пожертвовать хотя-бы однимъ днемъ изъ-за него, и онъ просилъ другихъ сослаться на усталость животныхъ. У него была сильная лихорадка, пульсъ бился ускоренно, голова страшно болѣла. Онъ не думалъ, однако, что причиной недомоганья была лишь горная болѣзнь: онъ харкалъ кровью и былъ такъ слабъ, что не могъ шевельнуть ни однимъ членомъ.

Въ дневникѣ моемъ записано слѣдующее: „Исламъ попросилъ другихъ попытаться уговорить меня продолжать

Видъ на SW изъ лагеря № V.

(Съ рисунка автора).

завтра путь, а его съ двумя таглыками, также больными, оставить здѣсь. Онъ хотѣлъ поручить ключи, ягданы и все продовольствіе и боевые припасы Парпи-баю, а самъ, если ему будетъ лучше, думалъ попытаться перевалить черезъ Токкузъ-даванъ, пробраться до Черчена и дальше на родину черезъ Кашгаръ.

„Я однако, далъ ему хины и морфину, послѣ чего онъ проспалъ нѣсколько часовъ, затѣмъ я поставилъ ему горчичники, чтобы оттянуть кровь отъ головы. Повидимому, ему очень плохо. Было-бы страшно тяжело лишиться его. Я-бы почувствовалъ себя тогда воистину одинокимъ. Онъ былъ моимъ спутникомъ съ самаго начала, дѣлилъ со мной всё лишенія и опасности, не щадилъ силъ и былъ для меня истинной опорой.

„Кто, какъ ни онъ, всегда набиралъ и организовывалъ

караванъ, нанималъ надежныхъ людей, обдумывалъ и закупалъ продовольствіе и слѣдилъ за всѣмъ самымъ разумнымъ и обдуманномъ образомъ. Десять человѣкъ не стоили его одного; онъ былъ незамѣнимъ. И вотъ теперь онъ лежалъ, словно старикъ, сломленный недугомъ, похожій на умирающаго. Какъ горько было-бы, если-бъ онъ погибъ теперь, на третьемъ году своей самоотверженной службы мнѣ, на которую смѣнялъ свое спокойное житье-бытье въ Ошѣ; эта послѣдняя тяжелая экспедиція была уже седьмою, совершонною нами вмѣстѣ.

„Да, наше вступленіе въ области Сѣвернаго необитаемаго Тибета обѣщало мало хорошаго. Нашъ лагерь походилъ на походный лазаретъ; путешествовать съ такими инвалидами нечего было и думать. Въ такихъ случаяхъ чувствуешь себя связаннымъ, и другого выбора нѣтъ, какъ или оставить больныхъ подъ надзоромъ нѣсколькихъ здоровыхъ или — вернуться. Перспектива возвращенія, однако, наводила на меня настоящій ужасъ. Я долженъ былъ изслѣдовать безвѣстныя нагорья, простиравшіяся къ югу отъ Арка-тага!

„И какъ свободно здѣсь на высотахъ, среди этого чистаго свѣжаго воздуха и постоянно мѣняющихся пейзажей, въ сравненіи съ однообразной пустыней, ея сѣрымъ небомъ, удушливымъ воздухомъ, скорпіонами, шершнями, комарами и недостаткомъ воды! Я радуюсь при мысли, что эти области остались позади, но мои люди боятся безмолвныхъ горъ, и ихъ тянетъ внизъ.

„Болѣзнь Исламъ-бая, тревожащая меня уже сама по себѣ, имѣетъ еще то пагубное послѣдствіе, что другіе люди окончательно пали духомъ, увидавъ своего караванъ-баши въ такомъ жалкомъ положеніи. Имъ уже кажется, что смерть у нихъ за плечами. Только мое спокойствіе еще ободряетъ ихъ. Они радуются, когда я прихожу въ ихъ палатку-лазаретъ и съ удовольствіемъ приходятъ поговорить со мной о нашихъ видахъ и надеждахъ. Вообще-же они не разговорчивы; не слышно болѣе и веселыхъ пѣсенъ.“

Самъ по себѣ день отдыха прошелъ спокойно. Въ полдень ручей раздулся и принялъ кирпичный отгѣнокъ, но къ вечеру вода снова сбыла и стала прозрачною. Воздухъ былъ удивительно чистъ и прозраченъ. Горы на самомъ горизонтѣ видны были въ малѣйшихъ подробностяхъ крайне отчетливо.

Днемъ были посланы развѣдчики къ юго-востоку. Они нашли глубокую большую балку, которую Гамданъ-бай считалъ балкою одного изъ притоковъ Черченъ-дарьи, Паткаклыка (Илистая рѣка). Онъ полагалъ, что Литлэдель и перешелъ Арка-тагъ, слѣдуя по верхнему теченію этой рѣки. Гамданъ-баю, казалось, можно было довѣриться, такъ какъ онъ сопровождалъ Литлэделя, но позже выяснилось, что онъ ошибался.

Парпи-бай предполагалъ, что недѣли черезъ двѣ мы опять нападёмъ на хорошій подножный кормъ. Жалкая трава вокругъ лагеря № V была горька, и лошади не стали бы ѣсть ея, не будь онѣ такъ голодны. Зато здѣсь и не видно ни слѣда кулановъ; эти быстроногія животныя, вѣрно, умѣютъ отыскать болѣе тучныя пастбища.

Итакъ, Парпи-бай стоитъ за то, чтобы какъ можно скорѣе выступить въ путь, — останься мы здѣсь подольше, лошади могутъ заболѣть. Двѣ изъ нихъ уже плохи, не ѣдятъ и цѣлый день лежатъ. Остальные, а также ослы и верблюды сравнительно въ хорошемъ состояніи. У насъ есть еще запасъ корму для нихъ, который въ случаѣ нужды можно растянуть на мѣсяць, а продовольствія для насъ самихъ хватитъ на два съ половиной мѣсяца.

Вечеромъ Исламъ-бай получилъ 4 гр. морфина, хорошо спалъ ночь и утромъ 14 августа почувствовалъ себя значительно лучше. Онъ могъ уже проглотить немножко хлѣба съ чаемъ и немного погулялъ въ шубѣ, а на слѣдующій день надѣялся быть въ состояніи сопутствовать намъ. Погода стояла неприятная. Отъ 12 ч. до 4-хъ шелъ градъ, потомъ полилъ дождь. Пока шелъ градъ, температура (въ 4 ч. пополудни) равнялась 16°, во время-же дождя быстро понизилась до 9°.

Верблюды каждый вечеръ потѣшаютъ насъ настоящимъ представленіемъ: какъ разъ на закатѣ они величественно, медленно, словно боги, мѣрно раскачивая горбами, направляются къ палаткѣ за обычною мѣркою маиса. Маисъ рассыпаютъ на кускѣ парусины, разостланной на землѣ, верблюды располагаются вокругъ и съ жадностью поѣдаютъ лакомство.

XVI.

КЪ ПОДОШВѢ АРКА-ТАГА.

15 августа. Къ счастью, сегодня Исламу стало полегче, и мы могли въ обычное время выступить. Одна изъ лошадей околѣла; это была первая наша потеря, за которой, къ сожалѣнію, послѣдовали и другія.

Небо было покрыто легкими облаками, которыя задѣвали за относительно невысокіе гребни горъ и какъ-то давили всю окрестность, словно низкій потолокъ комнату. Казалось даже, что на востокѣ нельзя будетъ пройти подъ этими облаками.

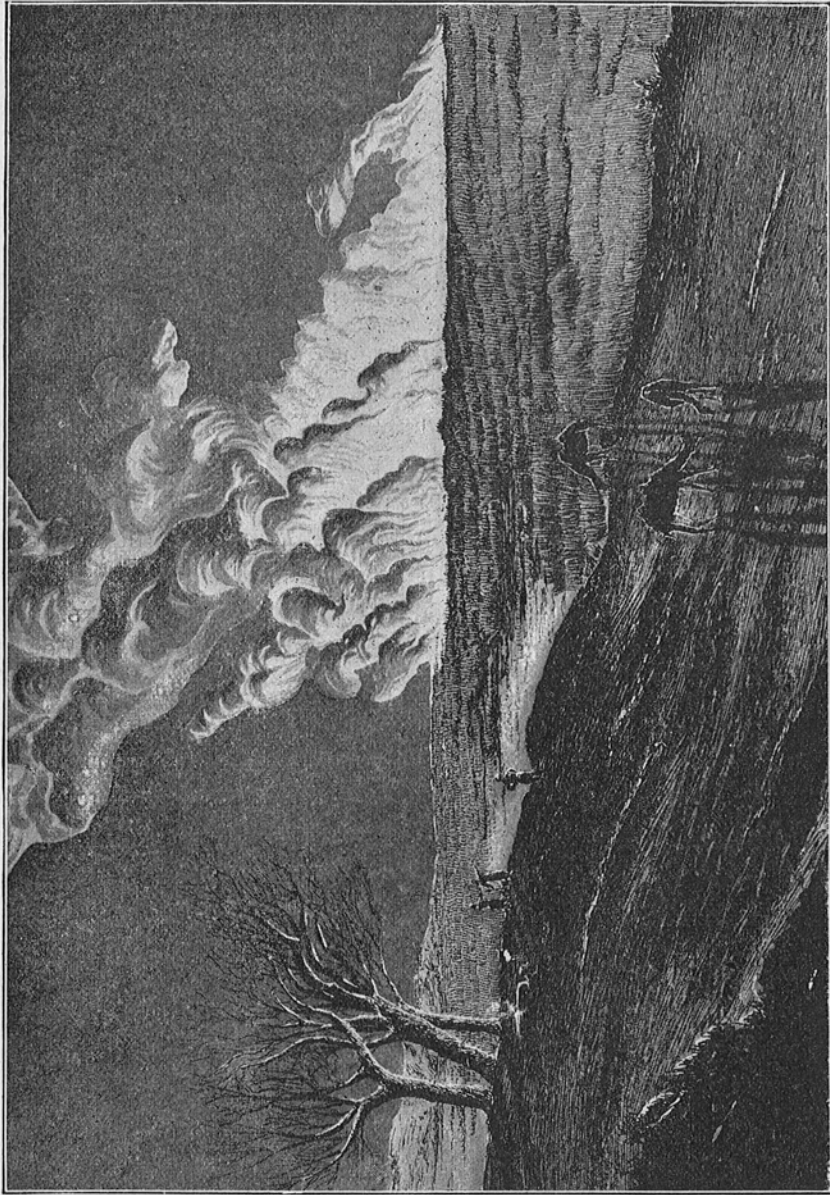
Мы продолжали путь къ востоку, слѣдуя по широкой и правильной продольной долинѣ, вдоль сѣверной подошвы Арка-тага. Ложе долины было почти ровное, съ самымъ незначительнымъ уклономъ, а въ глубинѣ ея безсмѣнно сіялъ, подобно маяку, бѣлый раздвоенный пикъ. Направо главный гребень Арка-тага скрывался за однимъ изъ собственныхъ отроговъ хребта. Налѣво отъ насъ тянулася незначительной высоты, свободная отъ снѣга, горная цѣпь.

Въ продольную долину впадала рѣзко очерченная поперечная; по ней, по глубоко врѣзавшемуся въ конгломераты руслу, протекалъ небольшой ручей. Ландшафтъ имѣлъ красноватый оттѣнокъ отъ кирпично-красной сланцеватой горной породы, но русло было покрыто мелкимъ плотно спрессованнымъ щебнемъ зеленаго кристаллическаго сланца, гранита и порфира, которые, вѣроятно находились *in situ* въ высшихъ поясахъ Арка-тага.

Эта большая поперечная долина, пересѣкавшая продольную, по которой мы до сихъ поръ слѣдовали, прорѣзывала, суживаясь въ настоящее ущелье, горную цѣпь, находившуюся къ сѣверу отъ насъ и загоразживавшую отъ насъ Токкузъ-даванъ, а по ту сторону горъ заворачивала, вѣроятно, къ сѣверовостоку.

Продольная долина стала уже. Мы подвигались по лѣвой береговой террассѣ, и намъ приходилось пересѣкать множество „чаповъ“. По самой большой изъ этихъ балокъ, имѣвшей почти отвѣсныя, высоту до 10 м., бока, протекала рѣчка, вблизи

которой скудно росла трава. Погода, какъ нельзя болѣе кстати, заставила насъ остановиться какъ разъ на этомъ мѣстѣ, хотя мы и прошли въ этотъ день всего 16 килом.

Пожаръ въ тростникѣ на озерѣ Кара-куль.
(Съ рисунка автора).

Около полудня на западѣ собрались тяжелыя облака, быстро понесшіяся къ востоку, хотя около земной поверхности

дулъ NO вѣтеръ. Облака быстро стягивались кольцомъ вокругъ насъ. Только на самомъ востокѣ виднѣлся еще быстро таявшій клочекъ лазури, а то вездѣ, куда ни погляди, стояли темныя свинцовыя зловѣщія тучи. Скоро позади насъ слышался слабый вой. Онъ все приближался и усиливался. Поднялся сильный вѣтеръ съ запада, и разразился ужаснѣйшій градъ, хлеща землю и бока горъ.

Мигомъ насталъ полумракъ, загремѣлъ громъ, раздававшійся какъ будто прямо у насъ надъ ухомъ, но молній не было видно. Окрестность совершенно потонула во мглѣ. Градины были не больше маисовыхъ зеренъ, но, подхваченныя вѣтромъ, били съ такой силой, что удары ихъ ощущались даже сквозь шубы и мѣховыя шапки.

На лошадей это незаслуженное бичеванье наводило страхъ, и мы принуждены были съ четверть часа не трогаться съ мѣста, не зная даже, куда ѣхать. Вотъ мы и сидѣли на лошадахъ, повернувъ вѣтру спины и поднимъ воротники до ушей. Въ какія нибудь нѣсколько минутъ веселая, смѣющаяся, залитая солнцемъ мѣстность превратилась въ полярную область; грунтъ весь побѣлѣлъ и подмерзъ.

Нѣсколько времени ничего нельзя было предпринять, но, когда самая грозная туча пронеслась, мы слѣзли съ коней и поспѣшно принялись за разбивку палатокъ. Градъ продолжался еще съ часъ, покрывъ землю толстымъ, бѣлымъ ковромъ въ вершокъ толщиною. До вечера онъ, однако, успѣлъ растаять, такъ какъ за градомъ, по обыкновенію, слѣдовалъ ливень. Мы успѣли поэтому основательно промокнуть прежде, чѣмъ попали подъ крышу. Бѣдныя животныя остались на дождѣ и холодѣ. Только верблюдамъ все было ни по чемъ, и они сразу принялись щипать траву.

16 августа мы рано выступили въ путь. Погода была вѣтряная и холодная, небо покрыто облаками. Около семи часовъ утра они было разсѣялись, но скоро снова сгустились. Не легко было рѣшить, откуда они брались. Покажется небольшое облачко и начнетъ расти, расти и, наконецъ, покроетъ все небо.

Наканунъ вечеромъ мы посылали развѣдчиковъ вверхъ по узкой балкѣ, на краю которой мы разбили лагерь. Вернувшись, люди сообщили, что въ верхней части балка очень крута,

узка и камениста, мы и предпочли продолжать путь къ востоку по продольной долинь. Не безъ труда перешли мы глубокую балку и направились дальше по холмистой поверхности и мимо небольшого озера, 250 м. въ діаметрѣ, съ прозрачной прѣсной водой; дюжина гусей отдыхала тутъ на пути въ Индію.

Подъемъ сталъ теперь замѣтнымъ, пастбища еще попадались, но все рѣже. Долина была по прежнему заключена между двумя довольно значительными цѣпями горъ; вода, стекавшая по ихъ склонамъ и поперечнымъ долинамъ, собиралась въ горную рѣчку, которая дальше сливалась съ рѣчкой, на берегу которой былъ разбитъ нашъ лагерь № VI.

Наконецъ, мы достигли начала продольной долины и вершины подъема. Здѣсь мы нашли небольшую сухую впадину, по ту сторону которой вода текла къ сѣверо-востоку. Но мы свернули къ OSO по боковой долинь, заключенной между мощными горными отрогами и также прорѣзанной ручьемъ, который жался къ высокимъ береговымъ скаламъ и обнажалъ зеленый сланецъ.

Большею частью мы подвигались почти наугадъ, не зная, окажется-ли возможнымъ продолжать путь по долинамъ, въ которыя мы вступали. Постепенно мы заворачивали къ юго-востоку, и направо отъ насъ оказалась мощная горная вершина. Около ея подошвы насъ снова захватилъ сильный градъ, сопровождавшійся дождемъ и снѣгомъ, но все это не помѣшало намъ продолжать путь. Мы начинали уже привыкать, что такая неприятная погода наставала около 1 часу дня, хотя-бы утро и было совершенно ясное.

Окруженные туманомъ, мы достигли довольно плоскаго водораздѣла, такъ же, какъ и первый, разграничивавшаго воды, текуція къ востоку и текуція къ западу. Становилось все яснѣе, что Арка-тагъ въ этой области представляетъ цѣлую систему параллельныхъ хребтовъ, крайне бѣдныхъ удобными для перевала поперечными долинами. По продольнымъ долинамъ мы подвигались безъ малѣйшаго затрудненія. Напротивъ, по поперечнымъ долинамъ мы могли проходить къ югу развѣ лишь небольшіе концы.

Слѣдуя нѣсколько времени къ востоку, мы затѣмъ свернули направо по одной изъ подобныхъ поперечныхъ долинъ,

которая скоро стала очень крутою. Въ устьѣ ея можно было наблюдать въ высшей степени оригинальныя образования. Она была покрыта слоемъ тонкихъ продуктовъ вывѣтриванья, въ которомъ терялись мелкіе ручейки; въ общемъ грунтъ былъ такъ мягокъ и рыхлъ, что копыта животныхъ тонули въ немъ, и это очень утомляло животныхъ.

Понемногу мы всетаки пробирались вверхъ по все суживавшейся долиниѣ и затѣмъ по крутымъ склонамъ до перевала — какъ мы надѣялись, черезъ главный гребень Арка-тага. Съ большими усиліями лошади взобрались на вершину. Но тутъ насъ опять окутало непроницаемымъ туманомъ, пошелъ градъ, и поднялась мятель.

Такъ какъ дороги не было видно, и кромѣ того намъ не хотѣлось упустить случая ориентироваться въ этой горной области, для чего этотъ возвышенный пунктъ представлялъ такія благопріятныя условія, то мы, посовѣтовавшись, рѣшили разбить лагерь на самомъ перевалѣ, абсолютная высота котораго доходила до 5,253 метровъ. За день мы сдѣлали 26, 8 килом.

Быстро разбили палатки. Погода была ненастная, холодная и непріятная; малѣйшее усиліе причиняло сердцебиеніе и одышку. Вѣтеръ пронизывалъ насквозь, градъ такъ и хлесталъ. Подножнаго корму не было никакого, ни одинаго кустика для топлива, и за водой людямъ пришлось спуститься глубоко въ расщелину.

Около 5 часовъ дня прояснилось настолько, что на югѣ и юго-западѣ можно было различить рѣзкій, освѣщенный краснымъ свѣтомъ и одѣтый снѣгомъ гребень, черезъ который, повидимому, не вело ни одного доступнаго перевала. Къ югу отъ нашего перевала, который велъ лишь черезъ отрогъ Арка-тагъ и для достиженія котораго мы напрасно употребили столько усилій, виднѣлось глубокое ущелье, въ которое стекали воды съ цѣлаго лабиринта скалъ и цѣпей.

На востокѣ намъ мерещились слабыя очертанія Арка-тага, и въ этомъ направленіи тянулась извилистая продольная долина. Вокругъ насъ въ хаотическомъ безпорядкѣ высились вершины и края, нѣкоторые чернаго цвѣта, другіе кирпично-краснаго или зеленаго, и самые высокіе совершенно бѣлаго отъ снѣга. Относительная высота ихъ была въ большинствѣ

случаевъ не велика, и намъ казалось, что мы находимся на одномъ уровнѣ со многими изъ нихъ.

Скоро, однако, вся панорама заволоклась густыми облаками и снѣжной вьюгой. Плотныя, тяжелыя массы облаковъ быстро неслись надъ гребнями, волочась бахромой своихъ краевъ по неровной ихъ поверхности и, словно кистью, нанося на нее бѣлыя полосы снѣга. Громъ гремѣлъ такъ, что мы почти оглохли, молніи то и дѣло прорѣзали облака. Почва дрожала отъ сильнѣйшихъ раскатовъ, и было какъ-то жутко стоять на самомъ перевалѣ. Я велѣлъ поэтому отодвинуть палатку такъ, чтобы линія гребня пришлась 10-ю метрами выше.

Въ этотъ вечеръ намъ пришлось долго ждать нашихъ верблюдовъ и ословъ. Мы послали двухъ людей отыскивать ихъ. Въ сумерки животныя, наконецъ, показались, и люди съ трудомъ втащили ихъ на переваль. Ужинъ мой былъ на этотъ разъ скуднѣе обыкновеннаго. Чтобы вскипятить чаю, пожертвовали ящикомъ, безъ котораго можно было обойтись. Посовѣтовавшись съ таглыками, мы рѣшились продолжать путь къ востоку по крутому восточному ущелью перевала, такъ какъ на югѣ не представлялось никакого прохода.

Мѣсяцъ сіялъ ослѣпительнымъ блескомъ, окруженный замѣчательно красивымъ ореоломъ ярко желтаго цвѣта съ фіолетовой оторочкой.

Но скоро ночное свѣтило исчезло за облаками, и по пустынному перевалу принялся во всѣ стороны гулять вѣтеръ. Ночь была тихая, но холодная (минимумъ — 5. 4°) и, только заползши въ свое логовище изъ шубъ и войлоковъ, я могъ согрѣться.

Утромъ топлива не оказалось, и мнѣ пришлось довольствоваться замороженнымъ какао; питье это было бы очень кстати въ знойной песчаной пустынѣ, но тутъ оказывалось черезчуръ прохладнымъ. Оказалось еще, что верблюды и ослы рано утромъ ушли назадъ по той-же дорогѣ, по которой мы пришли.

Я всетаки пустился въ путь въ сопровожденіи Эмина-Мирзы по направленію, выбранному еще съ вечера, предоставивъ Исламъ-баю въ качествѣ караванъ-баши заботиться о томъ, чтобы и остальные не сбились съ пути.

Проѣхавъ съ часъ, мы отыскивали таки слѣды ословъ и овецъ. Они только задали крюку, обогнувъ горный хребетъ,

на перевалѣ котораго мы ночевали. Но проводники верблюдовъ направились не по надлежащему пути; мы, впрочемъ, надѣялись, что они скоро замѣтятъ свою ошибку и постараются отыскать насъ.

Поэтому мы продолжали путь къ востоку по продольной долинѣ. Насколько мы могли заключить, законы образованія сѣверныхъ продольныхъ долинъ Арка-тага слѣдующіе. Онѣ принимаютъ большинство наиболѣе значительныхъ и обильныхъ водою рѣчныхъ долинъ съ юга; съ сѣвера-же мало или почти никакихъ. Рѣчки, протекающія по продольнымъ долинамъ, жмутся ближе къ низкой сѣверной горной цѣпи, склоны которой всегда круче, нежели склоны южной. Послѣдняя за то богаче рыхлымъ матеріаломъ, образовавшимся изъ продуктовъ вывѣтриванья, тогда какъ склоны сѣверной цѣпи

Видъ на NW изъ лагеря № VI.

(Съ рисунка автора).

вслѣдствіе подмыва рѣкою, часто обнаруживаютъ выступы горныхъ породъ *in situ*.

Сдѣлавъ около 14 килом., мы увидали въ нѣкоторомъ разстояніи нашихъ ословъ, пасущихся на высокой террасѣ, на лѣвомъ берегу хрустально-прозрачнаго потока, по руслу котораго мы слѣдовали. Палатки были разбиты въ удивительно живописной мѣстности. Пришлось взяться за дѣло всѣмъ, такъ какъ дулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ.

Сносный подножный кормъ и голодовка наканунѣ побуждали насъ къ однодневному отдыху. Когда, наконецъ, сюда прибылъ съ верблюдами Гамданъ-бай, онъ узналъ мѣстность и въ какихъ нибудь 10 минутахъ ходьбы къ сѣверу нашелъ то мѣсто, гдѣ останавливался на привалъ Литледэль годъ тому назадъ. Литледэль пришелъ сюда съ сѣвера и провелъ здѣсь нѣсколько дней, чтобы высмотрѣть перевалъ черезъ Арка-тагъ.

Но такъ какъ ему въ этомъ отношеніи посчастливилось

не больше нашего, то онъ направился по долинь, открывавшейся на востокъ, гдѣ и нашелъ удобный перевалъ, который велъ къ небольшому озеру, къ югу отъ Арка-тага. Мы рѣшили воспользоваться этимъ открытіемъ, и Гамданъ-бай взялся вести насъ къ перевалу Литледэля.

18 августа посвятили отдыху. Я только посѣтилъ мѣсто стоянки Литледэля; между закоптѣвшими камнями еще замѣтно было мѣсто, гдѣ былъ разведенъ костеръ. Кругомъ въ изобиліи валялся пометъ караванныхъ животныхъ, и мы такимъ образомъ обрѣли хорошій запасъ топлива. Кое-гдѣ можно было даже различить тропинку, протоптанную животными, а на берегу рѣчки валялась брошенная негодная рубашка.

Рѣчки, текуція по продольнымъ долинамъ съ запада и

Долина около лагеря № VIII, гдѣ останавливался и Литледэль.

(Съ рисунка автора).

востока, сливались здѣсь въ одну и прорывали сѣверную горную цѣпь, образуя живописное ущелье. Всюду по сосѣдству виднѣлся черный сланецъ, переслаивающійся съ твердымъ кристаллическимъ сланцемъ; поверхностные слои черного сланца вслѣдствіе вывѣтриванья распадались на тонкіе листики.

Упомянутая рѣчка несла около полудня 6 куб. м. прозрачной воды, которая журчала и пѣнилась между круглыми окатанными камнями. Нашъ лагерь былъ расположенъ какъ бы на полуостровкѣ, образованномъ крутымъ изгибомъ западной рѣчки. Притокъ воды былъ меньше всего утромъ, но затѣмъ все возрасталъ въ теченіе дня. Вечеромъ рѣчка становилась довольно значительной, но за ночь вода спадала и окаймлялась тонкимъ ледкомъ.

Непосредственно послѣ заката холодъ сталъ ощутительнымъ; температура пала на нѣсколько градусовъ ниже нуля. Главнымъ-же образомъ выстуживалъ палатку непрерывный вѣтеръ, улегшійся только къ ночи. Ночи вообще стояли тихія, ясныя, и, вслѣдствіе усиленнаго лучеиспусканія, поверхность почвы подмерзала, но вновь быстро оттаивала съ первыми-же лучами солнца (минимальная температура — 11°; абсолютная высота 5,083 м.).

Вечеромъ распорядился съ таглыками такимъ образомъ. Троицъ было выдано жалованье за все время ихъ службы и дано позволеніе вернуться обратно по той-же дорогѣ. Изъ прочихъ же двое должны были сопровождать меня черезъ Арка-тагъ и затѣмъ уже вернуться домой, а остальнымъ троимъ таглыкамъ вмѣстѣ съ моими постоянными слугами изъ Западнаго и Восточнаго Туркестана предстояло слѣдовать съ караваномъ до тѣхъ поръ, пока мы не доберемся до заселенныхъ трактовъ, когда-бы это ни случилось.

Таглыки, которые должны были сопровождать меня дальше, попросили у меня впередъ половину жалованья, на что я немедленно согласился. Нѣкоторые-же изъ восточно-туркестанцевъ, оставившіе семьи въ Керіи и Хотанѣ, рѣшили воспользоваться случаемъ и послать значительную часть полученнаго ими жалованья съ тремя возвращавшимися домой таглыками, которые завтра утромъ должны были выдать росписки въ полученіи денегъ и обязательства доставить ихъ по адресу.

Когда съ расчетами было покончено, мы улеглись на покой. Таглыки, какъ всегда, спали подъ открытымъ небомъ, въ защитѣ бруствера изъ мѣшковъ съ маисомъ и прочихъ пожитковъ.

Проснувшись утромъ 19 августа около 5 часовъ, слуги мои, къ удивленію своему, не нашли въ лагерѣ таглыковъ. Всѣ они, за исключеніемъ моего секретаря Эмина-Мирзы бѣжали. Исламъ немедленно разбудилъ меня и доложилъ о случившемся. Мы собрали военный совѣтъ.

Люди мои спали всю ночь, какъ убитые, и не слышали никакого подозрительнаго шума. Они полагали, что таглыки бѣжали еще около полуночи, чтобы выиграть время и такимъ образомъ обезпечить себя отъ погони. Они хорошо знали, что

для насъ въ этихъ скудныхъ подножнымъ кормомъ областяхъ каждый день былъ дорогъ.

Когда-же мы обревизовали караванъ и наши пожитки, оказалось, что исчезли еще 10 ословъ, пара лошадей и добрый запасъ хлѣба, муки и маиса. Но хуже всего было то, что таглыки получили впередъ жалованье и забрали еще деньги другихъ людей безъ всякихъ росписокъ.

Планъ бѣгства, безъ сомнѣнія, былъ обдуманъ заранѣе, и они хитро выманили у меня впередъ жалованье. Особенно удивляло насъ то, что они могли выбраться изъ лагеря такъ безшумно. Нѣкоторые изъ моихъ людей, правда, слышали около полуночи лай собакъ, но полагали, что собаки лаютъ на верблюдовъ, которые обыкновенно удалялись по ночамъ отъ лагеря, бродя въ темнотѣ, словно призраки.

Но насъ не такъ-то легко было провести. Мы обыскали ближайшія окрестности лагеря, чтобы по слѣдамъ опредѣлить, въ какую сторону направились бѣглецы. Оказалось, что они ушли по разнымъ направлѣніямъ, разбившись на кучки; сборнымъ-же пунктомъ явилась подошва сѣвернаго хребта; они, видимо, хотѣли съ самаго-же начала сбить насъ съ толку. Двое воровъ шли пѣшкомъ, двое ѣхали на лошадяхъ, остальные на ослахъ.

Такъ какъ ослы наши были сильно изнурены, то импровизированный караванъ не могъ подвигаться особенно быстро. Поэтому я распорядился немедленно пуститься за нимъ въ погоню и, во что-бы то ни стало, вернуть бѣглецовъ со всѣмъ добромъ назадъ, въ лагерь № VIII. За такой гнусный обманъ слѣдовало наказать ихъ. Парпи-баю, дѣльному малому, было поручено руководить погоней, а въ подмогу ему были даны Гамданъ-бай и Исламъ изъ Керіи. Вооружась ружьями и револьверами и сѣвъ на лучшихъ нашихъ верховыхъ лошадей, они пустились во всю прыть по слѣдамъ бѣглецовъ черезъ переваль и скоро скрылись изъ вида. Въ случаѣ отказа бѣглецовъ вернуться, преслѣдователи могли дать нѣсколько выстрѣловъ для острастки, но имъ строго было запрещено ранить кого-нибудь.

Намъ, остальнымъ, пока оставалось только терпѣливо ждать. День и ночь прошли, не принеся ничего новаго. Я началъ уже опасаться, что преслѣдователи заблудились; эта бѣда была-бы горше первой.

Въ шесть часовъ вечера на слѣдующій день Парпи-бай и Гамданъ-бай вернулись на въ конецъ измученныхъ лошадахъ и сообщили слѣдующее.

Они ѣхали по слѣдамъ безостановочно весь день и вечеръ. Лошади, не обремененныя поклажей и успѣвшія уже отдохнуть наканунѣ, шли отлично. Миновавъ мѣста нашихъ лагерей № VII и № VI, преслѣдователи около полуночи замѣтили вдали огонь и направились къ нему.

Достигнувъ мѣста, они увидали около костра нѣсколькихъ людей; это, разумѣется, были наши бѣглецы. Двѣ лошади и ослы паслись неподалеку. Пятеро изъ людей расположились около костра, остальные уже легли спать. Всѣ и люди и животные были, видимо, истомлены въ конецъ долгимъ переходомъ. Несмотря на преимущества, которыя давало имъ то обстоятельство, что они передъ выступленіемъ отдохнули день, и то, что дорога вела теперь подъ гору, а не въ гору, они были настигнуты погоней, такъ какъ большинство изъ нихъ шло пѣшкомъ.

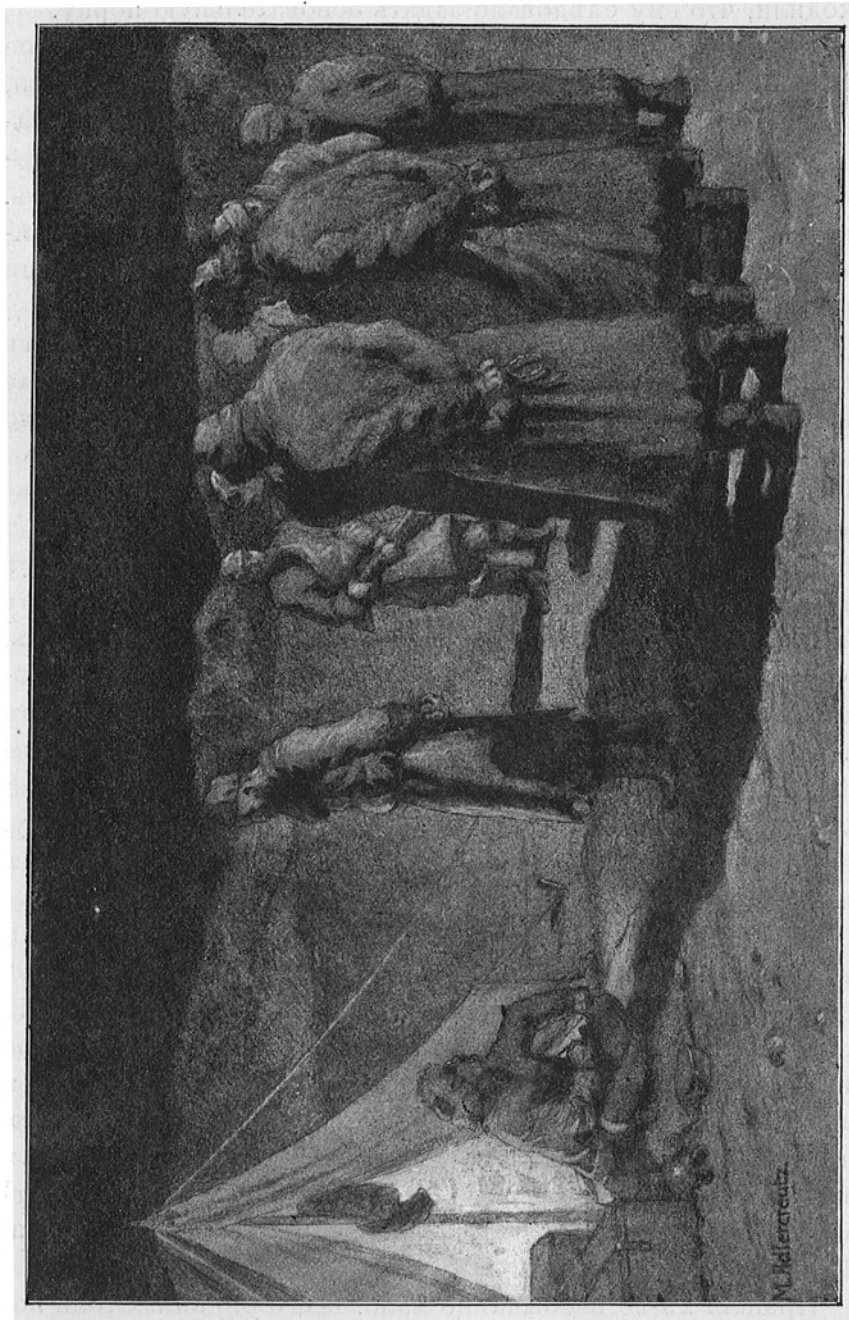
Когда Парпи-бай съ двумя спутниками подѣхалъ къ костру, бѣглецы повскакали и кинулись въ разныя стороны. Но Парпи-бай выстрѣлилъ на воздухъ и крикнулъ, что, если они тотчасъ-же не вернуться на мѣсто, то всѣ будутъ перестрѣляны. Тогда они повалились на землю, прося пощады. Бѣглецовъ всѣхъ перевязали, и Парпи отобралъ отъ нихъ всѣ забранныя ими у меня деньги.

Послѣ двухчасоваго сна, рано утромъ караванъ двинулся обратно. Только трое таглыковъ, получившихъ отъ меня окончательный расчетъ, были отпущены на всѣ четыре стороны. Предводитель бѣглецовъ, сорокалѣтній таглыкъ, организаторъ всего дѣла, былъ принужденъ, какъ воръ, идти всю дорогу пѣшкомъ со связанными руками.

Только въ 10 ч. вечера добрались связанные бѣглецы подъ надзоромъ Ислама изъ Керіи до нашего лагеря. Мнѣ были возвращены всѣ отобранныя у нихъ деньги. Но, кромѣ того, они отняли у насъ два дорогихъ дня, и этой потери ничѣмъ было не возмѣстить. Предводителя подвели ко мнѣ, а остальные расположились полукругомъ.

Я заявилъ ему, что онъ воръ, и что, если-бы онъ попался при такихъ обстоятельствахъ въ руки китайскаго амбана, ему

пришлось-бы плохо. Теперь-же онъ, дабы внушить ему и его

Судъ надъ бѣглецами.
(Съ рисунка Адлергейца).

товарищамъ, что нельзя безнаказанно такъ обходиться съ европейцемъ, присуждался лишъ къ двѣнадцати ударамъ розгами.

Въ этомъ я разошелся съ моими вѣрными слугами, которые находили, что ему слѣдовало задать основательную порку.

Кромѣ того я заявилъ, что воры должны искупить свое недостойное поведеніе трудомъ, и ночи, ради безопасности, будутъ проводить связанными. Далѣе, они обязаны были: заплатить Парпи-баю, Гамданъ-баю и Исламу изъ Керіи жалованье за потраченные на погоню три дня, сопровождать насъ, пока намъ это будетъ нужно, и при расчетѣ вполнѣ подчиниться моимъ условіямъ: я заплачу имъ столько, сколько они заслужаютъ своимъ поведеніемъ.

Сцена суда вышла очень живописной. Люди стояли передъ палаткой, молча, закутавшись въ шубы, слабо освѣщенные свѣтомъ луны и отблескомъ отъ свѣчки. Мало радости было наказывать бѣглецовъ, но они заслужили наказаніе, и ихъ послѣдующее безукоризненное поведеніе доказало, что мой разговоръ пошелъ имъ въ пользу.

Разумѣется, и люди и животныя, участвовавшіе въ побѣгѣ и въ погонѣ, изнемогали отъ усталости, и намъ пришлось изъ за нихъ пожертвовать еще однимъ днемъ. Такимъ образомъ, въ лагерѣ № VIII мы провели цѣлыхъ три дня. Погода становилась зимней. Послѣ полудня, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ шель снѣгъ, а послѣ 3 часовъ задулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, опрокинувшій мою палатку. Веревки такъ трещали и дергались, что я уже приготовился къ такому казусу, и ничто въ палаткѣ не пострадало. Въ 8 часовъ по бокамъ палатки забарабанилъ дождь, потомъ опять все стихло.

Вечеромъ вся окрестность оказалась подъ бѣлымъ покровомъ снѣга. Только въ рѣчномъ руслѣ выдѣлялась въ сумракѣ черная, извилистая линія рѣки. Всю ночь дулъ сильнѣйшій сѣверо-восточный вѣтеръ, палатку понемногу до того заносило снѣгомъ, что мнѣ нѣсколько разъ приходилось выходить и сбивать съ нея снѣгъ, который къ утру и образовалъ вокругъ нея настоящій валъ. Снѣгъ, однако, замѣтно задерживалъ тепло въ палаткѣ и уменьшалъ сквознякъ. Только поздно утромъ 22 августа снѣжный буранъ прекратился, и мы могли выйти и поразмяться.

Прошли 22-го необычайно мало: всего 3.6 кил. Столь успешный привалъ объяснялся тѣмъ, что мы хотѣли воспользоваться послѣднимъ пастбищемъ. Держась лѣвой стороны от-

крывавшейся съ востока долины, мы поднялись на площадку, гдѣ останавливался со своимъ караваномъ Литледэль, и здѣсь разбили палатки. Караванныя животныя Литледэля оставили здѣсь столько помета, что въ топливѣ недостатка не предвидѣлось. Пометъ сохраняется въ этихъ областяхъ удивительно хорошо, и мы сначала приняли его за свѣжій пометъ кулановъ. А между тѣмъ онъ лежалъ тутъ болѣе года. Это доказывало, что въ этихъ высокихъ поясахъ никогда не выпадаетъ дождя, а только снѣгъ и градъ. Иначе пометъ скоро измелъчился-бы, высохъ и его развѣяло-бы вѣтромъ.

И сегодня около часу дня начался градъ. Злѣйшій нашъ врагъ, однако, вѣтеръ, который подымается почти всегда въ одно и то же время дня ежедневно, приноситъ градовыя тучи и продолжается до вечера, а часто даже и всю ночь. Холодныя струи его проникаютъ въ палатку и грозятъ задуть огонь, какъ ни стараешься защитить его. Да и ложе становится такимъ холоднымъ, что, заползая въ него, попадаешь какъ будто въ ледникъ и долго, долго лежишь и щелкаешь зубами, пока, наконецъ, не согрѣбешься.

23 августа. Рано утромъ меня разбудила вьюга. Снова стояла полная зима; лошади были все въ снѣгу, торбы ихъ были пусты, и животныя смотрѣли такими скучными, усталыми. Я разбудилъ людей, и скоро караванъ былъ готовъ. Сегодня насъ ожидалъ трудный переходъ. Предстояло перейти черезъ Арка-тагъ по перевалу Литледэля, къ которому взялся проводить насъ Гамданъ бай.

Тихо подвигались мы гуськомъ по рѣчной долинь, которая стала суживаться; вмѣстѣ съ тѣмъ относительныя высоты уменьшались, а формы горъ становились болѣе округленными. Лишь въ рѣчной долинь скалы были обнажены, вообще же поверхность была вся покрыта рыхлымъ матеріаломъ. Мѣстами горная рѣчка становилась широкой и мелкой. Быстрота ея все увеличивалась по мѣрѣ того, какъ мы подымались въ гору. Хрустально-прозрачная вода весело струилась по своему покрытому тонкимъ щебнемъ руслу. Выступающая здѣсь горная порода — темнозеленый твердый кристаллическій сланецъ. Затѣмъ, рѣчная долина вновь расширилась, образуя бассейнъ, въ который стекается множество мелкихъ притоковъ.

На нѣкоторое время насъ задержала мятель, окутавшая насъ, какъ туманомъ; потомъ мы продолжали путь къ юго-востоку по рѣзко очерченной долинѣ, прорѣзанной однимъ изъ главнѣйшихъ притоковъ рѣки. Въ двухъ мѣстахъ долина развѣтвлялась. Около перваго развѣтвленія нашли остатки одного изъ членовъ экспедиціи Литледэля: высохшій трупъ осла. Его муміеобразное тѣло не подверглось разложенію; цѣлость его свидѣтельствовала также, что ни волки, ни хищныя птицы не знали сюда дороги. Итакъ, ясно было, что до сихъ поръ мы отъ самаго лагеря № VII шли по пути Литледэля.

Впереди, на OSO, и виднѣлся переваль черезъ Арка-тагъ. Но, когда я съ Эминомъ-Мирзой взошелъ на небольшой второстепенный переваль (5,580 м.), находившійся сѣвернѣе или лѣвѣе перваго, мы, къ изумленію нашему, увидѣли, что слѣды нашихъ лошадей, по обыкновенію, шедшихъ впередъ, направлялись къ сѣверу по боковой долинѣ. Я тотчасъ понялъ, что Гамданъ-бай, бывшій теперь путеводителемъ, ошибся. Караванъ, однако, былъ уже настолько далеко, что окрики наши не могли достигнуть до слуха людей.

Итакъ, послѣ краткаго обзора мѣстности, намъ не оставалось ничего другого, какъ направиться по слѣдамъ каравана, — дѣло было къ вечеру, и мнѣ не хотѣлось заночевать безъ палатки и чаю. Такъ какъ боковая долина, по которой пошелъ караванъ, подъ конецъ сворачивала къ западу, то ясно было, что Гамданъ-бай совершенно сбился съ пути. Мы съ Эминомъ-Мирзой скоро и встрѣтили караванъ, возвращавшійся обратно. Гамданъ-бай былъ очень смущенъ своей грубой ошибкой.

Не думая ни о чемъ, они шли, пока не наткнулись на свои-же собственные утренніе слѣды, описавъ такимъ образомъ полный кругъ, да еще зря перейдя черезъ переваль. Гамданъ увѣрялъ, что Литледэль какъ разъ здѣсь не на долго уклонился къ сѣверу, и что онъ, Гамданъ, сворачивая въ долину, былъ увѣренъ, что она скоро снова завернетъ къ востоку и югу. Мнѣ еще не приходилось видѣть такого неумѣнья ориентироваться, и я далъ нагоняй и Гамдану и другимъ за то, что они, какъ бараны, пошли за нимъ.

Повернувъ назадъ, мы разбили лагерь въ устьѣ боковой долины, сдѣлавъ въ этотъ день 22 килом. Тутъ не было и

слѣда подножнаго корма; только масса маленькихъ красныхъ цвѣтовъ росла между камнями.

Вечеръ, противъ обыкновенія, выдался чудесный; воздухъ былъ совершенно прозраченъ. Снѣговой покровъ и легкія облачка сіяли при свѣтѣ мѣсяца ослѣпительной бѣлизной. Во мракѣ тихо, величественно бродили, подобно призракамъ, наши верблюды, освобожденные отъ вьюковъ и тщетно искавшіе подножнаго корма. Лошадей и ословъ привязали, такъ какъ ихъ нельзя кормить, пока они не отдохнутъ часа два. Люди, исключая поваровъ, тоже прилегли отдохнуть послѣ того, какъ разбили палатки. Въ лагерѣ было тихо и спокойно, и мнѣ представился удобный случай произвести наблюденія надъ луной. Но это оказалось не такъ-то легко: холодъ былъ очень чувствителенъ (въ 9 ч. вечера—4°) и пластинка призмы-циркуля съ мелкими дѣленіями сразу покрылась инеемъ отъ дыханья; удержать-же хоть на нѣсколько минутъ въ груди дыханье въ этомъ разрѣженномъ воздухѣ было невозможно.

Когда подошелъ часъ кормежки лошадей и ословъ, они принялись ржать и топать. Имъ подвѣсили торбы съ маисомъ, и онѣ съ хрустомъ стали пережевывать сухой, жесткій маисъ. Затѣмъ, ихъ отпустили до утра бродить на свободѣ.

Какъ тихо, безмолвно на этихъ высотахъ. Мы здѣсь словно гости на чужой планетѣ. Темноглубая міровая бездна сіяетъ передъ нами за снѣжной вершиной Арка-тага. Лишь мерцаніе ночныхъ звѣздъ, медленный полетъ облаковъ и сверканье снѣжинокъ вносятъ оживленіе въ этотъ мертвый пейзажъ. Единственный звукъ здѣсь — металлическій плескъ струй рѣчки о льдинки.

Но и рѣчка отдыхаетъ ночью, затянувшись льдомъ; журчанье мало-по-малу затихаетъ. Но на утро солнышко снова пробуждаетъ рѣчку къ жизни, какъ будто напоминая, что даже среди этой мертвой природы должна идти непрестанная работа по пересозданію земной поверхности.

XVII.

Черезъ Арка-тагъ. Первое соленое озеро.

Итакъ, только 24 августа совершилось радостное событие — переваль черезъ Арка-тагъ. Двинулись мы въ путь только послѣ того, какъ Гамданъ-бай, убѣдившись самъ, увѣрилъ насъ, что маленькая долина вела дѣйствительно къ гребню хребта. Извилистый ручей журчалъ подъ ледяной корою; снѣгъ покрывалъ землю твердымъ, толстымъ ковромъ. Преобладающею горною породою являлся по прежнему сланецъ, слои котораго падали почти вертикально. Когда мы по не особенно крутому подъему достигли перевала, намъ, наконецъ, открылся желанный видъ на югъ.

Переваль оказался, однако, не тѣмъ, по которому перешелъ Литледаль; тотъ находился нѣсколько западнѣе. Обстоятельство это Гамданъ-бай могъ констатировать тѣмъ легче, что на томъ перевалѣ люди Литледаля сложили небольшой холмикъ изъ камней. Вѣроятно, въ этой части хребта много удобныхъ для перевала пунктовъ. Каждая долина ведетъ, повидимому, къ какому-нибудь перевалу. Разница въ высотѣ между самымъ переваломъ и сосѣдними частями гребня незначительна. Съ самой вершины гребня снѣгъ сметало вѣтромъ, но въ долинахъ, по обѣ стороны перевала, бѣлѣли пятна снѣга. Абсолютная высота равнялась 5,544 м.

На юго-востокъ, югъ и юго-западъ открывались широкіе горизонты. На востокъ и западъ взоръ встрѣчалъ преграды въ видѣ ближайшихъ отроговъ хребта. Южный склонъ перевала оказался гораздо круче сѣвернаго; спускъ шелъ по извилистой, узкой рѣчной долиноѣ между поперечными отрогами, идущими отъ боковъ перевала. Эти отроги гораздо короче, нежели идущіе по сѣверному склону. Они довольно обрывисты и круты и переходятъ сначала въ волнистую поверхность, а затѣмъ въ мощную, простирающуюся къ югу нагорную равнину. По равнинѣ тамъ и сямъ разбросаны въ безпорядкѣ горы; съ высоты перевала онѣ казались намъ низкими холмами.

На заднемъ планѣ тянется, уходя изъ глазъ, непрерывная, мощная темносиняя цѣпь горъ, которая, по отношенію къ широкой долиноѣ, кажется однако, сравнительно низкою. На

SO и SW возвышаются гребни и вершины, покрытые вѣчнымъ снѣгомъ. На SSW видно маленькое озерко, которое, должно быть, служить бассейномъ для стока большей части водъ данной области. Такимъ образомъ, передъ нами былъ первый, не имѣющій стока въ океанъ, бассейнъ Тибетскаго нагорья.

Послѣ долгаго отдыха, мы двинулись внизъ по южному склону перевала. Пріятно было сознавать, что мы, наконецъ, выбрались изъ Восточнаго Туркестана и изъ областей, воды которыхъ стекаютъ въ Лобъ-Норъ. Оставивъ за собою Кунь-Лунь, Арка-тагъ и бассейнъ, расположенный между ними, мы вступили уже на почву Сѣвернаго Тибета, этого высочайшаго горба земли.

Къ востоку отъ насъ простиралась безвѣстная страна; намъ только въ двухъ мѣстахъ предстояло пересѣчь маршруты: 1) Бонвалло и принца Генриха Орлеанскаго и 2) Дютрейля де Рина и Гренара. Послѣдній изъ названныхъ маршрутовъ шель, должно быть, гдѣ нибудь по сосѣдству, но намъ такъ и не удалось съ достовѣрностью опредѣлить его положеніе. Маршрутъ Лигледэля мы уже покинули. Но до областей, воды которыхъ стекаютъ въ Тихій океанъ, было еще далеко. Еще долго предстояло намъ пробить въ областяхъ, не имѣющихъ стока водъ въ океанъ.

Погода стояла пока прекрасная, и мы шли по ручью, протекавшему по южной долинь; въ настоящее время воды въ немъ было вдоволь, благодаря растаявшему снѣгу. Близъ того мѣста, гдѣ ручей выходитъ изъ горъ, мы оставили вправо отъ себя небольшую отдѣльную, рѣзко очерченную гору, послѣдній отрогъ Арка-тага.

Мы направили путь къ юго-востоку, имѣя по лѣвую руку южный отрогъ Арка-тага. Огромная часть этой горной группы простиралась передъ нами, освѣщенная солнцемъ. Виднѣлись большею частью округленные вершины, но среди нихъ выдавался одинъ очень острый и зубчатый гребень, изъ подъ снѣжной шапки котораго выступали нѣсколько черныхъ скалъ. Это и былъ тотъ раздвоенный пикъ, который мы видѣли на пути между лагерями №№ IV и V. Тогда онъ сіялъ вдали, на краю горизонта, теперь же мы благополучно оставили его позади.

Верхній почвенный слой, состоявшій всюду изъ тонкаго песку и пыли, былъ очень мягокъ и пропитанъ сыростью; нему-

дрено, что животныя наши сильно утомились. Ручей, благодаря незначительному паденію русла, текъ медленно, принималъ множество притоковъ и, заворачивая къ югу и юго-востоку, по направленію къ упомянутому озеру, описывалъ почти полукругъ у подошвы небольшой, изолированной горы, возвышавшейся на равнинѣ. Около юго-западной подошвы горы, мы, къ своему удивленію и удовольствію, нашли кое-какой подножный кормъ, которымъ животныя наши и не пренебрегли послѣ вчерашняго поста. Одинъ изъ верблюдовъ и одна лошадь были сильно изнурены, а одинъ изъ ословъ палъ на перевалѣ.

Я немедленно предпринялъ пѣшкомъ экскурсію на эту гору, откуда открывался отличный видъ, и сдѣлалъ тамъ нѣсколько набросковъ карандашомъ. Отъ фирноваго кольца на высочайшей вершинѣ Арка-тага спускалось нѣсколько небольшихъ ледниковъ, короткіе, покрытые снѣгомъ языки которыхъ были обращены къ югу.

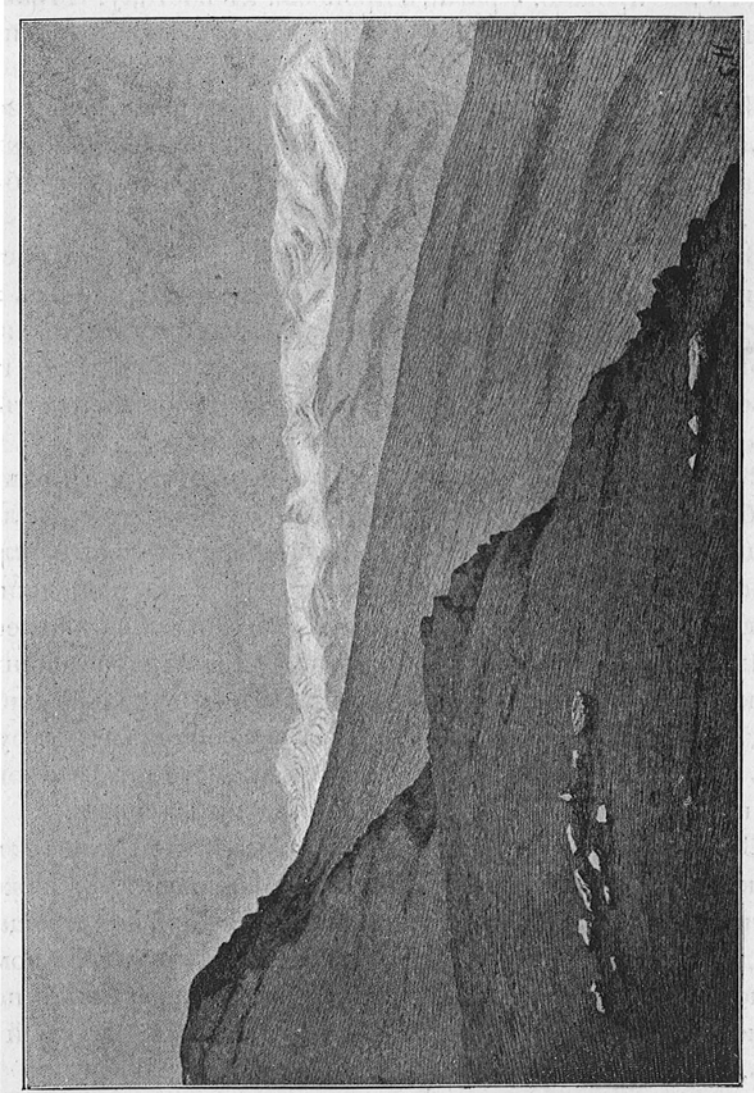
Если бросить взглядъ на востокъ, то съ лѣвой стороны окажется Арка-тагъ, уходящій легкой тѣнью въ даль, а съ правой — южный хребетъ, составляющій, какъ мы послѣ открыли, продолженіе Куку-шили. Между обоими этими хребтами шла широкая долина, очерченная на восточномъ горизонтѣ прямой, едва замѣтно падающей къ югу линіей. Оба хребта тянулись къ западу, насколько хваталъ глазъ, но ближе сюда поверхность между ними была болѣе пресѣченной.

Самая гора, на которой я стоялъ, была довольно своеобразна. На сѣверо-восточномъ и восточномъ склонахъ ея выступалъ обычный темнозеленый сланецъ, уголъ паденія котораго равнялся 16° W 315 N. Вершина же горы была покрыта почти горизонтальнымъ, мощностью всего въ 5 м., слоемъ изсиня чернаго туфа, продолговатыя и круглыя поры котораго были отчасти заполнены бѣлымъ минераломъ. Туфъ сильно вывѣтрѣлъ. Нѣсколько подобныхъ же отдѣльныхъ горъ съ туфовыми шапками виднѣлось и на югѣ.

Когда я съ Джолдашемъ вернулся къ моей славной палаткѣ, солнце закатывалось на ясномъ бирюзовомъ небѣ. Тамъ и сямъ плавали только отдѣльныя бѣловатыя облачка. Но едва верхній край солнечнаго диска скрылся за горизонтомъ, какъ на западѣ встала темная, грозная стѣна.

Въ нижнихъ слояхъ атмосферы стояла еще полная тишина,

но въ высшихъ дулъ сильный вѣтеръ. Это видно было по темнымъ свинцовымъ тучамъ, края которыхъ были окрашены закатомъ въ багровый, кровавый и фиолетовый цвѣта. Нѣкоторыя изъ тучъ казались совсѣмъ черными, другія слегка про-

Арка-тагъ, видъ на NNW съ туфоваго холма близь лагеря № XI.
(Съ рисунка автора).

свѣчивали подъ лучами солнца. Нельзя было оторваться отъ этой фантастической, зловѣщей и величественной картины.

Вотъ, нарушая покой природы, зашумѣли первые порывы вѣтра, сначала слабые, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе. Скоро

разразился настоящій ураганъ. Всѣ мои люди ухватились за веревки палатки, которую иначе унесло-бы. Градъ посыпался съ такой силой, что въ воздухѣ засвистѣло. Животныя наши, испуганно озираясь, перестали щипать траву. Но черезъ 5 минутъ все прошло. Ураганъ пронесся къ востоку. На западѣ не виднѣлось новыхъ тучъ. Спокойствіе возстановилось, и насталь чудный звѣздный вечеръ.

Но и это продолжалось недолго: къ полуночи окрестность окуталась необычайно густымъ туманомъ, который скрылъ отъ насъ даже гору, у подошвы которой расположенъ былъ нашъ лагерь.

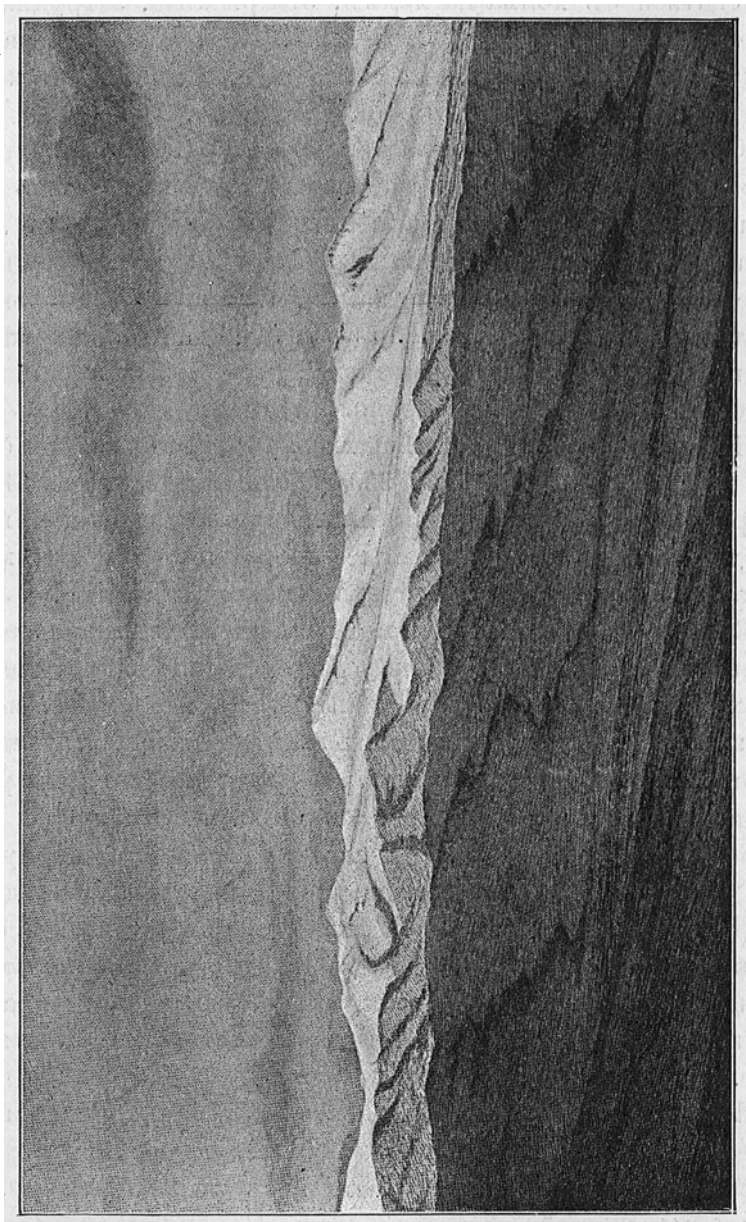
Втеченіе этой послѣдней бури и много разъ впослѣдствіи намъ казалось, что облака несутся непосредственно надъ земной поверхностью. Когда проносится „черная буря“ съ ея нависающими облачными бахромами, бѣлоснѣжное одѣяніе горъ темнѣетъ, но утромъ, когда воздухъ опять становится чистымъ, снѣгъ блеститъ какъ будто еще ярче прежняго.

25 августа. Мы направились къ юго-востоку и подвигались болѣе трехъ часовъ по почти ровной поверхности; лишь текущій къ юго-западу ручей выдавалъ незначительный уклонъ мѣстности по направленію маленькаго озера. Мы перешли черезъ три ледниковыхъ потока, развѣтвлявшихся на множество мелкихъ, то расходившихся, то опять сливавшихся ледяныхъ струекъ. Ни одна изъ нихъ не вырыла себѣ сколько нибудь опредѣленнаго, значительнаго русла. Около каждой струйки почва была пропитана сыростью настолько, что такъ и хлюпала подъ ногами лошадей, которыя часто вязли въ грязи.

Слѣдующій, пересѣкавшій намъ путь, ручей уже текъ къ востоку; такимъ образомъ мы перешли водораздѣлъ, даже не замѣтивъ его. Тамъ и сямъ попадались небольшія площадки съ подножнымъ кормомъ, на которыхъ часто виднѣлся пометъ кулановъ и антилопъ. Налѣво отъ насъ, въ разстояніи почти 3 километровъ, остался отдѣльный небольшой, круглый выступъ, покрытый туфомъ.

Впереди виднѣлось озеро, крайне неправильной формы, не больше 2 килом. въ длину, и со всѣхъ сторонъ изрѣзанное длинными, узкими заливами. Сюда впадали всѣ окрестныя ручьи. Это былъ второй бассейнъ, встрѣченный нами на пути, и мы уже съ увѣренностью могли заключить, что вся область къ

востоку между Арка-тагомъ и южной горной цѣпью представляетъ рядъ такихъ небольшихъ изолированныхъ бассейновъ.

Арка-тагъ. Видъ съ юга (недалеко отъ лагеря № XI).
(Съ рисунка автора).

Мы продолжали путь въ томъ же направленіи, но пересѣкшій намъ дорогу длинный, узкій заливъ, заставилъ насъ свернуть къ югу, и вскорѣ мы перешли черезъ обильный водой

ручей, впадавшій въ заливъ. Поверхность становилась все болѣе пресѣченной, и намъ то и дѣло приходилось подыматься и спускаться съ холма на холмъ; эти рыхлые, затруднявшіе движеніе холмы тянулись NO — SW. Позади насъ и налѣво отъ насъ еще сіяли ледники Арка-тага, и разстояніе между ими и нами увеличивалось крайне медленно.

Южная цѣпь горъ была теперь видна лишь съ вершинъ холмовъ. Ручьи струились въ разныя стороны, словно сами не знали хорошенко, куда течь. Выступалъ здѣсь лишь кое-гдѣ черный сланецъ; плиты его высывались иногда изъ земли, словно могильные камни. Къ нашему удивленію и радости, мы нерѣдко встрѣчали въ теченіе дня тощія лужайки, поросшія травой, называемой таглыками „сарыкъ“ или „яй-лакъ-сарыкъ“ (желтый подножный кормъ).

Дальше, по холмамъ и рѣчкамъ, направлявшимся къ озеру ОНО, мы достигли довольно значительной долины съ рѣкою, на берегу которой пасся дикій якъ, первый увидѣнный нами. Рѣка дѣлала удивительно крутые завороты къ востоку, югу и юго-западу, омывая гору съ очень крутыми склонами.

Взойдя на ея вершину, мы не знали, въ какую сторону направиться, такъ какъ всюду виднѣлась сильно пресѣченная поверхность — настоящій лабиринтъ горъ и холмовъ, между которыми по всѣмъ направлѣніямъ извивались ручьи. Въ концѣ концовъ они, однако, сливались, образуя порядочную рѣку, притокъ воды въ которой равнялся 5 куб. м. въ секунду; рѣка эта, вырывъ себѣ глубокое русло, текла къ юго-западу. На насъ, привыкшихъ въ восточномъ Туркестанѣ къ одному опредѣленному направленію всѣхъ ручьевъ и рѣчекъ, стремившихся къ одной цѣли — Лобъ-Нору, эта неправильность и разнообразіе орографическихъ условій производили странное впечатлѣніе. Здѣсь воды текли то къ востоку, то къ западу, то къ югу, то къ сѣверу.

Поэтому мы и не могли составить себѣ точнаго представленія о томъ, куда затѣмъ направится послѣдняя рѣка. Но мы всетаки спокойно продолжали путь къ юго-востоку, подымаясь по крутой рѣчной долинѣ. На скудно поросшихъ травой склонахъ, въ такомъ изобиліи валялся пометъ яковъ и кулановъ, что топлива тутъ хватило-бы на цѣлые годы. Не было недостатка и въ свѣжихъ слѣдахъ животныхъ.

Наконецъ, мы достигли вершины этой возвышенности и внизу, подъ нами, развернулась поразительно величественная картина. По ту сторону, гора крутымъ обрывомъ спускалась къ необычайно большому озеру, тянувшемуся W—O. Вода въ озерѣ отливала чудными свѣтлозелеными тонами, въ мелкихъ же мѣстахъ желтыми. Нелегко было рѣшить, въ какую сторону намъ направиться, такъ какъ восточный склонъ горы, повидимому, падалъ почти отвѣсно въ озеро, вдали на западѣ разстилалось болото, а на югѣ все еще тянулось озеро.

Поразмысливъ, рѣшили сдѣлать привалъ и обследовать мѣстность. Караванъ осторожно спустился по крутизнамъ къ сѣверному берегу озера, и люди отыскиали между холмами нѣсколько болѣе защищенное отъ вѣтра мѣстечко для лагеря. Дулъ какъ разъ сильный вѣтеръ съ SO, дававшій мнѣ себя чувствовать, когда я сидѣлъ на вершинѣ, занятый своими набросками и наблюденіями.

Видъ открывался широкой. На юго-востокѣ виднѣлись снѣжныя горы. Къ югу отъ озера поверхность, повидимому, становилась менѣе пресѣченной, за то тамъ виднѣлись еще три маленькихъ озера. Почва между ними была сырая, топкая. Поэтому я поручилъ Исламъ-баю направиться къ востоку по берегу озера, чтобы узнать, можетъ ли тамъ пройти нашъ караванъ. Возвратившись, Исламъ донесъ, что никакихъ препятствій нѣтъ.

Едва мы улеглись на покой, какъ поднялась обычная буря съ запада, сопровождавшаяся на этотъ разъ ливнемъ. До сихъ поръ намъ не приходилось страдать отъ недостатка воды, чего мы опасались, выстукая въ путь. Вода повсюду находилась въ избыткѣ, да и подножный кормъ попадался не такъ ужъ рѣдко, какъ увѣряли насъ таглыки, можетъ быть, желая насъ напугать. Около вновь открытаго озера трава росла сравнительно недурная.

Люди попросили поэтому разрѣшенія отдохнуть здѣсь денекъ. Желаніе ихъ было тѣмъ основательнѣе, что нѣкоторые изъ лошадей и ословъ были порядкомъ изнурены, а одного изъ верблюдовъ и вовсе пришлось покинуть на полпути около прѣсноводной лужи. Гамданъ-бай, присматривавшій за верблюдами, полагалъ, что у животнаго лихорадка, такъ какъ оно дрожало всѣмъ тѣломъ, кашляло и 4 дня не догрозивалось

до маиса. Двоимъ изъ людей и поручено было въ теченіе дня отдыха вернуться къ оставленному верблюду и посмотрѣть, въ какомъ онъ положеніи.

Громъ грохоталъ въ окрестныхъ горахъ, и тучи неслись по обыкновенію къ востоку.

Отдыхъ явился желаннымъ и для людей и для животныхъ, такъ какъ силы страшно падали въ этомъ рѣдкомъ воздухѣ, къ которому не скоро можно привыкнуть. Утромъ больной верблюдъ былъ приведенъ въ лагерь № XII и сталъ ѣсть маисъ.

Парпи-бай настаивалъ, что это не то озеро, мимо котораго прошелъ Дютрейль-де-Ринъ. Но я, хоть и немного зналъ о его путешествіи, полагалъ всетаки, что это то самое. Абсолютная высота озера = 4,927 м.

Послѣ обѣда погода испортилась и помѣшала экскурсіи на западъ къ устью рѣки. Ливень и градъ не переставали до самыхъ сумерекъ. Окрестность была окутана осеннимъ туманомъ; нельзя было даже видѣть, что находится на берегу большого озера. Вѣроятно, осень является здѣсь временемъ наиболѣе обильнаго выпаденія осадковъ. Вечеромъ прояснилось, туманъ разсѣялся, воздухъ сталъ прозрачнымъ, зеркальная поверхность озера отливала самыми красивыми тонами, а горы на югѣ высились, словно стѣны сине-стального цвѣта.

Таглыковъ, бѣжавшихъ изъ лагеря № VIII, мы каждый вечеръ связывали и укладывали спать подъ толстыми кошмами, между мѣшками съ кормомъ для животныхъ; мы постоянно могли ожидать, что они вторично попытаются сбѣжать отъ насъ. Вожакъ ихъ такъ настойчиво просился теперь домой, что я, не имѣя въ немъ особенной нужды, согласился отпустить его. Я только опасался, что онъ не осилитъ долгаго пути, но онъ сказалъ, что отыщетъ на сѣверныхъ склонахъ Арка-тага золотоискателей. Я выдалъ ему порядочный запасъ хлѣба, муки, денегъ, подарилъ осла, и онъ остался очень доволенъ.

Остальные таглыки предпочитали сопровождать насъ до Цайдама и оттуда уже черезъ Чиментъ-тагъ или Бокалыкъ вернуться во свояси. Поведеніе ихъ въ послѣднее время было такъ удовлетворительно, что я велѣлъ съ этихъ поръ оставлять ихъ спать на свободѣ.

27 августа мы выступили въ путь къ востоку, слѣдуя по сѣверному берегу озера, а уволенный таглыкъ, нагруживъ на

своего осла продовольствіе, рассчитанное на 2 недѣли, одинъ, какъ перстъ, побрелъ на западъ по нашимъ старымъ слѣдамъ. Мнѣ жаль было бѣдняка, которому предстоялъ такой длинный путь въ одиночествѣ, но самъ онъ былъ радъ-радешенекъ отвязаться отъ насъ. Чтожъ, онъ самъ попалъ въ яму, которую рылъ другимъ; оказалось, что насъ не такъ то легко было ограбить, какъ онъ думалъ.

Больной верблюдъ оправился и съ честью выдержалъ переходъ.

Для животныхъ сегодняшній переходъ былъ особенно легокъ, такъ какъ мы держались береговой линіи и избѣгали холмовъ. Скалы изъ зеленого сланца, окаймлявшія сѣверный берегъ озера, круто спускались въ воду, но у подножія ихъ образовался щелбневый конусъ, который и заходилъ на порядочный конецъ въ мелкую воду. Береговая полоса стала затѣмъ пошире, но въ общемъ была всетаки очень узка. Верхній почвенный слой былъ твердъ; лишь изрѣдка его прорѣзали мелкія русла водныхъ потоковъ. Вода была совершенно прозрачная, соленого вкуса; температура ея въ полдень равнялась 5° (температура воздуха 15, 5°). По водѣ вдоль берега тянулася узкая полоса бѣлой пѣны и темнокоричневыхъ, перегнившихъ водорослей, выброшенныхъ волнами. Единственными обитателями береговъ были трясогузки и мухи. Къ востоку и западу открывались чудныя панорамы.

Какъ и всѣ озера, открытыя нами впоследствии, это озеро было длинно и узко; такая форма обусловливается широтными горными цѣпями на сѣверѣ и югѣ. Чѣмъ дальше мы подвигались на востокъ, тѣмъ болѣе неправильною и изрѣзанною становилась береговая линія. Тамъ и сямъ встрѣчались небольшія лагуны съ илистыми берегами. Наконецъ, озеро сузилось въ заливъ; вода въ немъ была изжелта красноватаго цвѣта отъ ила, приносимаго рѣкой. Переваливъ черезъ нѣсколько холмовъ, мы достигли рѣки, которая впадала въ озеро множествомъ маленькихъ и большихъ рукавовъ, образовывавшихъ дельту.

На лѣвомъ берегу возвышались красноватые, рыхлые и бесплодные холмы, и мы направились по нимъ къ юго-востоку, но скоро почва стала настолько рыхлой, что животные еле могли подвигаться по ней со своими выюками. Мы поэтому

направились по боковой долинь кѣ рѣкѣ и затѣмъ вдоль по рѣкѣ до водораздѣла. По ту сторону его вода текла кѣ востоку. Здѣсь застигла насъ обычная непогода, продолжавшаяся съ часъ.

Въ теченіе дня мы имѣли по лѣвую руку, т. е. на сѣверѣ, свободныя отъ снѣга горы, отроги Арка-тага. Но изъ лагеря № XIII, который мы разбили вечеромъ въ защитѣ одного изъ холмовъ, мы увидѣли ослѣпительно бѣлую раздвоенную вершину, господствовавшую надо всеми остальными.

Кулановъ мы видѣли множество, но они держались отъ насъ въ такомъ разстояніи, что объ охотѣ за ними не могло быть и рѣчи. Джолдашъ, однако, былъ другого мнѣнія. Онъ пускался за ними и находилъ, повидимому, безграничное наслажденіе въ томъ, что обращалъ ихъ въ бѣгство. Эти охотничьи экскурсіи онъ предпринималъ безпрестанно и всякій разъ неизмѣнно возвращался къ каравану, высунувъ языкъ. Презабавно было смотрѣть на него, когда онъ, бывало, завидитъ кулановъ. Навостривъ уши, съ блестящими глазами, сидѣлъ онъ сначала смирно, не отрывая отъ нихъ взгляда. Затѣмъ медленно направлялся въ ту сторону и, наконецъ, пускался во всю прыть. Какъ только пугливые куланы замѣчали собаку, они уносились съ быстротой вѣтра, и въ нѣсколько секундъ оставляли его далеко позади. Но Джолдашъ не умнѣлъ отъ этихъ опытовъ и каждый разъ, завидѣвъ новаго кулана, начиналъ свою погоню опять, напрасно тратя силы.

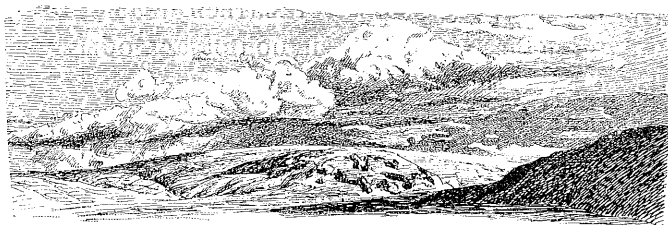
Теперь, когда мы расположились лагеремъ, собаки съ нами не оказалось. Сначала я подумалъ, что она устала и идетъ съ верблюдами, но и верблюды пришли, а Джолдаша все не было. Люди видѣли, какъ онъ, преслѣдуя нѣсколькихъ кулановъ, скрылся за горой направо отъ нашего маршрута. Мы и начали опасаться, что онъ слишкомъ увлекся погоней, потерялъ слѣды каравана и заблудился.

Я послалъ одного изъ людей къ тому мѣсту, гдѣ потеряли собаку изъ виду; кстати по близости оттуда оставленъ былъ больной оселъ; человекъ вернулся, однако, съ заявленіемъ, что собаки нигдѣ не видалъ, осла же надо бросить, такъ какъ онъ околѣвалъ. Напротивъ, двѣ больныя лошади, которыя тоже отказались идти, оправились. Бодрѣе всехъ животныхъ были верблюды.

Вотъ и вечеръ насталъ. Я напился чаю, поужиналъ хлѣбомъ и пилавомъ и выкурилъ пару трубокъ, занимаясь работой, но мнѣ все какъ-будто чего-то не доставало. Джолдашъ былъ первымъ моимъ товарищемъ, ѣлъ и спалъ рядомъ со мной.

Въ три часа утра я проснулся: кто-то тыкался о мою постель. Это былъ Джолдашъ. Онъ визжалъ отъ восторга, махалъ хвостомъ и лизалъ меня прямо въ лицо. Бѣдняга, должно быть, пробѣгалъ весь вечеръ и всю ночь, отыскивая наши слѣды, и до того обезсилѣлъ, что не могъ даже ѣсть, а прямо съ какимъ то блаженнымъ вздохомъ растянулся на своемъ обычномъ мѣстѣ.

28 августа шли по совершенно ровной мѣстности, и животные, за исключеніемъ двухъ больныхъ лошадей, подвига-

Видъ на SO изъ лагеря № XIV.

(Съ рисунка автора).

лись отлично. — Южная цѣпь горъ рисовалась отчетливо; ея снѣжныя поля не такъ значительны, какъ на Арка-тагѣ. Сегодня мы также перешли черезъ низкій перевалъ, свидѣтельствовавшій, что вчерашній водораздѣлъ былъ второстепеннымъ, такъ какъ большая извилистая рѣка, по которой мы шли, дѣлала заворотъ къ сѣверу отъ него. Теперь, напротивъ, вода текла къ востоку въ совсѣмъ маленькое, прѣсноводное озерко. Къ востоку отъ небольшого перевала простиралась широкая и неглубокая долина, казавшаяся совершенно ровною. Только сухая борозда, оставленная высохшимъ потокомъ, обнаруживала паденіе долины.

Вся эта область богата пастбищами, и куланы водятся здѣсь въ изобиліи. Они ходятъ маленькими стадами въ 3, 4 головы. Въ продолженіе 2 часовъ мы видѣли впереди себя красиваго кулана — одиночку, съ маленькимъ ослинымъ

хвостикомъ. Куланъ бѣжалъ то рысью, то галопомъ, высоко поднявъ голову, сохраняя красивую осанку и держа насъ позади на приличной дистанціи.

Часто онъ останавливался, оборачивался и смотрѣлъ на насъ, издавая какой то своеобразный, хриплый звукъ, похожій на крикъ осла. Но едва мы нѣсколько приближались, онъ снова отбѣгалъ на порядочное разстояніе, и такъ разъ за разомъ, словно указывая намъ путь.

Косматый Джолдашъ, наконецъ, погнался за нимъ, но замѣчательно: куланъ не испугался, а даже остановился и уставился на собаку, которая была такъ озадачена этимъ, что присѣла. А куланъ, какъ будто забавляясь, самъ ринулся прямо къ Джолдашу, и насталь его чередъ спасаться. Поджавъ хвостъ, мой песъ пустился со всѣхъ ногъ къ каравану.

Поверхность продолжала оставаться необычайно ровною. Въ 1½ ч. дня начался градъ, и поднялась обычная буря съ запада. Непогода раздражается регулярно каждый день почти въ одно время, словно слѣдитъ за нимъ по часамъ.

Наконецъ, мы свернули къ юго-востоку къ одѣтымъ зеленю холмамъ, которые манили насъ отдохнуть. И здѣсь оказалось озерко, въ которое впадало нѣсколько небольшихъ ручейковъ. Приваль сдѣлали на южномъ его берегу, пройдя въ этотъ день 26,6 килом.

Вода въ озерѣ оказалась чуть солоноватой, но имѣла какой то неприятный привкусъ, такъ что пить ея нельзя было. Исламъ отправился на охоту за куланами, но вернулся ни съ чѣмъ. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ, ни звука не долетало до нашего одинокаго лагеря: мы были одни среди этой безграничной пустыни.

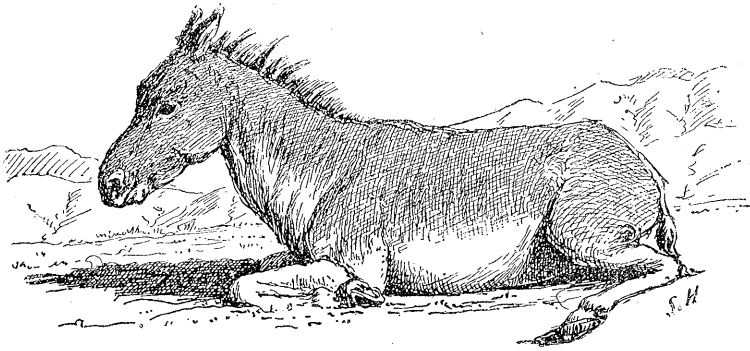
ХVIII.

Куланы и дикіе яки.

29 августа. Пересѣкли рядъ холмовъ, ограничивавшихъ озеро съ востока, и хрустальную горную рѣчку и очутились въ широкой рѣчной долинѣ съ твердымъ щебневымъ ложемъ, удобнымъ для ходьбы. Новое озеро тянулось влѣво; впадав-

шая въ него на западѣ рѣчка образовала обширную дельту. Остальную часть озера скрывалъ невысокій хребетъ съ округленными вершинами; по правую руку отъ насъ шель такой-же; мѣстами въ немъ виднѣлись и снѣжныя вершины.

Въ скудно поросшей травой впадинѣ между хребтами мы спугнули красиваго кулана, который, по обыквенію этихъ животныхъ, и побѣжалъ галопомъ впереди каравана, преслѣдуемый собаками. На послѣднихъ онъ, впрочемъ, не обращалъ вниманія, зато, приостанавливаясь, каждый разъ съ большимъ вниманіемъ и удивленіемъ тарачился на караванъ, причемъ навастривалъ уши, раздувалъ ноздри и высоко поднималъ голову. Исламъ-баю удалось, забравъ въ обходъ, подкрасться къ нему на выстрѣлъ. Данные имъ по кулану два выстрѣла не

Подстрѣленный куланъ.

(Съ рисунка автора).

причинили, однако, никакого вреда животному. Куланъ отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ, потянулъ носомъ и опять устремилъ на насъ недоумѣвающіе и любопытные глаза. Послѣ третьяго выстрѣла онъ повернулся и, прихрамывая, медленно побѣжалъ къ востоку, оставляя за собой кровавый слѣдъ. Итакъ, онъ былъ раненъ; надо было, во что бы то ни стало, добыть его шкуру. Куланъ сталъ нашимъ путеводителемъ и завелъ насъ къ сѣверу гораздо далѣе, чѣмъ это было желательно. Правая прострѣленная нога его висѣла, болтаясь въ воздухѣ; тѣмъ не менѣе онъ далеко оставилъ позади всѣхъ насъ и даже собакъ, хотя онѣ неслись стрѣлою.

Исламъ и Парни погоняли своихъ лошадей изо всѣхъ силъ. Я и Эминъ-Мирза ѣхали обыкновенной рысью по ихъ

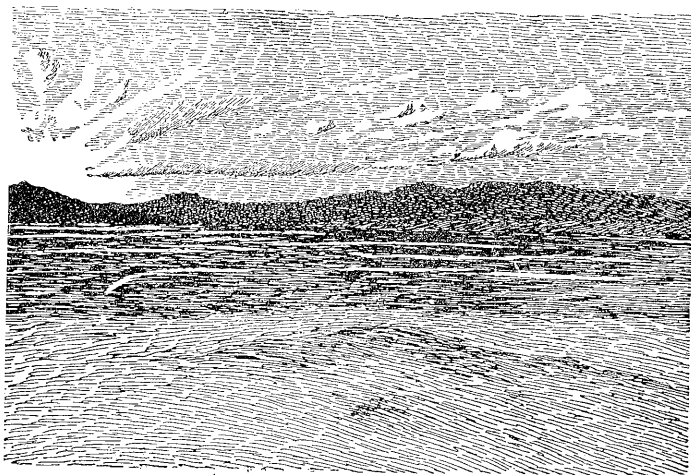
слѣдамъ. Время отъ времени куланъ останавливался, и въ этомъ мѣстѣ образовывалась цѣлая лужа крови. Ясно было, что долго онъ не выдержитъ, и мы терпѣливо продолжали преслѣдованіе въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ.

Подъ конецъ, куланъ некстати вздумалъ покинуть удобную долину и направиться налѣво по холмамъ. По правую руку отъ насъ осталось новое соленое озерко, а съ восточнаго края вершины увала было видно озеро побольше, по южному берегу котораго мы только что слѣдовали. Продолжая ставшую теперь затруднительною погоню, мы достигли небольшого перевала, сѣверо-восточный склонъ котораго круто спускался къ ровному, какъ поле „саю“, прорѣзанному рѣчкой, впадавшею въ озеро нѣсколькими рукавами. Наконецъ, посреди болота, находившагося на ровной песчаной поверхности между рукавами рѣчки, куланъ упалъ. Исламъ и Парпи, слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ, соскочили съ коней и спутали ему ноги. Подъѣхавъ, мы и увидали его живехонькаго, лежащимъ въ самой естественной позѣ. Онъ поглядывалъ на насъ, видимо, не испытывая особеннаго страха. Иногда онъ пытался встать и сдѣлать нѣсколько шаговъ, но тотчасъ же падалъ, такъ какъ переднія ноги его были спутаны. Бабка правой задней ноги была прострѣлена, такъ что кость обнажилась. Это былъ чудесный экземпляръ, рослый, статный жеребецъ, очевидно, вожакъ стада, которое мы видѣли незадолго передъ тѣмъ. Должно быть, въ силу своей обязанности быть на сторожѣ, оберегать стадо, онъ, желая узнать, въ чемъ тутъ дѣло, и ушелъ отъ стада такъ далеко. По зубамъ ему можно было дать около 9 лѣтъ.

Въ общемъ куланъ больше всего напоминаетъ мула и представляетъ переходную стадію отъ лошади къ мулу, но ближе подходит къ послѣднему. Уши у него длиннѣе, чѣмъ у лошади, но короче ослиныхъ; хвостъ, съ пучкомъ волосъ на самомъ концѣ, похожъ на ослиный. Грива тоже вродѣ ослиной, торчащая, длиною до одного десиметра, чернаго цвѣта, рѣдкая; холка переходитъ въ почти черную линію, продолжающуюся вдоль хребта до хвоста. Спина кулана бураго цвѣта, брюхо бѣлаго; на бокахъ бурая окраска переходитъ понемногу въ бѣлую. Носъ острый, уши темныя, внутри бѣлыя. Ноги, начиная съ голеней, тоже бѣлаго цвѣта. Крѣпкія,

но не совѣмъ твердыя копыта величиною съ лошадиныя. Глаза каріе, съ большимъ, чернымъ зрачкомъ той же формы, какъ у лошади и у осла.

Грудь широкая и сильно развитая, шея также мускулистая. Особенно сильно развиты мускулы заднихъ ногъ, приспособленныхъ къ быстрому бѣгу. Ноздри гораздо шире, чѣмъ у лошади. Когда куланъ время отъ времени, чуя своихъ товарищей, фыркалъ и хрипло ржалъ, ноздри его раздувались въ большія отверстія, окруженные сильно напряженными мускулами.

Солнечный закатъ. Видъ изъ лагеря № XV. (За невысокимъ хребтомъ лежитъ озеро № 5).

(Съ рисунка автора).

Вообще широкія ноздри кулана соотвѣтствуютъ его объемистымъ легкимъ, приспособленнымъ къ разрѣженному воздуху. Поэтому персы не даромъ разрѣзаютъ ноздри домашнимъ осламъ, употребляемымъ для переноски тяжестей въ горахъ. Опытъ показалъ, что тогда животнымъ легче дышится.

У нашего кулана былъ, если можно такъ выразиться, орлиный носъ въ сравненіи съ носомъ осла, и болѣе изогнутый профиль. Изъ подъ бровей смотрѣли кроткіе, спокойные глаза. Длина его, отъ края верхней губы вдоль хребта до рѣпицы, равнялась 2.31 м., обхватъ туловища сейчасъ за передними ногами 1.47, а передъ задними 1.60 м.; вокругъ

шеи сейчасъ за ушами 0.80 м., а передъ ними 0.89 м. Обхватъ головы поверхъ глазъ 0.86 м., а поверхъ носа 0.47 м. Длина головы отъ темени до края верхней губы 0.65.

Пока его мѣрили и затѣмъ я срисовывалъ, онъ лежалъ смирно, какъ будто не чувствуя боли отъ раны. Его гладили по мордѣ, и онъ не выказывалъ страха.

По окончаніи осмотра и обмѣриванья, бѣдное животное однимъ ударомъ ножа было освобождено изъ плѣна. Потомъ люди сняли съ него шкуру, которую съ величайшею осторожностью растянули и разстелили для просушки на землѣ. Отъ туши отдѣлили лучшіе куски мяса, остальное отдали собакамъ.

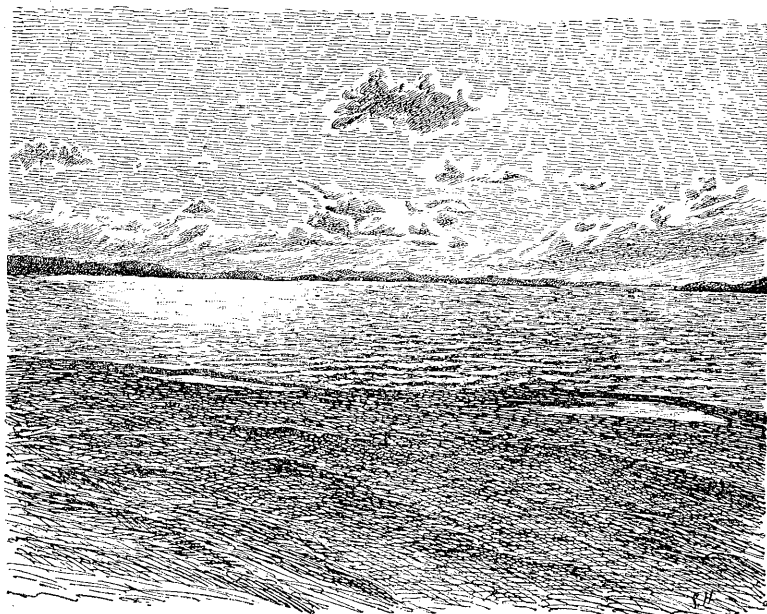
Лагерь № XV мы разбили, сдѣлавъ 25 килом., около подошвы ближайшаго холма и, такъ какъ людямъ пришлось много повозиться со шкурой кулана, да и животныя наши были изнурены, то рѣшили пожертвовать слѣдующій день на отдыхъ; кстаги-же приходилось воскресенье.

Западный вѣтеръ и буря, однако, не оставили насъ въ покоѣ и сегодня. Началась непогода, какъ и всегда въ 1½ пополудни. Вечеръ, однако, былъ великолѣпный, и закатъ представлялъ величественное зрѣлище. Горы и холмы на западѣ рисовались черными силуэтами, а высоты на востокѣ горѣли, какъ въ огнѣ.

Въ теченіе отдыха, 30 августа, всѣ постарались хорошенько выспаться; животныя мирно паслись на холмахъ. Я предпринялъ экскурсію къ большому озеру, лежавшему къ западу отъ лагеря.

Горныя рѣчки впадаютъ здѣсь въ небольшую лагуну, которая соединена съ озеромъ узенькими протоками. Вода въ озерѣ такъ насыщена солью, что липнетъ къ рукамъ, но совершенно прозрачна. На берегу у самой воды сидѣло множество бѣлыхъ чаекъ, которыхъ люди называли „хангейтами“; волны то и дѣло обдавали ихъ. Верхній почвенный слой состоялъ изъ сланцеваго щебня и крупнозернистаго песку—продуктовъ разложенія того-же самаго зеленаго сланца, который и до сихъ поръ попадался намъ въ изобиліи. Двумя метрами выше уровня воды явственно выступала береговая линія. Но трудно было рѣшить, обозначала-ли она лѣтній уровень воды или же была отмѣчена набѣгающими волнами. Въ томъ, что волны

могли достигать такой силы и высоты, мы имѣли случай убѣдиться теперь-же, такъ какъ по всему озеру ходили пѣнистыя волны, мѣрно, съ шумомъ ударявшіяся о берега. Вода въ 3 ч. пополудни имѣла температуру 13.3° , при температурѣ воздуха 11.3° . Окруженное, словно рамкой, неособенно высокими горами, озеро лежало почти на одной высотѣ съ лагеремъ № XV, т. е. на высотѣ 4,936 м. Чтобы разобраться

Большое соляное озеро около лагеря № XV. Видъ на западъ.

(Съ рисунка автора).

въ этихъ вновь открытыхъ озерахъ, я рѣшилъ ихъ нумеровать. Это озеро явилось № 5*).

31 августа мы нашли недалеко къ востоку отъ лагеря совсѣмъ маленькое прѣсноводное озеро, въ которое впадалъ ручей изъ ледниковъ Арка-тага. Налѣво отъ насъ находился темный хребетъ, и мы повернули направо къ OSO по округленнымъ, поросшимъ травою холмамъ. Они вели къ новой продольной долиинѣ, бѣдной влагою, но кое-гдѣ поросшей травою и кишѣвшей куланами, антилопами и зайцами.

*) Нѣкоторыя изъ озеръ были такъ малы, что я не нанесъ ихъ на приложенную карту.
(Примч. автора).

Миновавъ озеро № 8, мы достигли небольшого водораздѣла. Незначительныя борозды и ручейки по восточную сторону его направлялись къ озеру № 9. Оно представляетъ изолированныйъ центральный бассейнъ, такъ какъ большіе ручьи, стекающіе съ Арка-тага и параллельнаго послѣднему южнаго хребта, обходятъ озеро.

Гребень перваго изъ названныхъ хребтовъ прятался сегодня за собственными отрогами, въ которыхъ часто выдѣлялись своей бѣлизной великолѣпныя снѣжныя вершины. Съ нихъ стекала довольно многоводная рѣка, направлявшаяся къ NO, къ озеру № 10. Лагерь № XVI мы разбили около родника, пройдя въ этотъ день 30 кил.

Изъ лагеря виденъ былъ на OSO величественный пикъ горы съ колоссальнымъ снѣжнымъ полемъ и маленькими ледниками; на западѣ отъ него виднѣлся цѣлый рядъ вершинъ.

Животныя наши были сравнительно бодры, благодаря ровной поверхности и, хотя и скудному, подножному корму. Нѣсколькихъ ословъ пришлось, впрочемъ, покинуть здѣсь.

1-го сентября мы сначала шли по низкому, ровному увалу; твердая поверхность его была бы очень удобной для нашихъ животныхъ, еслибы не была вся изрыта маленькими грызунами, которые съ пескомъ скрывались въ ямкахъ. Лошади то и дѣло оступались въ эти ямы.

Высокія горныя вершины, которыя во время нашего перехода по направленію къ востоку шли по обѣ стороны нашего маршрута, я отмѣчалъ на своей картѣ буквами, опредѣляя ихъ положеніе посредствомъ пеленгованья съ различныхъ пунктовъ. Сегодня, когда мы дошли до одной изъ этихъ горъ, зеленый сланецъ исчезъ. Взамѣнъ, голая поверхность на большемъ протяженіи оказалась усѣянной обломками туфа, мощностью до нѣсколькихъ куб. фут.; такой туфъ мы уже видѣли раньше.

Часто попадались небольшія стада, головъ въ 5-6, антилопъ — „юргу“ или, какъ ихъ называютъ тибетцы, „оронго“. У этихъ животныхъ высокіе, тонкіе лирообразные рога. Какъ ни старался Исламъ подобраться къ нимъ на выстрѣлъ, толку не вышло; мы такъ и не добыли ни одной. Онѣ внимательно поглядывали на насъ и затѣмъ легкими, граціозными прыжками уносились по холмамъ вдаль.

За горой опять показалась нѣжная, густая трава. Поверхность такъ была усѣяна пометомъ дикихъ яковъ, что казалась вся въ бурыхъ пятнахъ. Люди подбирали по дорогѣ этотъ отличный матеріаль для топлива въ пустые мѣшки, болтавшіеся по бокамъ верблюдовъ. Благодаря сносной поверхности, мы прошли цѣлыхъ 33 килом. прежде, чѣмъ остановиться на привалъ въ лагерѣ № XVII.

2 сентября мы держались довольно близко къ южному хребту. Открыли нѣсколько новыхъ озеръ. Горныхъ породъ *in situ* не было видно; зато поверхность была усѣяна обломками зеленаго сланца и чернаго туфа. Представителями мѣстной фауны явились нѣсколько антилопъ, лисица, ласточки и жаворонки. Но самымъ интереснымъ открытіемъ были найденные нами здѣсь слѣды пребыванія людей.

Въ одномъ мѣстѣ южный хребетъ былъ точно обрѣзанъ, и въ свободномъ пространствѣ возвышалась куполообразная гора со снѣжной вершиной; на западной сторонѣ горы виднѣлся удобный переваль черезъ хребетъ. Когда эта

Бѣлая чайка (хангейтъ).

(Съ рисунка автора).

часть хребта находилась на прямой линіи къ югу отъ насъ, ко мнѣ подѣхалъ Парпи-бай и сказалъ, что узнаетъ это мѣсто. По его словамъ, здѣсь именно и перешли „Боволо-тюря“ (господинъ Бонвалло) съ принцемъ Орлеанскимъ.

Пройдя порядочный конецъ, мы спустились въ широкую, неглубокую долину съ нѣсколькими небольшими озерами и болотомъ. По моимъ соображеніямъ, мы должны были находиться неподалеку отъ маршрута знаменитой французской экспедиціи и, когда я провѣрилъ свои догадки, по бывшей у меня картѣ Бонвалло, оказалось, что мы какъ разъ на томъ же самомъ пути. И самый заворотъ красной линіи, отмѣчающей этотъ маршрутъ, сталъ теперь вполне понятнымъ.

На картѣ Бонвалло не были, однако, отмѣчены необходимыя подробности; но, безъ сомнѣнія, его *Dôme du Sature* со-

отвѣтствовалъ моеѣ горѣ Д, а его Volcans de Ruysbrock — чернымъ горамъ съ шапками туфа, обломки котораго виднѣлись повсюду. Упомянутыя озера и болота обозначены на французской картѣ названіемъ „Fondrières et lacs gelés“. —

Верблюды наши пошли не той дорогою, какой слѣдовало, уклонившись къ сѣверо-востоку, и я послалъ Парпи-бая въ догонку за ними съ тѣмъ, чтобы онъ повелъ верблюжій караванъ къ югу по тому-же направленію, которое взяли лошади.

Въ широкой долинѣ одинъ изъ людей сдѣлалъ находку, ясно доказывавшую, что мы дѣйствительно пересѣкли здѣсь маршрутъ французовъ, а именно, онъ нашелъ старый верблюжій пометъ и нѣсколько кусковъ бѣлаго войлока, изъ котораго дѣлаютъ попоны, предохраняющія спины верблюдовъ отъ тренія вьючнымъ сѣдломъ.

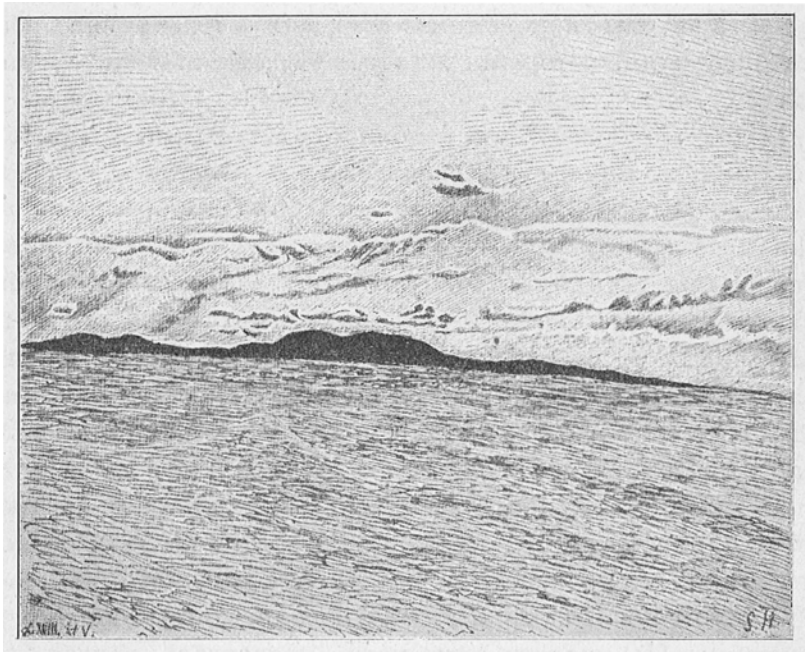
Мы взяли ихъ съ собою, чтобы показать Парпи-баю, который затѣмъ и удостовѣрилъ, что именно такой сортъ войлока изготовляется въ Чархалыкѣ, гдѣ французы запаслись войлоками. Припомнилъ онъ также, что французскій караванъ останавливался тутъ передъ тѣмъ, какъ направиться къ перевалу. Для меня было очень важно опредѣлить пунктъ, гдѣ маршруты наши скрещивались, такъ что оставленныя французами визитныя карточки явились для насъ пріятной находкой.

Около озера № 14 мы разбили лагерь № XVIII (прошли 28,4 кил.; абсолютная высота 5,106 м.). Отсюда видна была на OSO цѣлая масса пирамидальныхъ вершинъ и ледниковъ, и люди опасались, что они преградятъ намъ путь. Бѣдныя животныя наши начали поддаваться. Пришлось бросить одну лошадь, три другихъ были въ такомъ плохомъ состояніи, что и безъ вьюковъ еле тащились съ ослиами; еще одна совсѣмъ изнемогла отъ усталости.

Въ теченіе всего вечера и ночи о Парпи-баѣ не было ни слуху, ни духу, и отсутствіе его и верблюдовъ начало уже тревожить насъ. Рѣшили поэтому простоять на мѣстѣ весь день 3 сентября. Утромъ пропавшіе вернулись. Оказалось, что имъ пришлось бросить еще одну лошадь и осла. Одна изъ козъ тоже выбилась изъ силъ, и ее закололи. Верблюды же и остальные животныя были сравнительно бодры и принялись теперь на свободѣ щипать траву.

Рано утромъ Исламъ-бай увидалъ корову яка съ двумя

телятами, которые паслись по ту сторону озера. Вооружась однимъ изъ нашихъ ружей, онъ направился туда верхомъ. Около обѣда онъ вернулся и съ гордостью объявилъ, что влѣпилъ коровѣ двѣ пули, изъ которыхъ одна пробила ей хребетъ. Онъ привязалъ свою лошадь и затѣмъ ползкомъ подкрался къ животнымъ. Неопытные телята не подозрѣвали опасности, и мать, желавшая спасти ихъ, легко сдѣлалась добычей охотника. Когда же она упала, телята скрылись за ближайшими холмами.

Видъ на западъ изъ лагеря № XVIII.

(Съ рисунка автора).

Послѣ обѣда, подъ вечеръ, я отправился туда, чтобы смѣрять убитое животное и сдѣлать съ него набросокъ въ свой альбомъ. Туша уже раздулась въ безформенную массу, твердую, какъ барабанная шкура. Длина коровы отъ края верхней губы до рѣпицы = 2.46 м.; длина головы отъ роговъ до верхней губы 0.575 м., обхватъ морды поперехъ носа 0.45 м., обхватъ головы поперехъ глазъ 0.75 м., обхватъ шеи сейчасъ-же за ушами 0.71 м. Высота отъ нижняго края копытъ до верхняго края лопатокъ 1.37 м., а до верхняго края бедеръ

1,35 (при прямо вытянутыхъ ногахъ); длина хвоста 0,80 м. Длина роговъ снаружи 0,52 м., а внутри 0,40 м; обхватъ роговъ у корня 0,19 м. Обхвата самой туши не измѣряли, такъ какъ она черезчуръ раздулась. Масти корова была черной; кисть на концѣ хвоста густая; копыта крѣпкія; вымя не особенно значительной величины, зато сосцы большіе. Съ боковъ животнаго, точно бахрома, свѣшивалась клоками густая, черная шерсть. Брюхо, напротивъ, было совсѣмъ оголено. Нижняя челюсть снабжена 8 криво поставленными рѣзцами; верхняя широкимъ роговымъ наростомъ. Весь языкъ тоже усѣянъ роговыми бугорками, которыми животное срываетъ траву, лишай и мохъ.

Видя, что область эта изобилуетъ яками, мы рѣшили не брать шкуры коровы въ надеждѣ, что нападѣмъ на болѣе красиваго быка. Люди только вырубил топоромъ лучшіе куски мяса и вырѣзали весь языкъ, которымъ я въ теченіе нѣсколькихъ дней и лакомился за завтракомъ. Мясо-же оказалось жесткимъ и невкуснымъ. Надо было варить его по нѣскольку разъ, чтобъ оно стало хоть немного помягче. Конечно, въ этомъ до нѣкоторой степени виноватъ былъ разрѣженный воздухъ, — вода закипаетъ здѣсь всего при 80 съ чѣмъ то градусамъ *).

Остригли также шерсть съ боковъ и хвоста; изъ нея люди потомъ свили шнурки и бахрому которые надѣвали на лобъ подъ шапку, чтобы защитить глаза отъ солнечнаго блеска.

Въ то время, какъ мы осматривали убитую корову, въ разстояніи 150 шаговъ отъ насъ показалась другая. Она остановилась, съ удивленіемъ глядя на насъ. Наши непривычныя къ охотѣ собаки, однако, спугнули ее, и она быстрой рысью припустилась по холмамъ и исчезла.

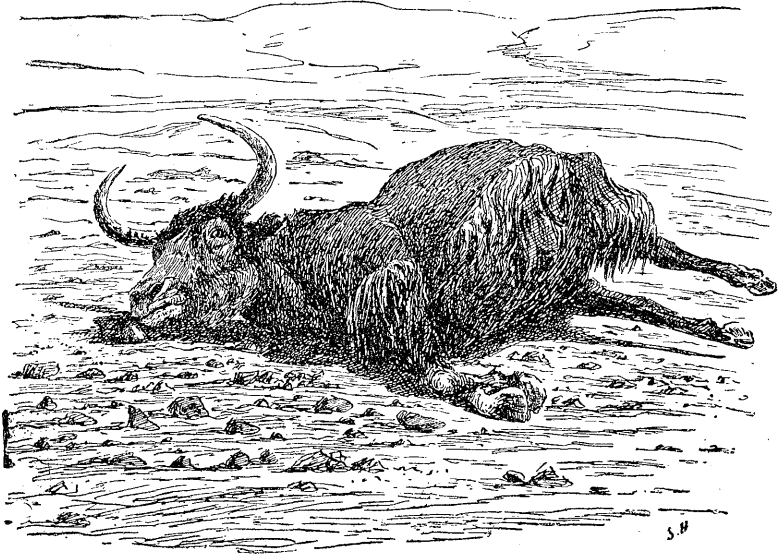
Подъ вечеръ увидѣли мы огромнаго быка, пасшагося въ одиночку. Онъ, повидимому, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на лошадей, пасшихся по близости. Исламъ-бай, котораго била охотничья лихорадка, подкрался къ нему неслышно, какъ пантера, держась все время подъ вѣтромъ, и принялся осыпать животное выстрѣлами.

Якъ упалъ лишь послѣ третьяго выстрѣла, но тотчасъ же

*) По термометру Цельзія.

вскочилъ и бросился на своего врага. Слѣдующая пуля заставила его завертѣться волчкомъ, но затѣмъ онъ опять устремился на Ислама. Такъ онъ падалъ и вскакивалъ нѣсколько разъ; только седьмая пуля уложила его на мѣстѣ.

Исламъ, торжествуя, вернулся въ лагерь и заявилъ, что теперь у насъ въ рукахъ будетъ чудесная шкура. Животное лежало какъ разъ на нашемъ пути, поэтому мы рѣшили, проходя завтра мимо, оставить около яка нѣсколькихъ людей, которые сняли бы шкуру, и верблюда, который донесъ бы ее до

Убитая корова яка.

(Съ рисунка автора).

слѣдующаго лагеря. Послѣдній рѣшено было разбить не въ очень большомъ разстояніи оттуда къ востоку.

Итакъ, 4 сентября мы двинулись дальше. Исламъ отлично замѣтилъ мѣсто между двумя холмами, гдѣ упало животное, каково-же было его, да и наше изумленіе, когда мы, прибывъ туда, не нашли яка! Вѣрный слуга мой былъ такъ пораженъ, что не могъ вымолвить слова. Потомъ онъ сталъ увѣрять, что якъ „взаправду былъ мертвъ“, когда онъ оставилъ его вчера вечеромъ. По слѣдамъ, отпечатавшимся на мягкой сырой почвѣ, мы, однако, увидѣли, что убитый снова ожилъ и убрался во свояси, не смотря на свои раны. Слѣды показывали также, что

животное безпрестанно падало, опять вставало и тащилось дальше. Особенно далеко якъ не могъ уйти, и мы, идя по слѣдамъ, дѣйствительно увидали съ одного холма, что онъ разгубливаетъ себѣ около озера, уткнувъ носъ въ землю.

Когда мы подошли къ нему приблизительно шаговъ на 100, онъ обернулся, остановился и, высоко поднявъ голову, воззрися на насъ. Пущенная въ него пуля привела его въ такую ярость, что онъ ринулся на насъ. Мы сочли за лучшее обратиться въ бѣгство, но не успѣли еще стиснуть ногами бока нашихъ пугливыхъ лошадей, какъ якъ былъ уже въ 20 шагахъ отъ насъ. Тутъ онъ, къ нашему счастью, остановился, грозно хрюкая, дико вращая глазами, пыхтя и кряхтя, взрывая песокъ носомъ и рогами и хлеща себя хвостомъ по бокамъ.

Получивъ еще пулю, онъ завертѣлся на мѣстѣ. Джолдашъ бросился было къ нему, но тотчасъ же обратился въ бѣгство, когда разъяренное животное, опустивъ рога и распустивъ хвостъ по вѣтру, съ ревомъ кинулось за нимъ.

Десятая пуля попала яку въ лѣвую бабку, такъ что нога заболталась въ воздухѣ, и онъ, въ бѣшенствѣ отчаянья, опять завертѣлся на мѣстѣ. Одиннадцатая пуля, пронизавъ лопатку и задѣвъ, вѣроятно, болѣе чувствительные органы, положила конецъ его мученьямъ. Якъ упалъ на правый бокъ. Когда мы приблизились къ нему, онъ сдѣлалъ послѣднее неудачное усиліе встать и скоро издохъ безъ судорогъ и агоніи.

Послѣ того, какъ мы соединенными усиліями повернули его и придали ему естественное положеніе, я срисовалъ его. Это былъ чудесный экземпляръ. „Съѣденные“ передніе зубы показывали, что якъ былъ старъ. Оба клыка совсѣмъ ушли въ десны. Внутреннія стороны роговъ были слегка надтреснуты и тоже обличали возрастъ животнаго. Искандеръ, одинъ изъ нашихъ таглыковъ, участвовавшій на своемъ вѣку во многихъ охотахъ на яковъ, сказалъ, что убитому яку было около 20 лѣтъ, и что вообще дикій якъ живетъ среднимъ числомъ шестью годами дольше домашняго, который къ 20 годамъ становится негоднымъ.

Длина туловища отъ верхней губы до рѣпицы хвоста равнялась 3.25 м.; длина хвоста съ пучкомъ волосъ на концѣ 1.07 м.; хвостъ у корня имѣлъ въ обхватѣ 0.19 м. Длина головы отъ темени до верхней губы 0.725 м.; разстояніе на